ISBN 0131—5706

Научно-публицистический журнал

2/2006

РОДИНА

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
Российской
Федерации

Министерство
промышленности,
науки и технологий
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

Федеральное
государственное
научное учреждение
«НИИ регионологии»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

2/2006

(№ 55)

СОДЕРЖАНИЕ

3 **Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации**

Теоретические проблемы регионологии

28 **В.В.Щебланова.** Глобальные угрозы: региональные практики противостояния

Территориальное управление

39 **Т.А.Кирсева.** Влияние неправительственных организаций на развитие международных отношений

Экономика региона

52 **С.А.Щапкин.** Национальные проекты в контексте экономического развития регионов России

59 **Т.А.Корнеева.** Методология корпоративного управления: региональный аспект

72 **А.И.Меркушев.** Методика предварительной оценки кредитного риска субъектов малого бизнеса для коммерческого банка региона

79 **Т.М.Полушкина.** Проблемы и роль сельскохозяйственного кредита в финансовом регулировании развития российской деревни

93 **М.В.Малаховская, Э.Г.Матюгина, Ю.В.Косова.** Формирование политики регионального развития в контексте природопользования как способ обеспечения целостности национальной экономики

Региональные проблемы науки и образования

104 **Н.В.Никитенко.** Стратегии рынка образовательных услуг

115 **О.И.Ключко.** Гендерные и толерантные характеристики субъектов образовательного процесса региона

129 **С.Н.Федорова.** Этнопсихологические особенности марийского этноса в профессиональной деятельности педагога

Редколлегия:

А.И.СУХАРЕВ
(главный редактор)
В.Д.ВОЛКОВ
Т.И.ГОЛУБЧИК
(ответственный секретарь)
В.И.ГРИБАНОВ
Д.В.ДОЛЕНКО
В.В.ИВАНОВ
В.В.КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В.В.КОНАКОВ
Н.С.КРУТОВ
Г.Ф.КУЦЕВ
Н.П.МАКАРКИН
М.В.МОСИН
В.А.НЕЖДАНОВ
В.А.НЕЧАЕВ
Ю.А.НОВИКОВ
К.И.ПЛЕТНЕВ
С.В.ПОЛУТИН
О.И.ПРУДНИКОВ
М.Н.ХОХЛОВ
Ю.В.ШЛЕНОВ
В.А.ЮРЧЕНКОВ

141 **О.Б.Кевбрина.** Высшее кооперативное образование Мордовии на рубеже веков

Социология региона

159 **А.Н.Тесленко.** Социализационный потенциал молодежи Казахстана: опыт социального партнерства

170 **И.Н.Краковская.** Человеческий капитал региона: проблемы сохранения и развития

179 **И.И.Осипова.** Ресоциализация несовершеннолетних с девиантным и делинквентным поведением

Экология региона

190 **В.В.Руженков.** Геоэкология ландшафтов территории размещения Мордовской ГРЭС

Информационное пространство региона

198 **Е.В.Дзякович.** Особенности массово-информационного пространства региона

Региональная история и историография

208 **Н.Г.Тараканова.** Исторический опыт института мировых судей в российской провинции

219 **С.М.Букин.** Общинное самоуправление мордвы во второй половине XVI—XVII вв.

Провинциальная культура

232 **М.С.Уланов.** Буддизм в Калмыкии на рубеже XX—XXI вв.

239 **Е.В.Полутина.** Социокультурные «гнезда» провинции: историографический анализ

250 **И.В.Берова.** Истоки визуализации архитектурного хронотопа в культуре Вятского региона

265 ***Юбилей***

310 ***Рецензии***

312 ***Конференции. Встречи. Дискуссии***

© «Регионология», 2006

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

10 мая 2006 г., Москва, Кремль

Уважаемое Федеральное Собрание!

Уважаемые граждане России!

В посланиях последних лет были сформулированы основные приоритеты социально-экономической политики на ближайшее десятилетие. И сегодня наши основные усилия направлены именно на те сферы, которые прямо определяют качество жизни граждан. Реализуются национальные проекты в области образования, здравоохранения, сельского хозяйства, в жилищном строительстве. Проблемы здесь накапливались, вы знаете, даже не годы, а десятилетия. Они крайне чувствительны для людей. Требовалось накопить немало ресурсов и сил, чтобы на них, наконец, сосредоточиться, за них взяться.

Во исполнение предложений, содержащихся в послании последнего года, был принят ряд законов, совершенствующих и нашу политическую систему. В частности, законы об Общественной палате, о парламентском расследовании, об участии победившей на региональных выборах партии, в наделении полномочиями глав субъектов федерации. Приняты также решения о совершенствовании отношений между федеральным центром, субъектами федерации и местным самоуправлением.

Другими словами, в последние годы мы целенаправленно работали над тем, чтобы сгладить возникшие диспропорции в государственном строительстве и в социальной сфере.

В то же время, планируя дальнейшее развитие нашей государственной и политической системы, мы, конечно, должны учитывать современное состояние нашего общества. В связи с этим отмечу одну из существенных черт нашей внутриполитической жизни: а именно — низкий

уровень доверия граждан к отдельным институтам государственной власти и к крупному бизнесу.

И понятно — почему.

С переменами начала 1990-х гг. были связаны большие надежды миллионов людей, однако ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд. Более того, некоторые представители этих сообществ, пренебрегая нормами закона и нравственности, перешли к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счет большинства граждан.

«Работая над великой общенациональной программой, которая призвана дать первостепенные блага широким массам, мы действительно наступали кое-кому на „больные мозоли", и будем наступать на них впредь. Но это — „мозоли" тех, кто старается достичь высокого положения или богатства, а может быть, того и другого вместе, коротким путем — за счет общего блага». Хорошие слова. Жалко только, что не я их придумал. Франклин Делано Рузвельт, Президент Соединенных Штатов Америки, 1934 г.

Это было сказано на выходе из Великой депрессии. Многие страны сталкивались с такими же проблемами, что и мы сегодня. И многие нашли из них достойный выход.

В основе этого было четкое понимание, что авторитет государства должен основываться не на вседозволенности и попустительстве, а на способности принимать справедливые законы и твердо добиваться их исполнения.

Разумеется, мы и впредь будем стремиться к тому, чтобы поднять престиж государственной службы, будем поддерживать российский бизнес. Но и бизнесмен с миллиардным состоянием, и чиновник любого ранга должны знать, что государство не будет беспечно взирать на их деятельность, если они извлекают незаконную выгоду из особых отношений друг с другом.

Говорю сейчас об этом потому, что, несмотря на предпринимаемые усилия, нам до сих пор не удалось устранить одно из самых серьезных препятствий на пути нашего развития — коррупцию. Считаю, что социальная ответственность должна быть основой деятельности и чиновников, и представителей бизнеса. И они обязаны помнить, что источником благополучия и процветания России является народ.

Государство же обязано сделать так, чтобы это было не на словах, а на деле. Убежден, что ни одну из актуальных

задач, стоящих перед нашей страной, мы не сможем решить без обеспечения прав и свобод граждан, без эффективной организации самого государства, без развития демократии и гражданского общества.

Напомню: как об абсолютном приоритете мы неоднократно говорили о необходимости добиваться высоких темпов экономического роста. В Послании 2003 г. были впервые сформулированы задачи удвоения ВВП за десять лет. Нетрудно посчитать: чтобы добиться этого результата наша экономика должна ежегодно прирастать на семь с небольшим процентов.

Казалось бы, мы в целом справляемся с этой задачей. За последние три года среднегодовой экономический рост как раз составил около 7 %. Однако хотел бы подчеркнуть, что если мы не устраним некоторые проблемы, не улучшим основные макроэкономические показатели и не обеспечим должного уровня экономической свободы, если не создадим равные условия конкуренции и не укрепим право собственности, то поставленные в сфере экономики задачи вряд ли удастся решить в заявленные сроки.

Мы уже приступили к осуществлению конкретных шагов по изменению структуры нашей экономики (об этом ранее много говорили) — приданию ей инновационного качества. Считаю, что предпринимаемые Правительством шаги в этом направлении — правильны, но при этом отмечу следующее.

Во-первых, государственные инвестиции необходимы, конечно, но они не единственное средство достижения цели. Во-вторых, важен не столько их объем, сколько умение правильно выбрать приоритеты. И при этом крайне важно сохранить ответственную экономическую политику, избранную нами пять лет назад.

Сегодня после длительного периода жизни в условиях бюджетного дефицита и резких колебаний курса рубля ситуация кардинально меняется, и следует сохранить достигнутую финансовую стабильность как одно из базовых условий повышения доверия людей к государству. Условие готовности предпринимателей вкладывать деньги в развитие бизнеса.

В современной ситуации, сегодня мы имеем возможность более трезво, спокойно оценить угрозы, с которыми Россия

сталкивается как часть мировой системы. Угрозы, которые представляют опасность внутреннему развитию и международным интересам нашей страны. Можем подробнее поговорить и о нашем месте в мировой экономике.

В условиях жесткой международной конкуренции экономическое развитие страны должно определяться главным образом ее научными и технологическими преимуществами. К сожалению, большая часть технологического оборудования, используемого сейчас российской промышленностью, отстает от передового уровня даже не на годы, а на десятилетия, а эффективность использования энергии — даже со ссылкой на климатические условия — у нас в разы ниже, чем у прямых конкурентов России на мировых рынках.

Да, мы знаем: такой наша промышленность, наша экономика строилась еще в советские времена, но знать этого абсолютно недостаточно. Необходимо принять конкретные меры для того, чтобы ситуацию изменить. И, не нарушая достигнутую финансовую устойчивость, нам надо сделать серьезный шаг к стимулированию роста инвестиций в производственную инфраструктуру и в развитие инноваций. Россия должна в полной мере реализовать себя в таких высокотехнологичных сферах, как современная энергетика, коммуникации, космос, авиастроение. Должна стать крупным экспортером интеллектуальных услуг.

Разумеется, мы рассчитываем на рост предпринимательской инициативы во всех секторах экономики, и будем создавать для этого необходимые условия. Мощный рывок в вышеназванных, традиционно сильных для страны областях — это наш шанс использовать их как локомотив развития, это реальная возможность изменить структуру всей экономики и занять достойное место в мировом разделении труда.

Так, мы уверенно чувствуем себя в добывающих отраслях. Наши предприятия здесь вполне конкурентоспособны. Например, «Газпром», вы знаете, вышел на третье место в мире по капитализации среди крупнейших корпораций мира, сохраняя при этом достаточно низкие тарифы для российских потребителей. И этот результат возник не сам по себе, а как следствие целенаправленных действий со стороны государства.

Однако на этом, разумеется, нельзя успокаиваться и останавливаться. Необходимо создать условия для ускоренного технологического обновления энергетической отрасли. Надо развивать современные перерабатывающие производства и транспортные мощности, осваивать новые, перспективные рынки. И при этом необходимо полностью обеспечивать как потребности внутреннего развития, так и исполнять обязательства перед нашими традиционными партнерами.

Сегодня необходимы и шаги по развитию атомной энергетики, основанной на безопасных реакторах нового поколения. Нужно укрепить позиции России на мировых рынках атомного машиностроения, максимально используя здесь наши знания и навыки, новейшие технологии и, разумеется, международную кооперацию.

Решению этой задачи должна служить и реструктуризация самой отрасли. И, разумеется, надо прицельно работать на перспективных направлениях энергетики — водородном и термоядерном. Кроме того, следует кардинально повысить эффективность потребления энергии. Это требование — не прихоть для страны, богатой ресурсами. Это — вопрос нашей конкурентоспособности в условиях интеграции в мировую экономику, вопрос качества жизни людей и экологической безопасности.

Убежден, только так можно обеспечить России ведущие, стабильные позиции на энергетических рынках на долгосрочную перспективу. И Россия сможет сыграть свою позитивную роль в формировании единой европейской энергетической стратегии.

Опираясь на благоприятное географическое положение страны, мы обязаны эффективно реализовать свой потенциал и в столь перспективной сфере современных коммуникаций. Ключевое решение здесь — это комплексное, взаимоувязанное развитие всех видов транспорта и связи.

Отмечу, что новые возможности для реализации таких проектов дают и концессионные механизмы. Надо задействовать их уже в самое ближайшее время.

Неоправданно долго решаются вопросы реорганизации таких важнейших отраслей, как авиа- и судостроение. Правительство должно оперативно, наконец, завершить работу по созданию соответствующих холдингов.

Для нас крайне важно не ошибиться и в выборе приоритетов развития космической отрасли. Нельзя забывать, что освоение космоса — это оборонный щит России, возможность раннего выявления глобальных природных катаклизмов, площадка для получения новых материалов, технологий. Для решения этих и других задач потребуются существенные капиталовложения в модернизацию мощностей по производству космической техники и развитие наземной инфраструктуры.

Россия может стать и одним из лидеров в нанотехнологиях. Это одно из самых перспективных направлений и путь развития энергосбережения, элементной базы, медицины, робототехники. Считаю необходимым в ближайшее время разработать и принять действенную программу в этой области.

Рассчитываю также, что реализация совместных планов Правительства и Академии наук по модернизации научной отрасли не будет формальной, а принесет реальные результаты, даст отечественной экономике перспективные научные разработки.

Нам в целом нужна сегодня такая инновационная среда, которая поставит производство новых знаний «на поток». Для этого нужно создать и необходимую инфраструктуру: технико-внедренческие зоны, технопарки, венчурные фонды, инвестиционный фонд — все это уже делается, создается. Нужно сформировать благоприятные налоговые условия для финансирования инновационной деятельности.

Считаю также, что государство должно оказывать содействие и в приобретении современных технологий за рубежом. В этом плане определенные шаги уже сделаны. В первую очередь, конечно, для модернизации приоритетных секторов промышленности. Прошу в этой связи проанализировать возможность направления ресурсов в капиталы соответствующих финансовых институтов, занимающихся лизингом, кредитованием и страхованием такого рода контрактов.

Необходимым условием развития новых технологий остается надежная защита интеллектуальной собственности. И мы должны обеспечить охрану авторских прав внутри страны — это наша обязанность и перед нашими иностран-

ными партнерами. Мы также должны усилить защиту интересов российских правообладателей за рубежом.

Уважаемые коллеги, современной России нужен беспрепятственный выход со всей своей продукцией на международные рынки. Для нас это вопрос более рационального участия в международном разделении труда, вопрос получения полноценных выгод от интеграции в мировую экономику. Именно с этой целью мы продолжаем вести переговоры о присоединении к Всемирной торговой организации. И ведем их только на условиях, которые полностью учитывают экономические интересы России.

Очевидно, что наша экономика уже сейчас является более открытой, чем экономики многих членов этой уважаемой организации. И переговоры о вступлении России в ВТО не должны становиться инструментом торга по вопросам, не имеющим ничего общего с деятельностью этой организации.

В Послании 2003 г. ставилась задача обеспечения конвертируемости рубля. Были намечены определенные планы, и, должен сказать, они выполняются. Сегодня предлагаю ускорить отмену оставшихся ограничений и завершить эту работу до 1 июля текущего года.

Однако реальная конвертируемость рубля во многом зависит от его привлекательности как средства, используемого для расчетов и сбережений. И здесь нам еще очень многое предстоит сделать. В частности, рубль должен стать более универсальным средством для международных расчетов и должен постепенно расширять зону своего влияния.

В этих же целях необходимо организовать на территории России биржевую торговлю нефтью, газом, другими товарами. Торговлю — с расчетом рублями. Наши товары торгуются на мировых рынках. Почему не у нас? Правительству следует ускорить решение этих вопросов.

Повторю, возросшие экономические возможности позволили нам направить дополнительные инвестиции в социальную сферу, а по сути — в рост благосостояния людей, в завтрашний день России.

Так, проект «Доступное жилье» должен за два года снизить ставки по ипотечным кредитам, а общий объем этих кредитов — увеличить почти в три раза: до 260 млрд руб.

Значительные ресурсы — в рамках отдельно выделенного национального проекта — направлены на развитие сельского хозяйства. Уже начато строительство жилья для молодых специалистов на селе. Развивается система кредитования потребительской кооперации, личных подсобных хозяйств и крупных сельхозпроизводств. Мы содействуем закупке очень нужных нашему селу новых технологий и качественной сельхозтехники.

Несколько слов о целях и мерах, предусмотренных национальным проектом «Образование».

России нужна конкурентоспособная образовательная система. В противном случае, мы столкнемся с реальной угрозой отрыва качества образования от современных требований. Необходимо в первую очередь поддержать те высшие учебные заведения, которые реализуют инновационные программы. В том числе путем закупки для вузов новейших отечественных и зарубежных образцов оборудования.

Правительство должно навести порядок и с содержанием программ в профобразовании. Причем делать это надо совместно с представителями бизнеса и социальных отраслей, для которых, собственно, и готовятся специалисты. Следует создать систему объективного, независимого внешнего контроля за качеством получаемых знаний. И необходимо в широком, открытом диалоге с общественностью выработать принципы установления объективных рейтингов вузов.

Не нужно бояться расширить финансовую самостоятельность учебных заведений, в том числе и школ, с одновременным повышением их ответственности за все составляющие качества учебного процесса и за его конечный результат.

Поддерживаю инициативы наших предпринимателей о финансировании крупнейших университетов посредством специальных фондов развития и о формировании системы образовательных кредитов. И здесь следует продумать вопрос о совершенствовании законодательства, стимулирующего такие расходы и создающего необходимые гарантии. Специально не говорю «государственные гарантии», но гарантии должны быть, и Правительство может организовать такую работу и создать такие механизмы.

Еще один национальный проект был начат нами в сфере здравоохранения. Он направлен на укрепление системы первичной медико-санитарной помощи и профилактики, на повышение доступности высокотехнологичных медицинских услуг. Хочу, однако, подчеркнуть: средства, выделяемые на реализацию национальных проектов, составляют всего 5—7 % от объема государственного финансирования этих отраслей.

Правительству, региональным властям, органам местного самоуправления необходимо системно работать над модернизацией указанных отраслей и эффективно использовать уже имеющиеся здесь значительные ресурсы. Это должно обеспечить повышение качества услуг в здравоохранении и образовании. И при правильной организации работы, конечно, позволит значительно увеличить заработную плату всех категорий работников, а не только тех, которые получают доплаты в рамках приоритетных проектов.

Кроме того, уже с этого года большая часть расходов федерального бюджета должна быть ориентирована на конечный результат. Региональные органы власти также обязаны приступить к такой работе. Я специально обращаю на это внимание региональных властей. Правительство сделало первые шаги в этом направлении. В регионах почти ничего не происходит.

Необходимо продолжить и процесс передачи полномочий. В частности, надо передать регионам часть инвестиционных средств федерального бюджета, которые, по своей сути, сейчас финансируют муниципальные полномочия. И давно пора прекратить из Москвы руководить строительством школ, бань и канализаций.

А теперь о главном. Что у нас главное? Правильно. В Министерстве обороны знают, что у нас самое главное. Речь действительно пойдет о любви, женщинах, детях, семье, и самой острой проблеме современной России — о демографии.

Проблемы экономического и социального развития страны тесно связаны с простым вопросом: для кого мы все это делаем?

Вы знаете, что в среднем число жителей нашей страны становится меньше ежегодно на 700 тыс. чел. Мы неоднок-

ратно поднимали эту тему, но мало что сделали. Для решения этой проблемы необходимо следующее. Первое — снижение смертности, второе — эффективная миграционная политика, и третье — повышение рождаемости.

Правительство только недавно приняло Программу безопасности движения. Дело осталось за малым: реализовать намеченное.

Обращаю, кстати, внимание Правительства на медлительность и непростительный бюрократизм в решении задач подобного рода. Об этом же говорилось еще в прошлом послании, год назад. Только сейчас подготовили программу. Уверен, что и другие проблемы, изложенные в прошлом Послании, решаются не всегда должным образом.

Предпринимаются и меры по пресечению ввоза и производства внутри страны суррогатной алкогольной продукции. Правильный акцент сделан и в рамках нацпроекта «Здоровье». В частности, выявления, профилактики и лечения сердечно-сосудистых, других заболеваний, которые дают высокий процент смертности среди населения.

Что касается совершенствования миграционной политики, то приоритетом здесь остается привлечение из-за рубежа наших соотечественников. При этом необходимо все больше стимулировать приток в страну квалифицированной миграции — людей образованных и законопослушных. Переезжающие в Россию люди должны с уважением относиться к российской культуре, нашим национальным традициям.

Но никакая миграция не решит наших демографических проблем, если мы не создадим надлежащие условия и стимулы для роста рождаемости здесь, у нас, в нашей собственной стране, не примем эффективных программ поддержки материнства, детства, поддержки семьи. Даже наметившийся небольшой рост рождаемости и уменьшение детской смертности — это не столько результат наших целенаправленных усилий в этой сфере, а скорее отражение общей позитивной социально-экономической динамики в стране. Тоже неплохо, но недостаточно.

Начав реализацию крупнейших за последние годы социальных проектов, мы заложили с вами неплохую базу, в том числе для решения демографических проблем. Однако и это недопустимо мало. И вы знаете почему: положение в этой сфере критическое.

Уважаемые члены Федерального Собрания, вам скоро предстоит работать над бюджетом 2007 г. — года выборов в Государственную Думу. Понятно, что процесс принятия бюджета будет во многом определяться желанием как можно больше сделать для своих избирателей, но если мы действительно хотим сделать для граждан что-то полезное и нужное — предлагаю вам, отодвинув в сторону политические амбиции и не распыляя ресурсы, сосредоточиться на решении важнейших для страны проблем. Одна из них — демографическая, или, как точно выразился А.И.Солженицын, это в широком смысле «сбережение народа». Тем более, что в обществе есть консенсус в понимании того, что мы должны в первую очередь решить именно эту, ключевую для всей страны проблему.

Убежден, что при таком подходе вы заслужите слова благодарности миллионов матерей, молодых семей, всех граждан нашей страны.

О чем конкретно идет речь?

Предлагаю программу стимулирования рождаемости, а именно: меры поддержки молодых семей, поддержки женщин, принимающих решение родить и поднять на ноги ребенка. Во всяком случае, сегодня мы должны стимулировать рождение хотя бы второго ребенка.

Что мешает молодой семье, женщине принять такое решение — особенно если речь идет о втором или третьем ребенке?

Ответы здесь очевидны и известны: это низкие доходы, отсутствие нормальных жилищных условий, сомнение в собственных возможностях обеспечить будущему ребенку достойный уровень медицинских услуг, качественное образование. А иногда и сомнение, что греха таить, и просто в том, сможет ли она его прокормить.

Женщина при планировании ребенка вынуждена выбирать: либо родить, но лишиться работы, либо отказаться от рождения ребенка. Это очень тяжелый выбор.

Стимулирование рождаемости должно включать целый комплекс мер административной, финансовой и социальной поддержки молодой семьи. Подчеркну, из перечисленных мною мер — все важно, но без материального обеспечения ничего не сработает.

Что мы можем и должны сделать уже сегодня?

Считаю необходимым кардинальным образом увеличить размер пособий по уходу за ребенком до 1,5 лет.

Мы с вами в прошлом году увеличили такое пособие с 500 до 700 руб. Я знаю, что многие депутаты были активными сторонниками этого решения. Предлагаю на первого ребенка с 700 руб. поднять до 1,5 тыс. руб., а на второго — до 3 тыс. руб. ежемесячно.

Женщины, которые имели работу, но ушли в отпуск по беременности и родам, а впоследствии по уходу за ребенком до 1,5 лет должны получать за счет государства не менее 40 % от прежнего заработка. Мы с вами понимаем, что нужно будет обозначить верхнюю планку, с которой считается сумма. Надеюсь, что Правительство совместно с депутатами определит эту планку, но сумма пособия в любом случае не должна быть меньше той, которую будет получать ранее не работавшая женщина, то есть 1,5 и 3 тыс. руб. соответственно.

Другая проблема — это своевременное возвращение женщины к нормальной трудовой деятельности. Для этого предлагаю ввести компенсацию затрат на детское дошкольное воспитание. Для первого ребенка — на сумму, равную 20 %, для второго — 50 %, и для третьего — 70 % от среднего размера оплаты, взимаемой с родителей за посещение ребенком дошкольного учреждения.

Я обращаю ваше внимание на то, что было сказано от суммы взимаемой. Не стоимости в детском учреждении, а взимаемой сегодня с родителей. Руководители регионов, понимают, что я имею в виду. При этом региональные и местные власти должны обеспечить потребности в детских садах и ясельных группах.

Помимо этого, надо совместно с субъектами федерации разработать программу по материальному стимулированию устройства на воспитание в семьях сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Таких детей, находящихся сегодня в детдомах, у нас около 200 тыс. На самом деле сирот гораздо больше, но в детдомах находится около 200 тыс. И иностранцы у нас, по-моему, уже больше усыновляют наших детей, чем у нас в собственной стране. Предлагаю практически в два раза увеличить выплаты на содержание ребенка в семье опекуна и приемной семье до

уровня не менее 4 тыс. руб. ежемесячно. При этом предлагаю существенно увеличить и заработную плату приемному родителю: с 1—1,5 тыс. руб. до 2,5 тыс. руб. ежемесячно, а также установить единовременное пособие при всех формах устройства детей, лишенных родительского попечения, в семью в размере 8 тыс. руб., то есть установить сумму, равную пособию при рождении ребенка.

Поручаю Правительству совместно с регионами создать такой механизм, который позволит сократить число детей, находящихся в интернатных учреждениях. Мы должны также позаботиться о здоровье будущих матерей и новорожденных, о снижении детской смертности и инвалидности.

Предлагаю увеличить стоимость родовых сертификатов, которые мы ввели в прошлом году и которые зарекомендовали себя неплохо. Предлагаю увеличить их стоимость в женской консультации с 2 до 3 тыс. руб., а стоимость сертификата в родильном доме с 5 до 7 тыс. руб.

Дополнительные средства должны использоваться на покупку необходимых препаратов для женщин и поощрения высокого качества медицинских услуг, определяемого — хочу это подчеркнуть — обязательно с учетом мнения пациентки, то есть самой женщины. Нужно выработать такой механизм. Несложно это сделать.

Кроме того, в ближайшее время надо принять программу создания в стране сети современных перинатальных центров и обеспечить роддома необходимым оборудованием, специальным транспортом и другой техникой.

Наконец, следующая, самая действенная, на мой взгляд, мера материальной поддержки. Считаю, государство обязано помочь женщине, которая родила второго ребенка и на долгое время выбывает из трудовой деятельности, теряя свою квалификацию.

К сожалению, — и я думаю, здесь нечего стесняться, о таких вещах нужно говорить прямо, если мы хотим решить такие проблемы, — женщина в подобных случаях подчас попадает в зависимое, а иногда, прямо скажем, и в унизительное положение в семье. Государство, если оно действительно заинтересовано в повышении рождаемости, обязано поддержать женщину, принявшую решение родить второго ребенка, должно предоставить в ее распоряжение,

так сказать, первичный, базовый «материнский капитал», который реально повысил бы ее социальный статус, помог решать будущие проблемы. И которым она могла бы распорядиться следующим образом: либо для решения жилищного вопроса, вложив его в приобретение жилья с использованием ипотеки или других схем кредитования по достижении ребенком трехлетнего возраста, либо направить эти средства на образование детей, или, если захочет, положить деньги в накопительную часть своей собственной пенсии.

По мнению экспертов, размер таких государственных обязательств в денежном выражении не может быть меньше 250 тыс. руб. Эта сумма должна ежегодно индексироваться по инфляции.

Встает вопрос о том, как быть в отношении тех семей, в которых уже есть не менее двух детей. Вопрос не праздный, и я полагаю, что депутаты примут по этому поводу взвешенное решение.

Разумеется, для реализации всего вышеназванного плана потребуется большая работа и просто огромные деньги. Прошу просчитать нарастающие по годам обязательства государства, и обозначить срок действия программы — не менее 10 лет. Имея в виду, что по его истечении государство должно будет принять решение, исходя из экономической и демографической ситуации в стране.

И наконец, средства, необходимые для начала намеченных мероприятий, должны быть предусмотрены уже в бюджете следующего года. Этот механизм должен быть запущен с 1 января 2007 г. Прошу вас вместе с Правительством разработать порядок реализации предложенной программы.

В завершение этой темы отмечу: проблему низкой рождаемости невозможно решить без изменения отношения всего общества к семье и ее ценностям. Академик Д.С.Лихачев когда-то писал, что любовь к родному краю, к своей стране начинается с любви к своей семье. Мы должны восстановить наши старинные ценности бережного отношения к семье, к родному очагу.

Занимаясь проблемой повышения рождаемости, поддержкой молодой семьи, мы не вправе забывать и о старших

поколениях. Это люди, всю жизнь отдавшие стране, работавшие на страну, а если нужно было — вставшие на ее защиту. Мы должны сделать все, чтобы обеспечить им достойную жизнь.

Вы знаете, в течение последних лет неоднократно — причем раньше запланированных сроков — производилось повышение пенсий. И в следующем году пенсии будут повышены в общей сложности еще почти на 20 %. Значительные ресурсы государства направляются на обеспечение социальных льгот и гарантий для пенсионеров и ветеранов. Необходимо продолжить программу обеспечения этих категорий граждан социальным жильем, включая использование дополнительных ресурсов в рамках проекта «Доступное жилье».

Прошу и впредь рассматривать эту работу как один из ключевых приоритетов.

Уважаемые депутаты и члены Совета Федерации, для уверенного, спокойного решения всех вышеперечисленных вопросов — вопросов мирной жизни — мы должны найти убедительные ответы на угрозы в сфере национальной безопасности. Отмечу, что на фоне активно идущего переустройства мира появилось множество новых проблем, с которыми реально сталкивается наша страна. Эти угрозы менее предсказуемы, чем прежние, и уровень их опасности в полной мере, до конца не осознан. В целом, очевидна тенденция к расширению в мире конфликтного пространства, и что крайне опасно, его распространения на зону наших жизненно важных интересов.

Так, весьма значительной остается террористическая угроза. Причем существенной подпиткой для террористов, источником их вооружения и полем для практического применения сил остаются локальные конфликты. Часто на этнической почве, к которой нередко добавляется межконфессиональное противостояние, искусственно нагнетаемое и навязываемое миру экстремистами самых разных мастей.

Знаю, что кое-кто очень бы хотел, чтобы Россия погрязла в этих проблемах, и как следствие, не могла бы решать ни одну из своих проблем полноценного развития.

Серьезные опасности связаны и с распространением оружия массового поражения. В случае, если такое оружие

попадет в руки террористов — а они к этому стремятся — последствия будут просто катастрофическими. Подчеркну, мы однозначно выступаем за укрепление режима нераспространения. Без каких-либо изъятий, на основе международного права. Известно, что силовые методы редко приносят искомый результат, а их последствия подчас становятся страшнее изначальной угрозы.

Хотел бы сегодня поднять еще один важный вопрос. Значимым направлением международной политики на протяжении десятилетий является разоружение. И наша страна внесла огромный вклад в поддержание стратегической стабильности в мире. Между тем на фоне такой острейшей угрозы как международный терроризм, ключевые вопросы разоруженческой тематики фактически «выпали» из глобальной повестки, в то время как говорить о конце гонки вооружений преждевременно.

Более того, ее «маховик» сегодня раскручивается, и она сама реально выходит на новый технологический уровень, угрожая появлением целого арсенала так называемых дестабилизирующих видов оружия.

До сих пор не обеспечена гарантия невывода оружия в космос, в том числе и ядерного. Существует потенциальная угроза создания и распространения ядерных зарядов малой мощности. Кроме того, в средствах массовой информации, в экспертных кругах уже обсуждаются планы использования межконтинентальных баллистических ракет с неядерными боеголовками. Пуск такой ракеты может спровоцировать неадекватную реакцию со стороны ядерных держав, включая полномасштабный ответный удар с использованием стратегических ядерных сил.

При этом далеко не все в мире смогли уйти от стереотипов «блокового» мышления и предрассудков, доставшихся нам от эпохи глобальной конфронтации. Не смогли, несмотря на то, что в мире произошли кардинальные перемены. И это тоже серьезно мешает находить адекватные и солидарные ответы на общие проблемы.

С учетом всего сказанного, военные и внешнеполитические доктрины России также должны дать ответ на самые актуальные вопросы. А именно: как уже в нынешних условиях и совместно с партнерами эффективно бороться не только с террором, но и с распространением ядерного,

химического, бактериологического оружия; как «гасить» современные локальные конфликты; как преодолевать другие, новые вызовы. Наконец, нужно четко осознавать, что ключевую ответственность за противодействие всем этим угрозам, за обеспечение глобальной стабильности будут нести ведущие мировые державы. Державы, обладающие ядерным оружием, мощными рычагами военно-политического влияния. Вот почему вопрос модернизации российской армии является сейчас крайне важным, и он реально волнует российское общество.

В посланиях разных лет мы говорили о проблемах национальной безопасности, но сегодня хотел бы более детально проанализировать современное состояние и перспективы развития нашего флота и российской армии.

Мы чествуем ветеранов, поздравляем их с Днем Победы. Пожалуй, главный урок истории Великой Отечественной войны — это необходимость поддержания боеготовности Вооруженных Сил. При этом подчеркну, что наши расходы на оборону в процентах к ВВП сегодня являются сопоставимыми, либо чуть меньшими, чем у других ядерных держав, к примеру, у Франции или Великобритании. А в абсолютных цифрах — в конечном итоге мы с вами понимаем, важны именно абсолютные цифры — они в два раза меньше, чем у этих стран, не идут ни в какое сравнение с расходами Соединенных Штатов Америки. Их военный бюджет в абсолютных величинах почти в 25 раз больше, чем у России. Вот это и называется в оборонной сфере «Их дом — их крепость». И молодцы! Молодцы!

Это значит, что и мы с вами должны строить свой дом крепким, надежным, потому что мы видим, что в мире происходит. Мы же это видим! Как говорится «товарищ волк знает, кого кушать». Кушает — и никого не слушает, и слушать, судя по всему, не собирается.

Куда только пропадает весь пафос необходимости борьбы за права человека и демократию, когда речь заходит о необходимости реализовать собственные интересы? Здесь, оказывается, все возможно, нет никаких ограничений. Но, понимая всю остроту этой проблемы, мы не должны повторять ошибок Советского Союза, ошибок эпохи «холодной войны» ни в политике, ни в оборонной стратегии. Не должны решать вопросы военного строительства в ущерб

задачам развития экономики и социальной сферы. Это тупиковый путь, ведущий к истощению ресурсов страны.

Естественно, возникает вопрос: можем ли мы в условиях такого финансового диспаритета с другими ведущими державами надежно обеспечить свою безопасность? Конечно, можем. Предлагаю поговорить об этом поподробнее.

Еще несколько лет назад сама структура Вооруженных Сил была неадекватной существующим реалиям. Образовался и провал в оснащении армии и флота современными средствами вооруженной борьбы. В период с 1996 по 2000 г. не было заложено ни одного корабля, а на вооружение было принято всего 40 образцов военной техники. Войска проводили учения «на картах», флот был прикован к берегу, а авиация — к аэродромам. И тогда, в 1999 г., когда возникла необходимость противостоять масштабной агрессии международного терроризма на Северном Кавказе, проблемы армии обнажились до боли.

Я очень хорошо помню разговор с начальником Генерального штаба. Он, наверное, здесь присутствует. Для эффективного ответа террористам нужно было собрать группировку численностью не менее 65 тыс. чел. А во всех сухопутных войсках, в боеготовных подразделениях — 55 тыс., и те разбросаны по всей стране. Армия — 1 млн 400 тыс. чел., а воевать некому. Вот и посылали необстрелянных пацанов под пули. Никогда этого не забуду. Наша с вами задача в том, чтобы это никогда больше не повторилось.

Сегодня ситуация в армии качественно меняется. Создана современная структура Вооруженных Сил. Идет переоснащение армейских подразделений новыми и модернизированными образцами военной техники, которые составят основу системы вооружения вплоть до 2020 г. С этого года уже начались массовые, серийные закупки техники для нужд Министерства обороны России.

Реанимировано военное кораблестроение, строятся боевые корабли практически всех типов. В ближайшее время в состав ВМФ России войдут две новые атомные субмарины со стратегическим оружием на борту. Они оснащены новыми ракетными комплексами «Булава», которые вместе с комплексом «Тополь-М» станут основой стратегических сил сдерживания.

Подчеркну, — это первые подводные атомные стратегические лодки, строительство которых заканчивается в новой России. Ни одной лодки подобного типа с 1990 г. мы не строили. Кстати, шахтным «Тополем-М» уже оснащены пять полков ракетных войск стратегического назначения, и в этом году в одну из ракетных дивизий начнет поступать и его подвижной вариант.

Еще один важный показатель последних лет: в войсках ведется интенсивная боевая и оперативная подготовка, проведены десятки полевых учений, дальних морских походов. Сегодня только один из них закончился.

Как следствие таких перемен — заметно укрепился боевой дух, психологическое состояние солдат и офицеров. И мы знаем примеры массового героизма среди военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

Показательны и изменения в структуре военного бюджета. Из года в год увеличиваются ассигнования на оборону. При этом все больше средств вкладывается именно в качество Вооруженных Сил. В ближайшие годы мы должны добиться того, чтобы расходы на развитие составили не менее половины военного бюджета. При этом каждый бюджетный рубль должен быть использован рачительно и по прямому назначению.

Давно говорил о необходимости сформировать единую систему заказов и поставок вооружения, военной техники и средств тылового обеспечения. Правительству до конца года необходимо решить эту задачу, довести эту работ до конца, а затем создать и уполномоченное федеральное гражданское агентство. Очень рассчитываю, что эта мера даст и свой положительный эффект для преодоления коррупции в армейской среде.

Полагаю необходимым назвать сейчас основные требования к уровню задач, которые должны быть готовы решать наши Вооруженные Силы. В течение ближайших пяти лет предстоит существенно повысить оснащенность стратегических ядерных сил современными самолетами дальней авиации, подводными лодками и пусковыми установками ракетных войск специального назначения.

Уже сегодня успешно ведутся работы по созданию уникальных комплексов высокоточного оружия и боевых маневренных блоков, не имеющих для потенциального про-

тивника предсказуемой траектории полета. Наряду со средствами преодоления систем противоракетной обороны, которые у нас есть уже сейчас, новые виды вооружений позволяют нам сохранить то, что, безусловно, является одной из самых существенных гарантий прочного мира, а именно — сохранить стратегический баланс сил.

Мы должны учитывать планы и направления развития вооруженных сил в других странах, должны знать о перспективных разработках, но не гнаться за количественными показателями, не «палить» деньги зря. Наши ответы должны быть основаны на интеллектуальном превосходстве. Они будут асимметричными, менее затратными, но будут, безусловно, повышать надежность и эффективность нашей ядерной триады.

Обращаю внимание: современной России нужна армия, имеющая все возможности адекватно реагировать на современные угрозы. У нас с вами должны быть Вооруженные Силы, способные одновременно вести борьбу в глобальном, региональном, а если потребуется, и в нескольких локальных конфликтах. Должны при любых сценариях гарантировать безопасность и территориальную целостность России.

Есть и еще одно важное требование, это соответствие процесса комплектования целям создания профессиональной и мобильной армии.

Особо подчеркну, что в течение последних пяти лет уже были проведены необходимые сокращения численности Вооруженных Сил. И в дальнейшем доведение их до оптимального уровня в 1 млн чел. не предусматривает специальных мероприятий по сокращению, а должно быть достигнуто путем естественного выбытия части офицерского состава, отслужившего положенные законом сроки службы. Причем, сокращение произойдет только за счет уменьшения бюрократического аппарата. Боевые подразделения вообще сокращаться не будут.

Одновременно произойдут изменения в системе военного управления. Будет усовершенствована и мобилизационная база Вооруженных Сил, а в целом к 2008 г. наша армия более чем на две трети должна стать профессиональной. Все это позволяет нам сократить срок службы по призыву до 12 месяцев.

Считаю также необходимым (после перевода частей постоянной готовности на контракт) разработать и с 2009 г. начать осуществление программы комплектования на этих же принципах должностей сержантов и старшин, а также экипажей надводных кораблей.

Вы знаете, в частях Вооруженных Сил, расквартированных в Чеченской Республике, службу несут контрактники, а с 1 января 2007 г. и Внутренние Войска МВД также переходят в Чечне на контракт. Другими словами, в антитеррористических операциях мы полностью отказываемся от использования военнослужащих по призыву.

В составе сил Общего назначения к 2011 г. будет сформировано около 600 частей и соединений постоянной готовности. При этом планируется значительное увеличение их количества в истребительной, армейской авиации, войсках ПВО, подразделениях связи, радиоэлектронной разведки и электронной борьбы.

В случае необходимости на любом потенциально опасном направлении могут быть оперативно созданы мобильные и самодостаточные группировки, костяк которых составят профессионально подготовленные части и соединения постоянной готовности.

Служба в российской армии должна стать современной и престижной. Человек, защищающий Родину, должен иметь высокий общественный и материальный статус, прочные социальные гарантии.

К 2010 г. должен быть окончательно снят вопрос с постоянным, а к 2012 г. — со служебным жильем для военнослужащих. На ближайшие годы запланирован также ряд повышений денежного довольствия. Одновременно развивается система страхования и медицинской помощи для военнослужащих.

И наконец, не менее важная задача — это укрепление дисциплины в войсках. Вы знаете, политические издержки «переходного периода» и отсутствие финансовых средств фактически привели армию к комплектованию по остаточному принципу, ухудшению условий несения службы, падению уровня боевой подготовки. Сегодня огромное число молодых людей призывного возраста имеют хронические болезни, пристрастие к алкоголю, курению, а порой и к наркотикам.

Считаю, что в школах надо не только учить, но и воспитывать. Надо заниматься физической и военно-патриотической подготовкой молодежи, возрождать допризывную военную подготовку, помогать развитию военно-технических видов спорта. Правительству необходимо принять соответствующую программу по этому поводу.

Органам государственной власти субъектов федерации следует серьезно озаботиться не только планами по набору в армию, но и отвечать за качество этого призыва, и обеспечивать такую подготовительную работу в самом тесном контакте с армией.

Подчеркну, чтобы кардинально исправить положение одних административных мер сейчас недостаточно. Надо осознать, что армия — это часть нас самих, нашего общества, а служба в ней крайне важна и необходима стране, всему российскому народу.

Известный русский мыслитель Иван Ильин, размышляя о базовых принципах, на которых должно прочно стоять Российское государство, отмечал, что солдат есть звание высокое и почетное, что «он представляет всероссийское народное единство, русскую государственную волю, силу и честь».

Мы должны быть всегда готовы отразить потенциальную внешнюю агрессию и акты международного терроризма. Должны быть способны ответить на чьи бы то ни было попытки внешнеполитического давления на Россию, в том числе с целью добиться укрепления своих собственных позиций за наш счет. Нужно прямо сказать: чем сильнее будут наши Вооруженные Силы, тем меньше будет соблазн такое давление на нас оказывать, под каким бы предлогом оно не проводилось.

Уважаемые коллеги, современная российская внешняя политика опирается на принципы прагматизма, предсказуемости и верховенства международного права. Хотел бы сегодня сказать несколько слов о состоянии и перспективах взаимодействия с нашими основными партнерами. Прежде всего об отношениях с ближайшими соседями, со странами СНГ.

Споры вокруг самой целесообразности и дальнейшей судьбы Содружества не утихают до сих пор, и мы заинтересованно работаем над вопросами реформирования СНГ.

Очевидно, что Содружество помогло без особых потерь пройти период становления партнерских отношений между вновь образованными, молодыми государствами. Сыграло свою позитивную роль в сдерживании региональных конфликтов на постсоветском пространстве. Подчеркну, острота многих из них была «снята» именно благодаря участию России. Мы и впредь будем также ответственно выполнять свою миротворческую миссию.

Из опыта СНГ выросло и несколько продуктивных инициатив экономического сотрудничества. Сегодня параллельно — на основе совпадающих интересов сторон — развивается Союзное государство с Белоруссией, ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство. Сообща мы решаем проблемы, которые никто за нас не решит. При этом реально видим, что многостороннее партнерство позволяет это делать с меньшими затратами, с большей эффективностью.

Содружество стало хорошей основой и для формирования Организации Договора о коллективной безопасности. В эту структуру вошли страны, заинтересованные в тесном военно-политическом взаимодействии.

И наконец, не умаляя значение остальных направлений реформирования в качестве перспективного проекта выделю укрепление общего гуманитарного пространства. Оно имеет не только богатую историческую и человеческую основу, но теперь уже и новые социально-экономические предпосылки. На пространстве СНГ идет непростой, но активный поиск оптимальных моделей взаимодействия. Россия готова прямо и ясно заявить о желательном для нас конечном результате такого поиска — это создание оптимальной экономической системы, которая обеспечивала бы эффективное развитие каждого из ее участников.

Повторю, отношения с нашими ближайшими соседями были и остаются важнейшим направлением внешней политики Российской Федерации.

Коротко остановлюсь на взаимодействии с другими нашими партнерами. Крупнейший из них — Европейский союз. Наш постоянный диалог с ЕС создает благоприятные условия для взаимовыгодных экономических связей и расширения научных, гуманитарных, иных обменов. Совместная реализация нами концепции «общих пространств» является важным элементом всего общеевропейского развития.

Особое значение для нас, как и для всей международной системы имеют отношения России с Соединенными Штатами Америки, Китайской Народной Республикой, Индией, а также с быстро набирающими силу странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Африки. Мы готовы предпринимать все новые шаги для расширения рамок и сфер взаимодействия с этими государствами, а также укреплять сотрудничество в обеспечении глобальной и региональной стабильности, наращивать объемы взаимной торговли и инвестиций, развивать гуманитарные связи.

Подчеркну: в условиях глобализации, когда определяется новая международная архитектура кардинально возрастает и роль Организации Объединенных Наций. Это самый представительный и универсальный мировой форум, и он продолжает оставаться «несущей конструкцией» современного мирового порядка.

Очевидно, что основы этой всемирной организации закладывались совсем в другую эпоху, и ей, безусловно, нужна реформа. Для России, активно участвующей в такой работе, принципиальное значение имеют два момента. Первое — реформа должна повысить эффективность дееспособности ООН, и второе — реформа должна получить максимально широкую поддержку членов этой организации.

Без согласия в ООН трудно обеспечить и согласие в мире. Система организации должна стать тем регулятором, который позволит совместно вырабатывать новый свод правил поведения на мировой арене. Правил, адекватных вызовам нашего времени и столь необходимых сегодня в условиях глобализации.

Уважаемые члены Федерального Собрания, граждане России, в заключение еще раз отмечу, что сегодняшнее и предыдущие послания дают основы внутренней и внешней политики на ближайшие десятилетия. Они направлены на долгосрочную перспективу и не носят сиюминутного характера.

В прошлых посланиях назывались задачи по строительству политической системы, совершенствованию государственной власти и местного самоуправления. Подробно обсуждались вопросы модернизации социальной сферы, неоднократно ставились новые экономические задачи.

Сегодня были изложены подходы к тому, каким должно быть наше место в мировом разделении труда, в новой

архитектуре международных отношений. Мы подробно остановились и на том, как будем решать сложнейшую демографическую проблему, развивать наши Вооруженные Силы.

Предложенные шаги — предельно конкретны, а у России есть колоссальные возможности для развития. Есть огромный потенциал, который надо эффективно реализовать для улучшения жизни людей.

Без сомнения, мы видим масштаб предстоящей работы. Уверен, мы с этой работой справимся.

Текст взят с сайта Президента России
http://president.kremlin.ru

В.В.ЩЕБЛАНОВА

ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Глобализация и регионализация — наиболее обсуждаемые и дискуссионные проблемы современных публикаций по экономике, социологии, политологии и др. Процессы интеграции и регионализации на глобальном уровне предстают как имманентные современности векторы развития, взаимодополняющие и уравновешивающие друг друга. При этом оба процесса сложны и неоднозначны.

Рассуждая о сути глобализации, одни исследователи делают акцент на ее экономических аспектах, другие — на формировании единого информационного пространства, третьи — на развитии единых поведенческих стандартов. Некоторые авторы с ее помощью пытаются доказать существование новых угроз, либо предсказывают процветание человечества. И, тем не менее, большинство исследователей и практиков согласны с тем, что мир переживает качественные перемены, отражающиеся на человечестве, заставляя его активным образом на них реагировать. Глобализацию мы будем понимать как новое качество взаимосвязанности и взаимозависимости человечества, создание наднациональных и вненациональных организаций, институтов и образований[1]

Глобализация означает реальную интеграцию народов в единую общность, включающую в себя в различной степени страны и регионы. В результате региональная практика человека становится более ощутимой, а «общечеловеческие ценности» переходят из разряда высоких метафор в пов-

---

ЩЕБЛАНОВА Вероника Вячеславовна, доцент кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета, кандидат социологических наук.

седневную реальность. Отмеченное, однако, не означает отказа от особенностей и специфики различных регионов. Они продолжают сохраняться и порой дифференцируются в едином процессе, что и обусловливает их взаимозависимость[2].

Глобализация и регионализация, как правило, протекают в рамках диалектического взаимодействия. Новые взаимодействие и взаимозависимость требуют и новых правил поведения, регулирующих их режимов, институтов и методов. Значение регионов растет, они получили собственные политические институты наднационального уровня, но происходит и их интеграция, способствующая развитию межрегиональных связей, решению межрегиональных проблем разного уровня[3] Благодаря интеграции впервые в истории гражданское общество способно вести глобальное обсуждение проблем, что создает возможность и необходимость проведения коллективных действий по их предотвращению и разрешению.

Конец XX в. показал, что главный итог ушедшего столетия — не огромные технические достижения и радикальные геополитические перемены, а возникновение новых рисков и угроз[4] Опираясь на концепцию У.Бека, Э.Гидденс отмечает, что понятие риска (как ключевой характеристики социальной жизни) в практическом сознании людей приходит на смену понятию «судьба» и становится центральным в обществе, которое открывается проблематичному будущему. Экзистенциальная тревога становится устойчивым фоном жизнедеятельности индивида[5]

Общество риска — это общество катастроф, в котором чрезвычайное положение грозит стать нормой жизни, зло становится тривиально повседневным. Современные риски и опасности, в общем и целом, являются продуктом передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться[6] В течение многих столетий совершаются террористические акты, но сегодня они происходят в глобальных масштабах[7], с совершенно иными социальными и политическими последствиями.

У.Бек выделяет три измерения угроз, которые несет в себе глобальное общество риска, каждое из них следует собственной логике конфликта, поднимает или вытесняет

свои темы, устанавливает или отбрасывает свои приоритеты. Во-первых, это экологические кризисы, во-вторых — глобальные финансовые кризисы и, в-третьих, что стало очевидно после 11 сентября, — террористические угрозы, исходящие от транснациональных террористических сетей[8]. Таким образом, повседневность общества риска возникает и существует как осознание проблемы глобальных последствий цивилизационных процессов, неважно какую форму они имеют, будь то финансовые потоки, природные катаклизмы или терроризм.

Технологические катастрофы, бедствия, крупномасштабные теракты порождают ответные реакции общества, организаций и групп, адаптации к ним личности и населения в целом. И проблемы катастроф, дезорганизации, деструкции можно рассматривать в контексте проблем выживания, развития общества, поиска социальных сил, способствующих укреплению позитивных процессов. В контексте наших рассуждений на первый план выходит мобилизация региональных превентивных практик, позволяющих избежать негативного развития событий.

Как известно, реализация террористических угроз, в первую очередь приводит к большим человеческим жертвам, материальным затратам, нарушению на длительный срок нормальной жизни людей, созданию атмосферы страха и ужаса, являющимися неизбежными и ожидаемыми следствиями применения террора. Причем терроризм можно рассматривать как неожиданное, быстрое, радикальное травматическое социальное изменение, кодирующее сценарии повседневного поведения и метасценарии индивидуальной жизни в целом[9] Для предотвращения терактов, устранения их негативных последствий необходима мобилизация адекватных массовых усилий, требующая взаимодействия государственных и общественных структур. В связи с этим появляются практики противостояния терроризму, возникающие на уровне как государственных, межгосударственных структур, так и общественных объединений, организаций, региона, на уровне среднего образования, профессиональной специализации, каждодневных взаимодействий людей.

Как уже отмечалось, неизбежным следствием применения терроризма являются человеческие жертвы, матери-

альные затраты и духовные потери. В настоящее время не только природные явления и техногенные катастрофы создают чрезвычайные ситуации. Террористические акты еще в 2000 г. включены в состав чрезвычайных ситуаций, происшедших на территории Российской Федерации. В связи с увеличением за последние годы на территории РФ чрезвычайных ситуаций, унесших немало человеческих жизней и причинивших значительный материальный ущерб, появилась реальная потребность расширения круга граждан, имеющих право на участие и проведение поисково-спасательных работ в чрезвычайных ситуациях. Ответной реакцией на возникающие угрозы, следствием чрезвычайных ситуаций является институциолизация новых социально-структурных особенностей. В нашем обществе на уровне среднего образования происходит институция новой профессии — спасатель.

В целях подготовки учащихся общеобразовательных учреждений к действиям в условиях чрезвычайной ситуации, популяризации деятельности поисково-спасательных формирований МЧС России и подготовки для них резерва в 2000 г. в городах РФ образованы кадетские школы[10]. В Саратовской СОШ № 77 с сентября 2000 г. открыты классы спасателей с целью разностороннего развития личности учащихся, получения ими дополнительного образования в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций мирного и военного времени, профессиональной ориентации, а также пропаганды и популяризации среди молодежи здорового и безопасного образа жизни.

Как отметили наши респонденты в процессе проведения интервью, «выпускники класса спасателей готовы оказывать помощь пострадавшим в результате распространенных в последнее время взрывов жилых домов», хотя для спасателей не имеет значения, «просто ли взрыв произошел или террористы взорвали, для них не важны политические цели, они должны быть готовы оказать помощь, спасти». В рамках гражданской обороны и расширенного изучения обеспечения безопасности жизнедеятельности с учащимися проводятся тренировочные эвакуации: «имитируем возможность теракта — подозрительные предметы оставляем, ситуации прорабатываем: на одном этаже — заложено взрывное устройство, на другом — пожар, на

третьем — заражение отравляющими веществами». Таким образом, раз в неделю в школе проходят учебные эвакомероприятия с целью оценки состояния готовности учащихся к выполнению необходимых задач, совершенствования их профессиональной подготовки к работе в условиях экстремальной ситуации. Появление новой профессии спасатель на уровне среднего образования может, на наш взгляд, рассматриваться как активная реакция системы образования на возникновение угрозы чрезвычайных ситуаций, ее противодействие негативным и поддержка позитивных социальных тенденций, взаимодействие общества и образования в этой сфере.

Стихийные бедствия, техногенные катастрофы и терроризм, ставшие одними из наиболее опасных вызовов безопасности общества, необходимо рассматривать сквозь призму безопасности — условия и смысла человеческого бытия. Как замечает И.Шершнев, надежным и действенным способом выстраивания вертикального и горизонтального пространства безопасности россиян может стать общественная система безопасности, понимаемая как система реализации и защиты потребностей, интересов и ценностей общества от опасностей и угроз усилиями общественных, негосударственных организаций и объединений, социально ответственных граждан. Эта система образуется и осуществляется членами общества, их объединениями в различных сферах безопасности, в самых различных масштабах — от страны до отдельной квартиры. Впервые в нормотворческой практике России закон обозначил в качестве субъекта обеспечения безопасности человека, общественные объединения, организации и другие негосударственные структуры[11]

Новые неформальные практики, институциализирующие социальную реакцию на опасность террористической угрозы, возникают со стороны общественности. Как отмечает В.Кузнецов, приоритетность объектов социальной безопасности может меняться в зависимости от условий общества, конкретной ситуации в нем[12] После волны терактов, прошедших в российских регионах и разрушивших жилые массивы, организуются активные группы самозащиты, проявляющие заботу о безопасности собственной жизни. Так, в г.Саратове группы жильцов с целью предупреждения терактов в домах, организовали поочередное дежурство и

патрулировали подъезды, подвалы, чердаки жилых зданий. Хорошо ориентирующиеся в знакомом помещении, жильцы внимательно осматривали его, стремясь выявить подозрительные предметы, отсутствовавшие ранее, и сообщать о них специалистам. В результате активной превентивной деятельности населения в Саратове обезврежен ряд взрывных устройств, предотвращены негативные разрушительные последствия терактов.

Таким образом, последствием террористических действий становится актуализация в повседневной жизни понятий бдительности и безопасности для «простых» людей, желание и осознанное стремление граждан внести свой вклад в общую проблему выживания, активизация их коллективных действий (добровольное возникновение инициативных групп самозащиты жителей, использующих профилактические меры для минимизации возможности терактов, реального обеспечения своей безопасности) как аспект становления культуры безопасности, формирование новых форм повседневной деятельности вследствие реакции на глобализацию террористической угрозы.

Ответной реакцией на глобализацию террористической угрозы, на наш взгляд, можно считать и возникновение элементов «культурного новаторства», ориентирующегося на актуальность произошедших в последнее время террористических событий в России, США, а также поддерживающих идеологию контртеррористической операции в Чеченской Республике. Речь идет о благотворительной акции «Возьмемся за руки, друзья» (14 декабря 2001 г.), где прозвучал так называемый «гимн антитеррористических сил» — хит-проект ансамбля «Кристалл-Балалайка» и «ех-ОперацЫя», антитеррористический hip-hop remix песни «Не для меня». Акция проводилась совместными усилиями саратовского ансамбля «Кристалл-Балалайка», саратовского отделения Российского фонда мира и посвящалась произошедшим в последние годы трагическим террористическим событиям. Все сборы от концерта, как отмечалось на мероприятии, предполагалось использовать для реализации благотворительных программ Российского фонда мира.

В Саратове 20 октября 2005 г. реализован проект «Рэперы против террора», объединивший выступления представителей рэп-культуры города (11 местных коллективов).

Заказ № 2806

Мобилизация таких культурных инициатив (создание «гимна антитеррористических сил», проведение масскультурных акций, опирающихся на актуальность террористических событий и отвечающих интересам и запросам аудитории) имеет, на наш взгляд, непосредственное отношение не только к сфере культурного потребления, преследует благотворительные цели, но и выступает инструментом социально-политической консолидации общества против действий террористов.

Таким образом, наряду с работой по устранению, смягчению последствий террористических действий, необходимы и приоритетны меры, направленные на ограничение, предупреждение распространения самой террористической угрозы. Превенция терроризма предполагает к нему отношение, учитывающее обусловленность этого явления, множество причин, его порождающих. На социальном уровне речь должна идти об устранении экономических, социокультурных, политических факторов, дезорганизующих общественно-политическую жизнь. Меры по их предупреждению предполагают объединение общегосударственных усилий и последовательное проведение социально-экономической, культурной политики в интересах всего общества, упрочение правопорядка, духовной интеграции людей. Такой фундаментальный уровень системы мер профилактики терроризма некоторые исследователи называют политическим[13]

Следующий, менее масштабный уровень общегосударственной системы профилактики терроризма можно определить как социальный, включаемые в него превенциальные меры выявляют и устраняют терророгенные явления, воспроизводимые на почве региональных социальных конфликтов. К ним можно отнести, например, межнациональные или межконфессиональные конфликты, возникающие из-за нарушения принципа социальной справедливости. При реализации этих антитеррористических профилактических мер возрастает роль негосударственных общественных институтов: национальных, конфессиональных региональных организаций, общественных партий, культурно-просветительных учреждений, независимых средств массовой информации[14] При этом, безусловно, приоритетными являются усилия и спецслужб, правоохранительных органов, за

которыми законодательно закреплена функция борьбы с терроризмом.

Появление терроризма в нашей повседневности влечет за собой возникновение новых государственных институтов, профессиональных групп, объединяющих усилия по борьбе с ним. Так, в Саратовской области проблемой терроризма занимается ряд государственных структур: ФСБ, МВД, Совет безопасности при губернаторе, МЧС. Тенденция к росту числа проявлений терроризма в России потребовала изменения механизмов осуществления безопасности, повышения эффективности проведения специальных операций по предупреждению и пресечению террористической деятельности.

Одним из шагов в этом направлении стало создание в 1997 г. Межведомственной антитеррористической комиссии Саратовской области. В ее состав вошли представители УФСБ по Саратовской области, Управления внутренних дел Саратовской области, Комитета по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям при Правительстве Саратовской области, Приволжского Управления внутренних дел на транспорте, областной прокуратуры, военного комиссариата области и ряда других структур. Межведомственная антитеррористическая комиссия обеспечила разработку и принятие долгосрочной Программы предупредительно-профилактических и информационно-пропагандистских мероприятий по борьбе с терроризмом в Саратовской области. Реализованными мероприятиями программы являются разработка на основе научных подходов критериев оценки кризисных ситуаций в молодежной среде, сфере межнациональных, межконфессиональных и общественных отношений; разработка для операторов-психологов «телефонов доверия» методики психологического воздействия на лиц, способных к проведению террористических акций в период эмоционального или психического возбуждения; введение на базе кафедры психологии факультета гуманитарных и социальных наук Саратовского государственного университета факультативного курса по обучению навыкам психологического и физического поведения в ситуациях столкновения с террористами; разработка программы по социальной адаптации молодежи, больной наркоманией, отбывающей наказания в местах лишения свободы, как

потенциальной базы, формирующей экстремистские настроения, а также проведение мероприятий по социальной адаптации лиц, принимавших участие в боевых действиях в «горячих точках»; активизация работы открытого в г.Саратове кабинета медико-социального консультирования по вопросам профилактики и лечения наркомании.

Также в рамках программы установлен круглосуточный «телефон доверия» в режиме выявления, предупреждения и профилактики актов терроризма. По этому телефону любой житель может задать вопрос, передать информацию, поставить проблему.

Глобальность осознаваемой угрозы терроризма влечет за собой появление новых форм противостояния не только внутригосударственных региональных уровней. По мнению У.Бека, рефлексивность глобального общества риска, с одной стороны, обостряет осознание глобальности собственной жизненной ситуации, с другой — порождает новые конфликты, но формирует и новые виды союзничества, стремящегося решить самые насущные проблемы, которые не могут быть решены отдельной страной в одиночку. Универсализация террористической угрозы, направленной против разных государств мира, делает борьбу с глобальным терроризмом таким вызовом Большой политики, который создает альянсы, объединяющие прежних противников (различных конфликтующих сторон и стран), гасит региональные конфликты, тем самым заново перемешивая карты мировой политики[15] Внутреннюю безопасность государств, как показали события 11 сентября 2001 г., нельзя обеспечить в одиночку, а только совместными усилиями глобального антитеррористического альянса. При этом необходим глобальный союз между государствами, базирующийся на праве. Необходимо разработать и ратифицировать международную антитеррористическую конвенцию, не только проясняющую правовые понятия, но и обеспечивающую возможность международного преследования террористов на правовой основе, т.е. создающую единое и универсальное правовое пространство[16]

Возможно, за ужасом тех угроз, которые парализуют общество, открываются дальние политические перспективы. В опознании и осмыслении рисков, которыми чревато будущее, кроется ключ к совместному преодолению ис-

торического опыта применения террористического насилия. Угрозы глобального общества риска могут быть превращены в шансы для создания структур сотрудничества между глобально-открытыми мультинациональными государствами.

Важными процессами, определяющими облик современных российских регионов, становятся глобализация и регионализация, взаимодополняющие и уравновешивающие друг друга, являющиеся сложными и неоднозначными. Универсализация террористической угрозы, ставящая под вопрос существование жизни на Земле, становится глобальной проблемой современности, требующей мобилизации всех человеческих и материальных ресурсов. На региональном уровне возникают новые практики мобилизации, направленные на ограничение, предупреждение распространения террористической угрозы, устранение, смягчение последствий террористических действий.

Таким образом, появление терроризма влечет за собой возникновение на региональном уровне новых форм противостояния глобальной террористической угрозе. Универсализация террористической угрозы привела к новым межгосударственным антитеррористическим альянсам противостояния терроризму.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Кулагин В.М., Лебедева М.М.* Глобализация и развитие человека // Глобализация: человеческое измерение / Под ред. А.В.Торкунова. М., 2003. С. 9—11.

[2] Там же. С. 11—26.

[3] См.: *Трейвиш А.В., Артоболевский С.С.* Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы. М., 2001. С. 6.

[4] См.: *Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л.* Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. М., 2000. С. 54, 75.

[5] См.: *Giddens A.* The conseguences of modernity. Cambridge, 1990. P. 111.

[6] См.: *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 24.

[7] См.: *Щебланова В.В.* Терроризм в условиях глобализации рисков // Современная конфликтология: пути и средства содействия демократии, культуры мира и согласия: Тезисы докладов и выступлений на II Международ. конгрессе конфликтологов, Т. 1. СПб., 2004. С. 93—95; *Рома-*

нов *П.В., Щебланова В.В., Ярская-Смирнова Е.Р* Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИ (Дискурс-анализ газетных публикаций) // Политические исследования. 2003. № 6. С. 144—154.

[8] См.: *Бек У.* Молчание слов и политическая динамика в глобальном обществе риска [режим доступа: http://www.academy-go.ru/Beck5.shtml]

[9] См.: *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социс. № 1. 2001. С. 6—8.

[10] Государственный доклад о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2000 г. // Безопасность Евразии. 2001. № 2. С. 101.

[11] См.: *Шершнев И.* Общественная безопасность: политологический аспект // Безопасность Евразии. 2000. № 1. С. 356.

[12] См.: *Кузнецов В.* Основы социологии культуры безопасности // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 674.

[13] См.: *Петрищев В.Е.* Заметки о терроризме. М., 2001. С. 258—265.

[14] Там же.

[15] См.: *Бек У.* Молчание слов ...

[16] Там же.

Поступила 12.12.2005.

Т.А.КИРЕЕВА

ВЛИЯНИЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В последнее время в России развернулась оживленная дискуссия относительно деятельности в регионах страны многочисленных зарубежных неправительственных структур и организаций[1], вызванная поправками к законам о некоммерческих (НКО), неправительственных организациях (НПО). Высказываются полярные мнения: одно из них — международные НПО нужны России, поскольку помогают развивать демократию на российских просторах, формировать гражданское общество и др.; другое — эти структуры (все или часть из них) формируют комплекс угроз национальной и региональной безопасности РФ, инспирируют «цветные революции» и т.д.

В связи с этим актуально рассмотрение места и роли неправительственных организаций в развитии международных отношений, а также их влияния на международное сообщество.

В международно-политической науке и в других социальных дисциплинах сложилось несколько терминов для обозначения изучаемых ими действующих субъектов. Наиболее употребительным термином, которым в науке о международных отношениях принято обозначать участников взаимодействия в международных отношениях, является «актор»[2] Однако далеко не всегда организации, предприятия или группы могут выступать в роли международных акторов. В современных международных отношениях небольшие группы людей, владеющие ограниченными ресурсами и имеющие незначительную поддержку, могут иметь в своем распоряжении эффективные средства влияния и

КИРЕЕВА Татьяна Анатольевна, Председатель правления общероссийского благотворительного общественного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья».

принуждения. По отношению к ним могут оказаться уязвимыми даже сверхдержавы. Ярким подтверждением возрастания роли негосударственных участников международных отношений может служить деятельность международного террориста Усамы бен Ладена, его террористическое нападение на США 11 сентября 2001 г. Более того, возрастающая роль индивида в международной политике проявляется в увеличении трансграничных миграционных потоков, расширении потенциала международных неправительственных правозащитных организаций в отстаивании «антигосударственных» притязаний рядовых людей, наконец, в росте возможностей защиты их прав путем обращения в межправительственные организации (Европейский суд по правам человека) с жалобами на неправомерные действия правительств своих стран. При всех оговорках относительно неоднозначности и противоречивости этих феноменов, рост их влияния на межгосударственные контакты и отношения в целом несомненен.

Следует отметить, что представители прозападных неправительственных структур, созданных на территории России, все чаще обращаются в органы государственной власти РФ с предложениями о «партнерстве и сотрудничестве», пытаясь завладеть административным ресурсом и тем самым обезопасить себя от возможного давления российских правоохранительных структур, нередко при этом добиваясь успеха. Представители многих международных фондов, союзов и других неправительственных организаций входят в состав рабочих групп, комиссий, советов при органах государственной власти (Государственная Дума, Совет Федерации, Министерство образования и т.д.), формирующих стратегию и механизмы внутренней и внешней политики России по различным вопросам. Активность, напор, либерально-демократическая и патриотическая риторика позволяют им нередко перехватывать инициативу, добиваться поставленных целей, решать стоящие перед ними задачи, используя зарубежное финансирование и иные ресурсы. Так, например, лидеры Международного фонда «Новая Евразия» (США) обращались в аппарат полномочного представителя Президента России в Южном федеральном округе (ЮФО) с просьбой подписать договор о партнерстве в целях создания условий для стабилизации социально-экономической ситуа-

ции на Юге России посредством развития общественно-государственного диалога, продуктивного сотрудничества и сетевого взаимодействия. С просьбой о поддержке проекта «Противодействие фундаментализму и профилактика конфликтов на Северном Кавказе» (финансируется Госдепартаментом США) в ЮФО обращался руководитель Южного регионального ресурсного центра.

В этом отношении возникают вполне закономерные вопросы. Во-первых, какие из разновидностей социальных сообществ, взаимодействующих на мировой арене, могут считаться международными акторами? Во-вторых, какова иерархия типов международных акторов, или какой из них может рассматриваться как наиболее влиятельный, авторитетный и перспективный? Эти вопросы являются, хотя и в разной степени, предметом научных дискуссий.

Относительно основных типов международных акторов наблюдается некоторое единство мнений — к таковым относят государства и межгосударственные (межправительственные) организации. Вопрос о других участниках международных отношений пока остается открытым. Более того, не ясен вопрос о том, какому типу актора следует отдавать предпочтение при анализе международных отношений.

Представители различных теоретических направлений и школ отражают ту или иную сторону реальности международных отношений. Однако для объективного суждения о верности такого отражения необходимо получить более полное представление об особенностях сущности и функционирования основных участников взаимодействий на мировой арене.

Среди негосударственных участников международных отношений выделяют международные межправительственные организации (ММПО), международные неправительственные организации (МНПО), транснациональные корпорации (ТНК) и другие общественные силы и движения, действующие на мировой арене. Возрастание их роли и влияния — относительно новое явление в международных отношениях, характерное для послевоенного времени. Хотя государства и являются главными субъектами международного процесса, после Второй мировой войны обозначилась объективная тенденция роста численности и влияния межгосударственных объединений и международных организа-

ций. Если в начале XX в. существовало 20 межправительственных и около 200 неправительственных организаций, то в настоящее время их около 300 и более 2,5 тыс. соответственно.

Межгосударственные объединения — это военно-политические, политико-экономические и другие союзы, блоки, коалиции. Они создаются на основе общности интересов государств-участников для реализации определенных целей. В таких объединениях могут складываться ситуации, когда преобладают интересы одного из участников, а другие обеспечивают поддержку лидеру в расчете на покровительство с его стороны или содействие в осуществлении собственных целей.

Существуют различные типологии межгосударственных объединений, позволяющие систематизировать знание о них. Наиболее распространенной является классификация на основе территориального принципа и в соответствии с их сферой и направленностью деятельности. Исходя из первого критерия выделяют региональные организации, например: Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Европейский союз (ЕС), Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ), Организация африканского единства (ОАЕ), Лига арабских государств (ЛАГ) и др.; межрегиональные организации: Организация исламская конференция (ОИК) и др.; субрегиональные организации (Бенилюкс).

В соответствии со вторым критерием выделяют организации экономического характера, охватывающие сферу финансов и торговли: Международная торговая палата (МТП), Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ) и др.; организации в отдельных отраслях мирового хозяйства: Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК) и др.; организации в области культуры и спорта: Международный олимпийский комитет (МОК), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО); военно-политические организации: Организация Североатлантического договора (НАТО), Тихоокеанский пакт безопасности (АНЗЮС); универсальные организации: Лига наций и Организация Объединенных Наций.

Следует отметить, что классификация межправительственных организаций по вышеприведенным критериям носит условный характер, так как многие организации, например, Всемирный банк реконструкции и развития, Генеральное соглашение о тарифах и торговле, Международный валютный фонд выполняют не только экономические, но и политические функции.

Наиболее влиятельная межправительственная организация — ООН объединяет около 170 государств. К ним относятся Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ); Международная ассоциация труда (МОТ); Организация, занимающаяся вопросами культуры и науки, ЮНЕСКО; Международный валютный фонд (МВФ); Международная организация по атомной энергии (МАГАТЭ); Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКАД); Международный суд.

Некоторые межправительственные организации обладают атрибутами политической власти. Это относится прежде всего к ООН. Ее органы могут принимать решения, являющиеся для всех членов мирового сообщества обязательными (резолюции Совета безопасности) и рекомендательными (постановления сессий Ассамблеи ООН). Вместе с тем государственный суверенитет ограничивает возможности ООН в применении широкомасштабных экономических санкций по отношению к странам, не выполняющим резолюции Совета безопасности в использовании военной силы (по отношению к агрессору и для миротворческих целей).

В отличие от межгосударственных организаций международные неправительственные организации — это структуры, объединяющие негосударственные институты и граждан ряда стран, действующие в специфических областях. К их числу относятся профессиональные организации, например, Международная организация журналистов (МОЖ), Международная ассоциация политических наук (МАПН), Международная организация криминальной полиции (ИНТЕРПОЛ); демократические организации, такие как Международная демократическая федерация женщин (МДФЖ), Всемирная федерация молодежи (ВАМ), Всемирная федерация демократической молодежи (ВФДМ); различные организации солидарности и в защиту мира: Всемирный совет

мира (ВСМ), Пагоушское движение, Организация солидарности народов стран Азии и Африки (ОСНАА), Международная ассоциация фондов мира; правовые организации, например, Международная амнистия; религиозные организации: Всемирный совет церквей (ВСЦ), Христианское движение в защиту мира, или Христианская мирная конференция, Экуменический союз церквей; гуманитарные организации, такие как Международный красный крест (МКК); экологические организации (Гринпис и др.); спортивные, например, Международная федерация футбола (ФИФА).

Международные организации различаются по структуре, направленности, задачам и масштабам деятельности. Хотя принимаемые ими решения, как правило, не имеют для государств обязательной юридической силы, им все чаще удается добиваться выполнения поставленных задач не только в профессиональной, но и в политической области.

Основными средствами воздействия международных организаций на мировую политику являются мобилизация общественного мнения, оказание давления на межгосударственные организации (прежде всего ООН) и на конкретные государства. Именно так действуют Гринпис, Международная амнистия, Международная федерация по правам человека, Всемирная организация борьбы против пыток, объединяющая 150 национальных организаций. Именно поэтому организации подобного рода называют международными группами давления. Однако для большинства стран СНГ и Балтии все актуальнее становится вопрос о целях и задачах незарегистрированных международных неправительственных организаций. Например, радикальная молодежная неправительственная организация «Кмара» (Грузия), активно действующая в Аджарской автономной республике во время свержения правительства Э.Шеварнадзе, заявляющая о приверженности демократическим принципам, финансировалась международными фондами США. На вопрос «Почему Вы не действуете в правовом поле и не регистрируетесь, не объявляете своих целей и задач?» представители «Кмары» ответили: «Это позиция гражданского общества, людей, которые вышли на улицы»[3].

Поведение и деятельность международных акторов регулируются признанными мировым сообществом принципами, нормами и институтами, которые обозначаются понятия-

ем «международный порядок». Устройство международных отношений определяет форму организации, протекания и воспроизводства политического процесса. Для формирующейся многополярности оптимален международный порядок, основывающийся на принципах приоритета общечеловеческих ценностей, равной безопасности для всех народов и государств, мирного разрешения спорных вопросов и конфликтов, уважения целостности и суверенитета государств, их невмешательства во внутренние дела друг друга. В связи с этим все более возрастает роль МНПО.

В отличие от межправительственных организаций, МНПО — это, как правило, нетерриториальные образования, так как их члены не являются суверенными государствами. Они отвечают трем критериям: международный характер состава и целей; частный характер учредительства; добровольный характер деятельности, поэтому их причисляют к «новым акторам», «акторам вне суверенитета», «транснациональным силам», «транснациональным организациям» и т.п.

Существует узкое и расширительное понимание МНПО. В соответствии с первым к ним не относятся общественно-политические движения, транснациональные корпорации (ТНК), а тем более созданные и существующие под эгидой государств. Речь идет о всех негосударственных участниках международных отношений — это огромное, почти бесконечное число участников, о которых можно с уверенностью сказать, что они способны на международную деятельность, более или менее независимую от государства.

МНПО различаются по своим размерам, структуре, направленности деятельности и ее задачам. Однако все они имеют общие черты, отличающие их от государств и межправительственных организаций. В отличие от первых, они не могут быть представлены как акторы, действующие во имя интереса власти. В отличие от вторых, их учредителями являются не государства, а профессиональные, религиозные или частные организации, учреждения, институты. Принимаемые ими решения, как правило, не имеют для государств юридической силы, однако им все чаще удается добиваться выполнения задач, которые они ставят перед собой не только в профессиональной, но и в политической области. Это касается и таких задач, которые требуют серьезных уступок со стороны государств, вынужденных в

ряде случаев поступаться «священным принципом» национального суверенитета. Так, в последние годы некоторым МНПО (тем, сферой деятельности которых являются защита прав человека, экологические проблемы, или гуманитарная помощь) удалось добиться права на вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Отдельным методом такого вмешательства является «гуманитарная интервенция», классическое проявление которой можно наблюдать в странах бывшей Югославии. Широко представлены международные правозащитные организации и в России: Международное молодежное правозащитное движение, Международная амнистия, Московская Хельсинская группа, Мемориал, Гринпис и др.

Основным «оружием» МНПО в сфере международной политики является мобилизация международного общественного мнения, а методом достижения целей — оказание давления на межправительственные организации (прежде всего на ООН, Совет Европы) и государства. Именно так действуют, например, Гринпис, Международная амнистия, Гражданская комиссия по правам человека или Всемирная организация борьбы против пыток, поэтому МНПО подобного рода нередко называют международными группами давления. В политической социологии термин «группы давления» фиксирует отличие общественных организаций от политических партий. Если партии стремятся к достижению и исполнению властных функций в обществе, то группы давления ограничиваются стремлением, с целью защиты своих интересов, оказывать влияние на власть, оставаясь вне властных структур и институтов. Аналогичный характер имеют и МНПО, как с точки зрения отношения к власти и методов действия, так и эффективности в достижении целей.

Беспрецедентную по своим масштабам акцию давления провели международные правозащитные организации в России в связи с введением поправок в законы о некоммерческих (неправительственных) организациях, вступивших в силу 18 апреля 2006 г. Это был классический пример слаженной и организованной акции давления на Государственную Думу, Правительство и Президента России с привлечением международных межправительственных организаций (Совет Европы) и государственных участников

международных отношений (Госдепартамент США). Предметом критики стали поправки в законы, якобы не соответствующие нормам мировой практики и международного права. То, что сторонники радикальных свобод в России назвали системой обременительного контроля, надзора и отчетности НКО, по сравнению, например, с практикой Франции выглядит весьма либерально. По законам Франции НКО, получающие деньги из-за рубежа, должны отчитываться, а само получение денег возможно только с разрешения префекта и после тщательной проверки. В либеральной Франции НКО обязаны предоставлять бухгалтерские счета по любому требованию со стороны МВД и властей департамента. Власти Израиля устанавливают правила еще жестче: регистрирующий орган вправе проводить инспекции и расследования не только финансовой, но и любой деятельности НКО.

Чемпионом по суровости контроля за НКО являются США. Законы страны, часто называемой образцом свободы во всем мире, содержат жесткие требования к НКО, управляемым (в том числе через финансирование) из-за рубежа: по решению генерального прокурора здесь могут проводиться любые проверки.

Известно, что в адрес российских властей со стороны многих непрозрачных российских НКО и политически заинтересованных сторон (например, властей США) звучали упреки в излишней строгости нововведений. Между тем, например, на основании закона штата Нью-Йорк «О некоммерческих корпорациях» любая НКО не будет зарегистрирована пока не выполнит «любые условия» (так говорится в законе), предъявляемые государством. Основатели НКО в Нью-Йорке при регистрации заполняют форму № 1023, содержащую 240 (!) вопросов. Таким образом, американские власти устанавливают тотальный контроль за своими общественниками. Само понятие NGO (Non government organization) — это структура, ориентированная на выполнение того, что у американцев называется «во имя интересов Соединенных Штатов Америки». Следует отметить, что российские требования по сравнению с ними являют собой образец либерализма.

Открытое письмо министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в газете «Новые известия» от 18

января 2006 г. — яркий пример того, как следует деликатно, но жестко вносить ясность. Не секрет, что многие в России считают чуть ли не правилом хорошего тона критику всего российского на фоне восхваления всего западного. Часто складывается абсурдная ситуация: в России все плохо уже потому, что это в России, в то время как западная практика (малоизвестная критикам) преподносится как идеальный образец.

Несомненно, что не все МНПО играют роль международных групп давления (определенные сомнения в связи с этим имеются относительно организаций, обладающих консультативным статусом при ООН и ее институтах). Однако их совокупное воздействие зримо меняет сам характер международных отношений, делает их отличными от характера традиционных межгосударственных отношений, эпоха которых уходит в прошлое.

Значительное влияние на существо и направленность международных процессов оказывают Транснациональные корпорации (ТНК). Огромные ресурсы позволяют им воздействовать в своих интересах на политическую сферу в странах их базирования и в мире в целом. Характерным примером в этом отношении является роль американской телефонной корпорации ИТТ в свержении правительства С.Альенде в Чили в начале 70-х гг. XX в. К настоящему времени ТНК контролируют до 50 % мирового промышленного производства, 63 % внешней торговли, примерно 80 % патентов и лицензий на новую технику, технологию и «ноу-хау». Ядро мировой хозяйственной системы составляют около 500 ТНК, обладающих неограниченной экономической властью.

В меньшей степени этим признакам отвечают другие участники международных отношений: национально-освободительные, сепаратистские и ирредентистские движения, мафиозные группировки, террористические организации, региональные и местные администрации, отдельные лица. Часть из них добивается членства или хотя бы статуса наблюдателя в авторитетных межправительственных организациях, считая участие в них важным звеном в обретении статуса международного актора. Так, Организация освобождения Палестины (ООП) является членом Лиги арабских государств, Организации исламская конференция, Дви-

жения неприсоединения и обладает статусом наблюдателя в ООН. Однако это не дает ей полной легитимности в глазах некоторых международных акторов (Омана и Иордании). Несмотря на провозглашение председателем ООП Я.Арафата на сессии Национального Совета Палестины 15 декабря 1988 г., не произошло создания Палестинского государства и признания его большинством арабских государств и мировым сообществом (а соответственно, и международно-правового признания).

Впечатляющие изменения, которые вносит сегодня в характер и состояние международных отношений все более широкое участие в них различного рода временных объединений и «неорганизованных» частных лиц, связаны с тем, что такое участие становится источником абсолютной случайности в этой сфере. То, что наблюдается в наши дни в международных отношениях — это переход от ситуации риска, свойственной периоду «холодной войны», к ситуации сомнения[4] На основе этого М.Николсон сформулировал «парадокс участия», в соответствии с которым рост открытости международной системы и увеличение числа и многообразия ее участников, выражающиеся в свободе передвижений, обмене и взаимодействии частных лиц различных государств, вносят беспорядок в международные отношения. Чем меньше количество участников системы и степень их разнородности, тем более упорядоченной оказывается сама система и легко предсказуемыми последствия отдельных действий[5].

Очевидным фактом является слабость российских неправительственных организаций, что является благоприятной почвой для разворачивается безнаказанной или неограниченной деятельности западных НПО, их филиалов в Российской Федерации. Российские неправительственные НПО из некоего канала, по которому новая демократическая Россия приобщалась к западному опыту в этой сфере, трансформируется в инструмент политического давления и манипуляций. Большинство МНПО сосредотачиваются на глобальных, общеполитических, общегосударственных проблемах. В то же время, в отличие от Запада, российские НПО гораздо реже занимаются социальными вопросами, решение которых снижает политическую и социальную нестабильность в стране.

В настоящее время международный политический процесс развертывается под усиливающимся воздействием комплекса глобальных проблем, порожденных противоречиями мирового развития.

Усилению роли российских и международных неправительственных организаций в России, на наш взгляд, будут способствовать установление строгого политического и административно-финансового контроля за деятельностью национальных и международных НПО в России, их стимулирование и ориентирование на поддержку российских государственных интересов; открытие российских центров науки и образования в странах СНГ, способных существенно повысить возможности воздействия на местную общественность; обеспечение регулярной финансовой государственной поддержки национальных НПО через специализированные фонды, агентства, информационные центры; создание МНПО на территории России, СНГ и стран Балтии с целью координации деятельности и формирования единого информационного поля для гражданского диалога и сотрудничества по актуальным вопросам международной деятельности.

В силу объективных причин Россия и страны СНГ пока не вышли на тот уровень экономического развития, который позволял бы удовлетворительно и комплексно решать социальные проблемы, но их можно решать только через стабильность, консолидацию международных, общественных и политических сил. Только объединив усилия на пространстве СНГ можно обеспечить максимальную информированность граждан, успешно противостоять усиливающемуся внешнему давлению ММПО, усилить конструктивную роль гражданского общества на постсоветском пространстве.

Указанные проблемы вновь возвращают нас к актуальному для участников международных отношений вопросу: какой из типов этих участников — государство, международные организации, или же «параллельные участники», («акторы вне суверенитета») — будет определять содержание и характер международных отношений в обозримом и более отдаленном будущем? Однозначного ответа на этот вопрос нет, так как споры продолжаются и усиливаются по мере нарастания признаков изменения, ставшего привыч-

ным за последние 10 лет международного порядка. Вместе с тем не вызывает сомнений то обстоятельство, что эти изменения во многом зависят от целей, которые ставят перед собой международные акторы, а именно ММПО и МНПО и от избираемых ими средств их достижения. Несомненным фактом также является и то обстоятельство, что на современном этапе межправительственные и неправительственные организации оказывают значительное влияние на развитие международных отношений и международной политики в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Например, в рамках телепрограммы А.Пушкова «PS» (12 и 19 ноября 2005 г.).

[2] В сфере международных отношений под актором следует понимать любой авторитет, организацию, группу и индивида, способного играть определенную роль, оказывать влияние.

[3] См.: Материалы заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Неправительственные организации государств — участников СНГ и стран Балтии: перспективы сотрудничества в сфере науки, культуры и образования. М., 2005 г. 14 нояб.

[4] См.: *Николсон М.* Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах // М.Жирар. Индивиды в международной политике / Пер. с фр. М., 1996.

[5] Там же.

Поступила 26.05.2006.

С.А.ЩАНКИН

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Вступление России в 2007 г. в ВТО потребовало проведение крупномасштабных проверок готовности ее промышленного, научно-технического потенциала к этой процедуре. Неблагоприятные результаты реформ потребовали серьезного пересмотра оценок возможностей отечественной экономики и социальной сферы адаптироваться к новым условиям.

Одним из направлений выхода из сложившейся ситуации должно было стать решение задачи создания социальной базы инновационной конкурентоспособной экономики страны. Рассматривая приоритетные национальные проекты, высказанные Президентом РФ, необходимо отметить, что они, во-первых, тесно связаны с решением стратегических экономических задач, стоящих перед страной; во-вторых, взаимосвязаны между собой и представляют инвестиции в человеческий капитал; в-третьих, способствуют догоняющему развитию отдельных, в первую очередь дотационных и депрессионных регионов страны.

Именно отдельные субъекты РФ, сочетая собственные ресурсы со значительными возможностями, предоставляемыми им российским государством в ходе реализации национальных проектов, способны уровнять показатели качества жизни и достигнуть стабильных среднестатистических российских показателей. Принимая во внимание выдвинутые в Послании Президентом РФ В.В.Путиным задачи удвоения ВВП к 2010 г., преодоления бедности и формирования конкурентоспособного производства необходимо заявить о возникновении дополнительных возможно-

---

ЩАНКИН Сергей Алексеевич, доцент кафедры экономической теории Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

стей значительного ускорения решения перечисленных задач. В 2006 г. на реализацию проектов государством выделяются 150 млрд руб., в 2007 г. — около 200 млрд руб. Органы государственной власти вынуждены устранять бюрократические преграды на пути реализации национальных проектов, бороться с явлениями коррупции и монополизмом на региональных рынках.

В ответ регионы принимают собственные меры для успешной реализации национальных проектов. Через все Послание Главы Республики Мордовия Н.И.Меркушкина красной нитью проходит необходимость реализации на территории Мордовии четырех национальных проектов: «Нам нужно, чтобы развитие не останавливалось. Важнейшим этапом может служить участие в национальных проектах, направленных на прорывные сдвиги в ряде областей. Следует только помнить, что поддержку получат те регионы и предприятия, которые станут локомотивом преобразований»[1]

Программа доступного комфортного жилья, приоритет которой — формирование устойчиво функционирующей жилищной сферы, способна обеспечить доступность и комфортность жилья миллионам россиян. Эта система содействует формированию необходимых темпов экономического роста. Строительство жилья в конечном счете позитивно отразится на демографическом состоянии страны, развитии строительной индустрии в целом. Таким образом, показатель состояния благополучия этого сектора экономики — наличие семьи, способной стать современной ячейкой, обеспечивающей необходимыми ресурсами соответствующий экономический рынок.

Для решения проблемы в стране создается механизм ипотечного кредитования, который может быть муниципальным, региональным или общегосударственным. Предоставляемые на эти цели в бюджете средства принципиально важны. Полный объем необходимых финансовых ресурсов формируется в отдельных регионах. Однако на этом пути имеются проблемы. Существует опасность концентрации основных объемов строительства в промышленных и административных центрах, что вызовет неравномерное распределение трудоспособного населения по территории страны. Начнут создаваться мегаполисы со значительной

концентрацией людских ресурсов (до 20 % населения страны). Это приведет к значительному росту стоимости земли и жилья. Из доступного оно может трансформироваться в элитное.

Этот проект успешно реализуется в Республике Мордовия. Так, в 2005 г. построено свыше 50 тыс. кв. м доступного, комфортного жилья. Строительство осуществляется равномерно по всей территории республики. Согласно национальному проекту, в 2006 г. необходимо ввести не менее 80 тыс. кв. м жилья, в 2007 г. — 120 тыс. кв. м. С целью повышения доступности ипотеки менее обеспеченным слоям населения планируется сократить размер первичного ипотечного взноса, упростить процедуру ее оформления и устранить другие административные преграды, мешающие развитию ипотечного строительства.

На реализацию проекта «Здоровье» в течение двух лет бюджетных средств будет направлено в сумме 145 млрд руб. Национальный проект предусматривает реализацию ряда направлений: развитие первичной медико-санитарной помощи, совершенствование профилактической работы в медицине, обеспечение населения высокотехнологической медицинской помощью.

Первичная медицинская помощь — основной и наиболее доступный для населения страны вид медицинского обслуживания. В этом направлении предполагаются дальнейшее повышение заработной платы врачей и среднего медицинского персонала, укрепление диагностической службы и материально-технической базы службы скорой медицинской помощи, подготовка медицинских кадров.

Так, заработная плата врачей общей практики увеличивается на 10 тыс. руб., средних медицинских работников — на 5 тыс. руб. Денежные средства поступают в республиканский фонд общественного медицинского страхования, а затем в соответствующие организации здравоохранения. За два года необходимо осуществить переподготовку 1 865 специалистов. Для восстановления материальной базы первичного звена в республику будет поставлено диагностическое оборудование, служба скорой медицинской помощи оснащается необходимым оборудованием. Только в 2006 г. из федерального бюджета на это выделяется около 60 млн руб.

Значительный экономический эффект способны дать профилактические мероприятия в здравоохранении, формирование у россиян мотивации к повышению ответственности за личное здоровье. Это предполагает необходимость реализации программы иммунизации. Если ранее из федерального бюджета на эти цели республике выделялось 6 млн руб., то в 2006 г. — 40 млн руб. Дополнительная диспансеризация работающего населения позволит предотвратить возникновение наиболее серьезных для здоровья людей заболеваний. В 2006 г. намечено при диспансеризации охватить 30 тыс. работающих граждан, в 2007 г. — свыше 50 тыс. чел. Это позволит создать паспорт здоровья населения республики.

Немаловажное значение имеет реализация направления проекта «Материнство и детство», для реализации которого с 2006 г. в стране вводится родовой сертификат. Медицинские услуги, оказываемые женщине, оплачиваются Фондом социального страхования. Пациентка может выбирать необходимое ей медицинское учреждение, что усиливает конкуренцию и повышает качество медицинского обслуживания. В таких условиях новорожденные дети будут иметь хорошее здоровье, женщины способны долгие годы сохранять работоспособность.

Высокотехнологическая помощь основывается на строительстве 15 новых центров высоких технологий и дальнейшей модернизации федеральных медицинских учреждений, оказываемых качественную медицинскую помощь. Подобный центр планируется создать в г.Саранске. Мордовия получает на эти цели из федерального бюджета свыше 350 млн руб. Тем самым повышаются доступность и качество медицинской помощи, что в перспективе положительно повлияет на демографическую ситуацию.

Национальный проект в области образования направлен на повышение его качества и доступности и способствует более эффективному использованию бюджетных средств в данной сфере. Перед общим образованием ставится задача придания процессу обучения инновационного содержания и совершенствования технологий обучения. Поставленная задача активно решается всеми участниками общеобразовательного процесса.

В Мордовии функционирует конкурсная комиссия по отбору на участие в грантах общеобразовательных учреждений, определен перечень экспертных организаций для оценки лучших педагогических коллективов. Так, по направлению проекта «Информатизация образования» оснащенность школьных учреждений компьютерной техникой должна составить в 2007 г. 1 компьютер на 15 учащихся (по республике 1 компьютер приходится на 20, в г.Саранске — на 27). В 2 раза возрастет количество школ, подключенных к Интернету. При Мордовском республиканском институте образования функционирует Центр дистанционного обучения, его элементы внедряются в процесс школьного обучения.

Успешно развивается направление национального проекта «Государственная поддержка инновационной, талантливой молодежи, учащихся». Одним из механизмов реализации этого направления является проведение предметных олимпиад. В Мордовии они проводятся по 19 предметам учебного плана. На первом этапе в олимпиадах участвует 1 тыс. школьников. Призеры приобретают льготы при поступлении в вузы республики. Для стабилизации работы школьных коллективов 3 623 педагогам выплачиваются надбавки и доплаты за классное руководство. Для поощрения лучших учителей в республиканском бюджете заложены выплаты в сумме 6,5 млн руб. На грант Президента РФ подготовлены 400 претендентов[2].

В школы республики должно поступить необходимого материально-технического оборудования на сумму свыше 60 млн руб. Для сельских школ готовятся поставки школьных автобусов. Действенные меры должны быть приняты относительно 8 аварийных школ. Республиканский бюджет на 2006 г. планирует субвенции на реализацию основных общеобразовательных программ в расчете на одного учащегося. Наполняемость общеобразовательных учреждений составляет 129 чел., средняя наполняемость классов — 14 чел. Реструктуризация системы общеобразовательных учреждений (в основном сельских) позволит повысить качество образования в республике.

В 2006 г. консолидированный республиканский бюджет на реализацию национального проекта «Образование» выделяет свыше 72 млн руб. В 2005 г. среднемесячная заработная плата в образовании составила 3 633 руб. При

формировании консолидированного бюджета на 2006 г. по учреждениям образования производится индексация на оплату труда на 26,3 %. Министерство образования и науки РФ предполагает осуществить переход на новую систему оплаты труда. Это предполагает применение единых принципов организации оплаты труда, единой системы оценки квалификации работников образования и сложности выполняемых работ в регионах страны. В республике начато формирование сети кустовых школ с полноценным оснащением необходимым оборудованием, механизма контроля за качественным проведением конкурсного отбора школ и учителей. В программах повышения квалификации педагогических работников до 20 % учебного времени отводится освоению информационных технологий обучения.

Имеет смысл предложить дополнительные меры повышения эффективности реализации этого национального проекта: шире использовать грантовую систему оценки инновационной деятельности по видам образовательных учреждений, расширять сеть инновационных школ, гимназий.

Проблемы развития АПК нашли отражение в национальном проекте. Его реализация позволит увеличить производство в стране молока до 1,5 млн т, мяса — 0,25 млн т. Для увеличения производства мяса широко будут использоваться возможности отрасли свиноводства. Перед республикой стоит важная задача увеличения производства мяса в 10 раз, до 80 тыс. т в год, зерна — 1,5 млн т.

Другое важное направление национального проекта «Развитие АПК» — развитие малых форм хозяйствования. Здесь возможно использование льготного кредитования личных подсобных и крестьянских фермерских хозяйств. Общий объем их кредитования составит 3,5 млрд руб. Это позволит увеличить продажу молока на 38 %, мяса — на 62 %. Все это требует модернизации и совершенствования работы перерабатывающей промышленности.

Страна может иметь эффективное сельское хозяйство на основе совмещения крупного земледелия и автоматизированного животноводства. Согласно региональному проекту «Развитие АПК», в агрокомлекс республики намечено вложить 10 млрд руб. инвестиций. В этом случае «Росагролизинг» планирует подготовить 38 проектов животноводческих комплексов. Коммерческие банки способны реализовать

кредиты стоимостью 3,5 млрд руб. Бюджет республики выделяет для этих целей 508 млн руб.

Очевидна тесная взаимосвязь четырех национальных проектов с Посланием Президента РФ, поэтому весьма важно осуществить единую технологию их реализации. Однако необходимо учитывать экономическое состояние регионов, их место в системе межрегионального разделения труда. Таким образом, каждый рубль внедряемых инвестиций в национальные проекты может привести к более чем 3 руб. дополнительного дохода. Это возможно при формировании эффективной системы хозяйствования на местах. В результате появятся возможности решения социально-экономических задач, стоящих перед страной в начале XXI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия от 20 декабря 2005 г.

[2] См.: Система поддержки талантливых детей и молодежи в республике Мордовия // Бюл. научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия. Саранск, 2006. № 3.

Поступила 15.03.2006.

Т.А.КОРНЕЕВА

МЕТОДОЛОГИЯ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Поскольку и регион, и корпорация осуществляют различные операции на финансовом рынке, их можно считать субъектами финансового рынка. В рамках непосредственной финансовой деятельности таких субъектов непременно возникают две важные задачи. Во-первых, привлечение ресурсов для осуществления хозяйственной деятельности. Привлекаемые ресурсы состоят из акционерного капитала (ресурсов, получаемых на относительно неопределенный срок с условием выплаты вознаграждения инвестору в виде дивидендов); ссудного капитала (ресурсов, получаемых у специализированных кредитно-финансовых институтов на основе срочности, возвратности и платности); кредиторской задолженности (ресурсов, получаемых у партнеров по бизнесу и государства в виде отсрочек по платежам и авансов); реинвестируемой прибыли и фондов (ресурсов, получаемых в результате успешной коммерческой деятельности самого хозяйствующего субъекта, амортизационных отчислений).

Хозяйствующий субъект для привлечения ресурсов выходит на ссудный рынок капиталов, в котором происходит кругооборот предлагаемых к размещению ресурсов. Поскольку объем предлагаемых ресурсов существенно меньше, чем спрос на них, неизбежно возникает конкурентная борьба за наиболее дешевые ресурсы. Потенциальные вкладчики сравнивают потенциальные объекты вложения средств, изучают их инвестиционную привлекательность и т.д.

Таким образом, инвестиционная привлекательность хозяйствующего субъекта — это совокупность характеристик,

---

КОРНЕЕВА Татьяна Анатольевна, доцент кафедры бухгалтерского учета и экономического анализа Самарского государственного экономического университета, кандидат экономических наук.

позволяющая инвестору оценить насколько тот или иной объект инвестиций привлекательнее других. В результате возникает задача улучшения инвестиционной привлекательности корпорации в краткосрочном и долгосрочном периодах. В связи с этим высшему руководству корпорации необходимо сформировать кредитную стратегию, основной задачей которой стала бы оптимизация показателей инвестиционной привлекательности. Во-вторых, задача распределения полученных ресурсов (инвестирования). Для оценки инвестиционных возможностей необходимо исследовать кредитоспособность, представляющую собой совокупность характеристик, позволяющих оценить инвестиционный потенциал корпорации. Инвестиционную привлекательность и кредитоспособность предприятий корпорации можно представить как систему анализа основных составляющих субъектов ее финансового потенциала. Поскольку объем инвестиционных ресурсов субъекта ограничен, а потенциальные объекты инвестиций обладают различной инвестиционной привлекательностью, обществу необходимо оптимально распределять свои инвестиционные ресурсы. В связи с этим возникает необходимость формирования инвестиционной стратегии корпорации. В совокупности инвестиционная стратегия и кредитная стратегия составляют финансовую стратегию корпорации (рис. 1).

Рис. 1. Финансовая стратегия корпорации

Стратегия представляет собой детальный всесторонний комплексный план, предназначенный для обеспечения осуществления миссии корпорации и достижения ее целей. Поскольку корпорация, это как правило, совокупность хозяйствующих субъектов, функционирующих в различных сферах экономики, то представляется целесообразным структурировать ее подразделения по целям и задачам, выполняемым ими в ее рамках. На основании такого распределения функций разработка финансовой стратегии основана на совокупности финансовых функций подразделений корпорации (рис. 2).

Рис. 2. Финансовые функции подразделений корпорации

Процесс разработки стратегии включает несколько этапов: оценку долгосрочных перспектив, прогноз развития, осознание цели, анализ сильных и слабых сторон, обобщение стратегических альтернатив, разработку критериев оптимизации, выбор оптимальной стратегии, планирование мероприятий.

После выработки общей финансовой стратегии корпорации специальные подразделения в соответствии со стратегией корпорации, а также в соответствии с состоянием финансового рынка, разрабатывают инвестиционную и кредитную стратегии корпорации. Такой подход позволяет, с одной стороны, направить различные аспекты деятельности корпорации в единое русло в соответствии с миссией корпорации, с другой — гибкая и продуманная финансовая

стратегия позволяет высшему менеджменту корпорации планировать развитие прочих направлений деятельности.

Инвестиционный процесс корпорации строится на основе инвестиционной стратегии, разрабатываемой с использованием различных финансово-экономических методов, которые в совокупности составляют научно-финансовую методологию формирования инвестиционной стратегии корпорации.

Научно-финансовая методология представляет собой систему общих правил (принципов), а также специальных приемов и методов экономического исследования, составляющих теоретическую базу теории финансов, т.е. комплексные исследования и разработку инвестиционной стратегии корпорации целесообразно проводить только в связи с главными целями функционирования корпорации.

Таким образом, инвестиционная стратегия корпорации разрабатывается в соответствии с целями ее функционирования, в связи с чем все корпоративные инвестиции должны рассматриваться как один из основных способов достижения главной цели корпорации (рис. 3).

Рис. 3. Необходимость разработки инвестиционной стратегии

Описание инвестиционной стратегии, как и любого многогранного понятия, не исчерпывается простым определением. Инвестиционная стратегия, по нашему мнению, структурированная совокупность нескольких взаимосвязанных

аспектов, таких как институциональный, экономический, нормативно-правовой, информационно-аналитический и др. (рис. 4).

Рис. 4. Инвестиционная стратегия корпорации как система

Эти аспекты являются взаимосвязанными, их структурирование и распределение приоритетов между ними, на наш взгляд, позволяют иметь четкое представление о разработке и реализации стратегии корпорации, поэтому управляющим компании и топ-менеджерам необходимо уделять этим аспектам пристальное внимание.

Направления информационного обмена указывают типовые приоритеты при разработке и реализации инвестиционной стратегии, связывая аспекты в единое целое. Информационный обмен позволяет согласовать продолжительность, этапы и условия инвестиций в рамках принятой стратегии корпорации.

Институциональный аспект инвестиционной стратегии представляет собой совокупность таких основных составных частей, как виды инвестиций, инвестиционный портфель, риски. В рамках институционального аспекта выделяются основные управляемые подсистемы, существующие в корпоративных инвестициях (рис. 5).

Нормативно-правовой аспект инвестиционной стратегии состоит, во-первых, из законодательных и иных нормативных правовых актов государства, образующих юридическую основу и формирующих фискальную среду, в рамках которых корпорация формирует инвестиционную стратегию и осуществляет инвестиционный процесс. Во-вторых, учетной

политики корпорации, внутренних регулирующих документах, позволяющих обеспечивать единый инвестиционный процесс в рамках подразделений корпорации.

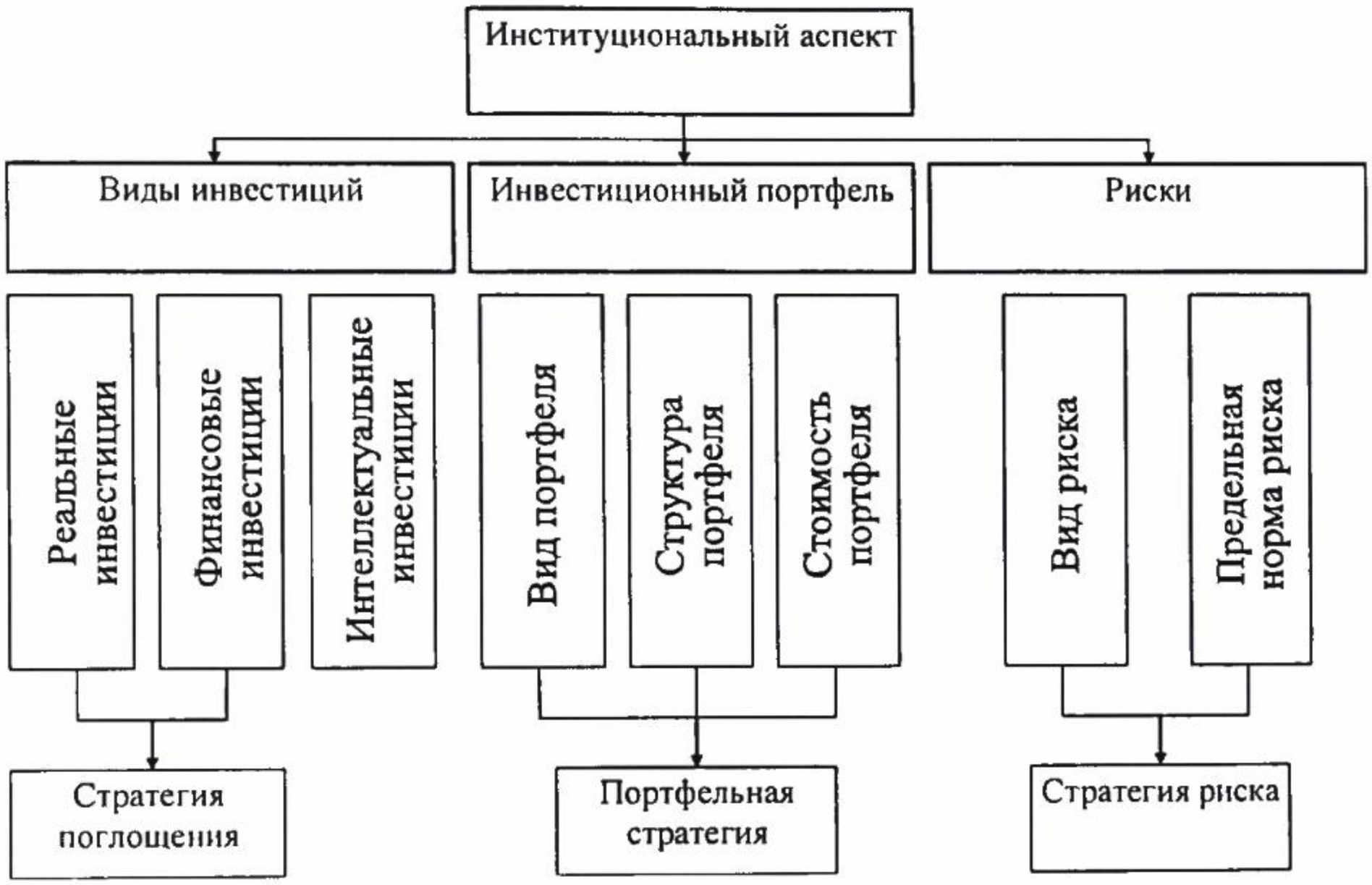


Рис. 5. Структура институционального аспекта инвестиционной стратегии

Экономический аспект — совокупность экономических частей инвестиционной стратегии, к которым относятся система экономических показателей оценки инвестиционной стратегии, управление, финансирование инвестиционного процесса. В рамках экономического аспекта выделяются основные методы, критерии и цели инвестиционной стратегии (рис. 6).

Информационно-аналитический аспект инвестиционной стратегии представляет собой систему обработки информации (СОИ), состоящую из подсистем сбора и сортировки информации, хранения информации, поиска, анализа информации. СОИ является базисом оперативного информационного обмена в рамках корпоративной инвестиционной стратегии, позволяет оперативно реагировать на изменения в юридических основах и фискальной среде, прогнозировать экономические перспективы рынков и планировать изменения в пределах институционального аспекта и кор-

ректировать основные части экономического аспекта инвестиционной стратегии.

Таким образом, инвестиционная стратегия — это единая высокоинтегрированная система, состоящая из различных аспектов, неразрывно связанных между собой для достижения главной цели корпорации.

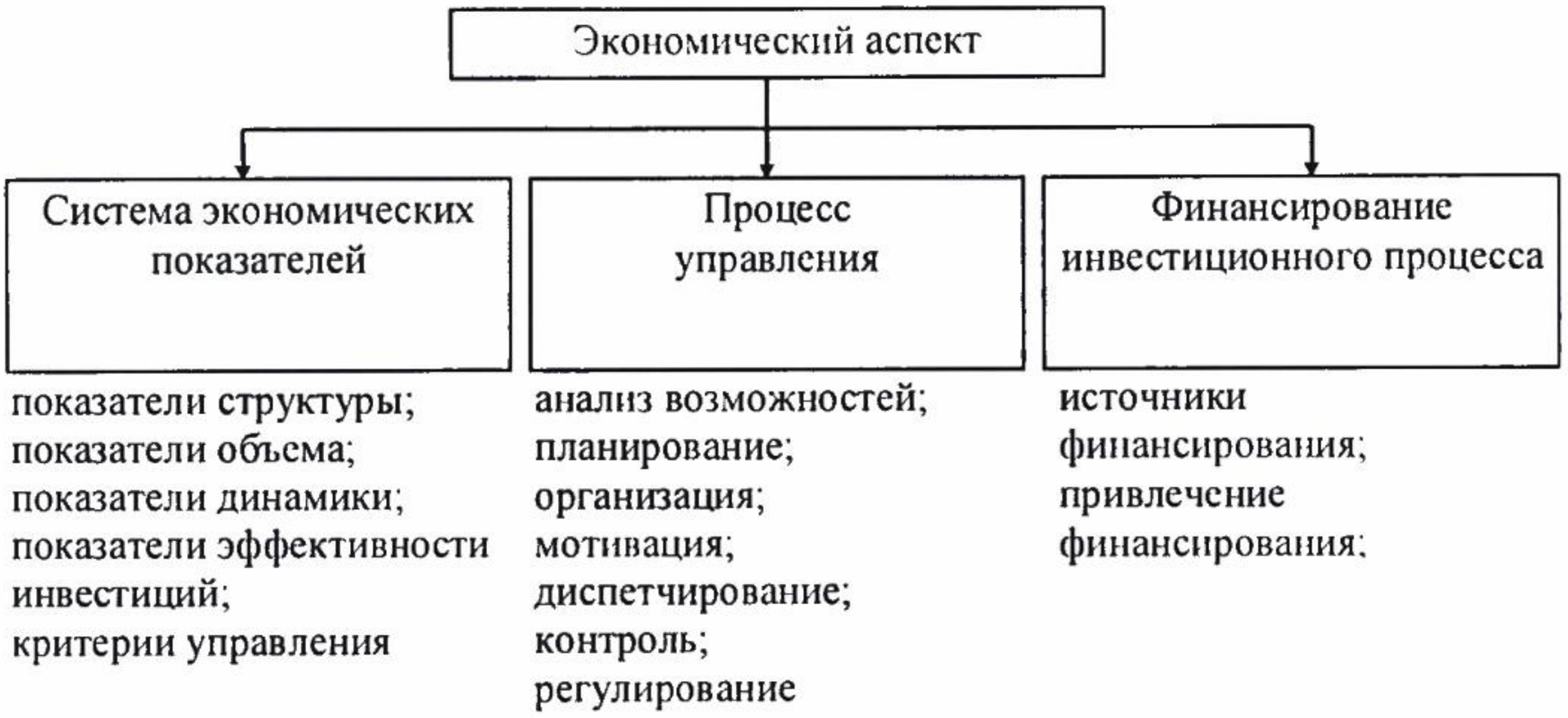


Рис. 6. Структура экономического аспекта инвестиционной стратегии

Инвестиционная стратегия корпорации в регионе принимает вид последовательности мероприятий (рис. 7), осуществляемых для повышения экономической роли корпорации в выбранном регионе. Процедура выбора региона, а также направления инвестирования являются сущностью региональной инвестиционной стратегии корпорации.

Прежде всего в соответствии с миссией корпорации рассматриваются и анализируются основные стратегические приоритеты развития корпорации. К стратегическим приоритетам развития, по нашему мнению, относятся развитие новых направлений деятельности, освоение новых типов продуктов, завоевание новых рынков сбыта.

Любой из выбранных приоритетов развития включает анализ инвестиционных условий регионов, поскольку и новое направление деятельности, и производство нового типа продуктов, и организация дилерской сети в новом рынке сбыта связаны с изучением условий в регионах для составления полного набора альтернатив. В результате анализа регионы могут ранжироваться по степени удовлетворения

стратегических интересов корпорации. Например, регион, в котором есть условия для создания производства или есть предприятия для включения в уже существующие технологические циклы, представляющий также интерес и как рынок сбыта, будет намного привлекательнее региона, имеющего только одно из указанных достоинств.

Рис. 7. Региональные аспекты инвестиционной стратегии

После выбора региона как объекта инвестиций составляется инвестиционная программа, после утверждения которой высшим менеджментом корпорации начинается реализация инвестиционной программы в регионе. Ее реализация в рамках такого обширного объекта, как регион требует от корпорации обладания определенными навыками и приемами управления инвестициями в крупных масштабах. В связи с этим целесообразнее, на наш взгляд, разработать методы и приемы управления инвестиционным процессом корпорации.

Инвестиционная стратегия корпорации в регионе определяется экзогенными (внешними) и эндогенными (внутренними) факторами. Причем во многом прибыльность инвестиционной деятельности зависит от внешних факторов, таких как политическая ситуация в стране и регионах, общеэкономическая ситуация, состояние финансового рынка, надежность контрагентов.

В ситуациях, когда действие экзогенных факторов стабильно, успех инвестиционной деятельности корпорации определяется эндогенными факторами: правильно выбранной инвестиционной и кредитной стратегией, обеспеченностью инвестиционными ресурсами, квалификацией персонала, существующей системой управления.

Таким образом, оптимизация инвестиционных портфелей корпорации на региональном уровне должна быть построена на основе четкого анализа и прогноза возможных изменений экзогенных факторов, а эндогенные должны планироваться таким образом, чтобы оптимизировать внутреннюю деятельность корпорации.

Основным критерием оптимизации портфеля является максимум безрисковой прибыли корпорации, т.е.:

$$C = \sum_{i=1}^{I} (ret_i * v_i) - \sum_{i=1}^{I} \left[\sum_{j=1}^{J} (ri_{ij} * v_{ij}) \right] \rightarrow max \qquad (1)$$

где С — целевая функция; I — количество инвестиционных ценностей корпорации; ret_i — ставка прибыли по i-ой инвестиционной ценности; v_i — удельный вес i-ой инвестиционной ценности в инвестиционном портфеле корпорации; J — количество рисков корпорации; ri_{ij} — ставка j-ого вида риска для i-ой инвестиционной ценности; v_{ij} — удельный вес i-ой инвестиционной ценности, подверженной j-ому виду риска, в инвестиционном портфеле корпорации.

При этом ограничения могут выглядеть следующим образом:

$$\sum_i v_i = 1; \quad \sum_j v_{ij} = 1;$$

$$v_i \geq 0; \; v_{ij} \geq 0; \; ret_i \geq 0; \; ri_{ij} \geq 0.$$

Если при осуществлении инвестиционной стратегии формируется несколько инвестиционных портфелей, формула может быть записана следующим образом:

$$C = \sum_{n=1}^{N}\left[\sum_{i=1}^{I}\left(ret_i * v_i\right)\right] - \sum_{i=1}^{I}\left[\sum_{j=1}^{J}\left(ri_{ij} * v_{ij}\right)\right] \rightarrow max$$

где N — количество инвестиционных портфелей корпорации.

В рамках поставленной задачи процесс оптимизации инвестиционного портфеля корпорации или совокупности инвестиционных портфелей может быть представлен в виде алгоритма (рис. 8). Процесс оптимизации в этом случае представляет собой замкнутую последовательность действий, т.е. циклическую процедуру, в которой на этапе учета и инвентаризации инвестиционных ценностей проверяется и корректируется перечень инвестиционных ценностей корпорации, определяются основные характеристики этих ценностей. На этапе экспертной оценки проводится опрос экспертов для определения средней ставки по каждому виду риска для каждой инвестиционной ценности, а также оценивается норма прибыли от каждой инвестиционной ценности и портфеля в целом.

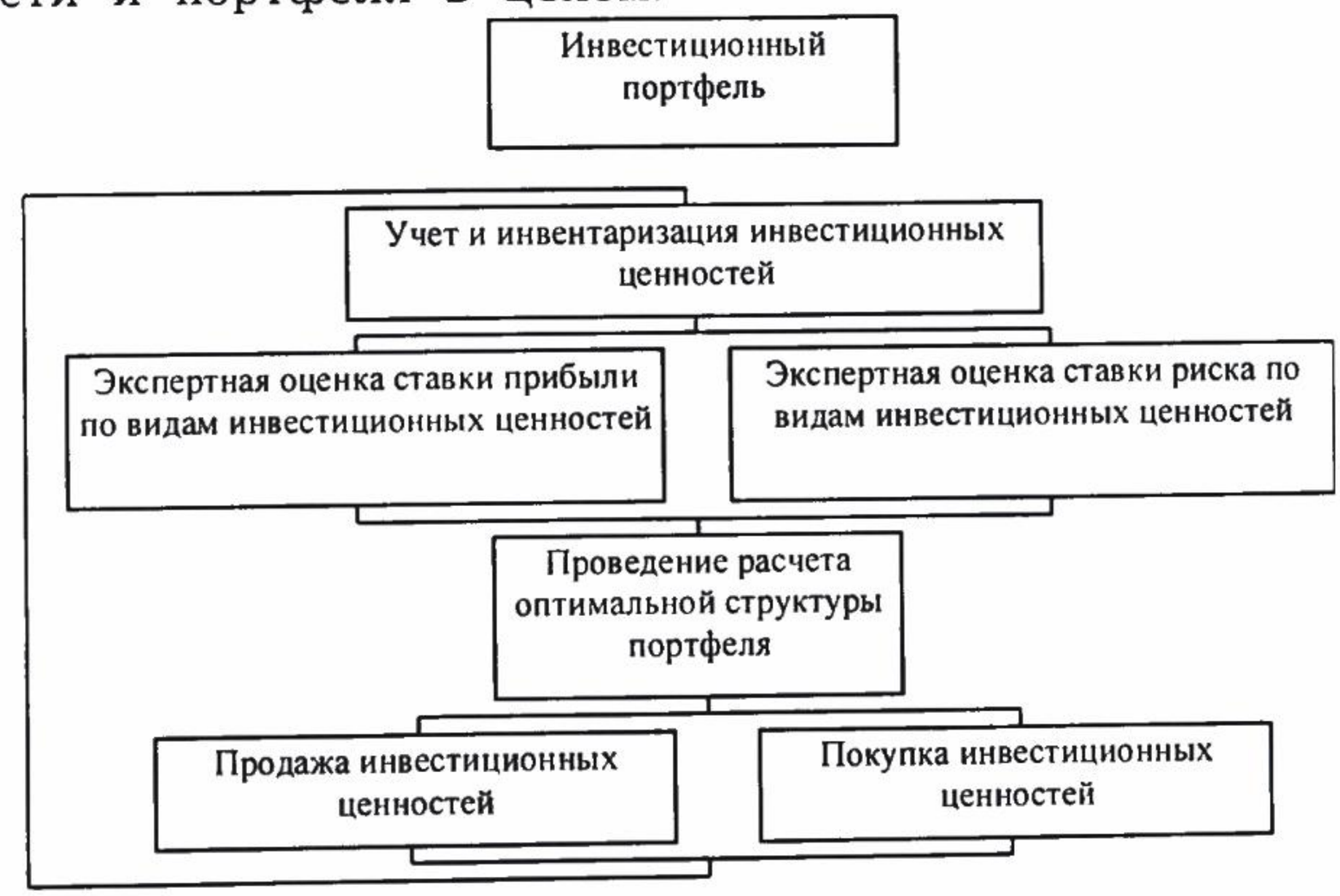


Рис. 8. Алгоритм оптимизации инвестиционного портфеля корпорации

После оценки исходных данных и определения всех необходимых условий проводится расчет оптимальной структуры портфеля, решением которого является вектор V,

представляющий собой совокупность оптимальных долей для всех инвестиционных ценностей с заданными рисками и нормой прибыли. Далее определяется оптимальная структура инвестиционного портфеля корпорации и осуществляется поиск инвестиционных ценностей с заданными характеристиками, проводится дальнейший анализ, цель которого — определение объектов купли-продажи для оптимизации портфеля.

В результате проведенного анализа осуществляется реструктуризация портфеля для его оптимизации. Процесс оптимизации портфеля, проводимый корпорацией, включает продажу и приобретение инвестиционных ценностей с целью удовлетворения требований оптимальности инвестиционного портфеля.

В связи с этим для определения возможных инвестиционных альтернатив и их характеристик проводится комплексный анализ инвестиционных ценностей (см. рис. 9), по результатам которого осуществляется процесс инвестирования.

Организация оценки инвестиционной привлекательности по такой схеме обоснована следующим. Первоначально корпорация должна определить, что за инвестиционная ценность предлагается, поскольку их различные виды (реальные, финансовые, интеллектуальные) подразумевают различную степень доходности и риска. Одним из главных экзогенных факторов является инвестиционная привлекательность региона.

На первом этапе анализа определяется вид инвестиционной ценности. В зависимости от вида выбираются критерии анализа репутации инвестиционной ценности. Следует отметить, что ее репутация — это характеристика, позволяющая оценить весь предшествующий планируемой сделке инвестиционный процесс, связанный с данной инвестиционной ценностью. Таким образом, оценка репутации — это ретроспективный анализ инвестиционной ценности.

Один из главных вопросов, задаваемых инвестором — сколько заплатить за инвестиционную ценность, чтобы не снизить планируемый доход? Следовательно, следующий этап анализа — оценка реальной стоимости инвестиционной ценности, которая проводится путем определения минимальной приобретаемой доли объекта инвестиций, сто-

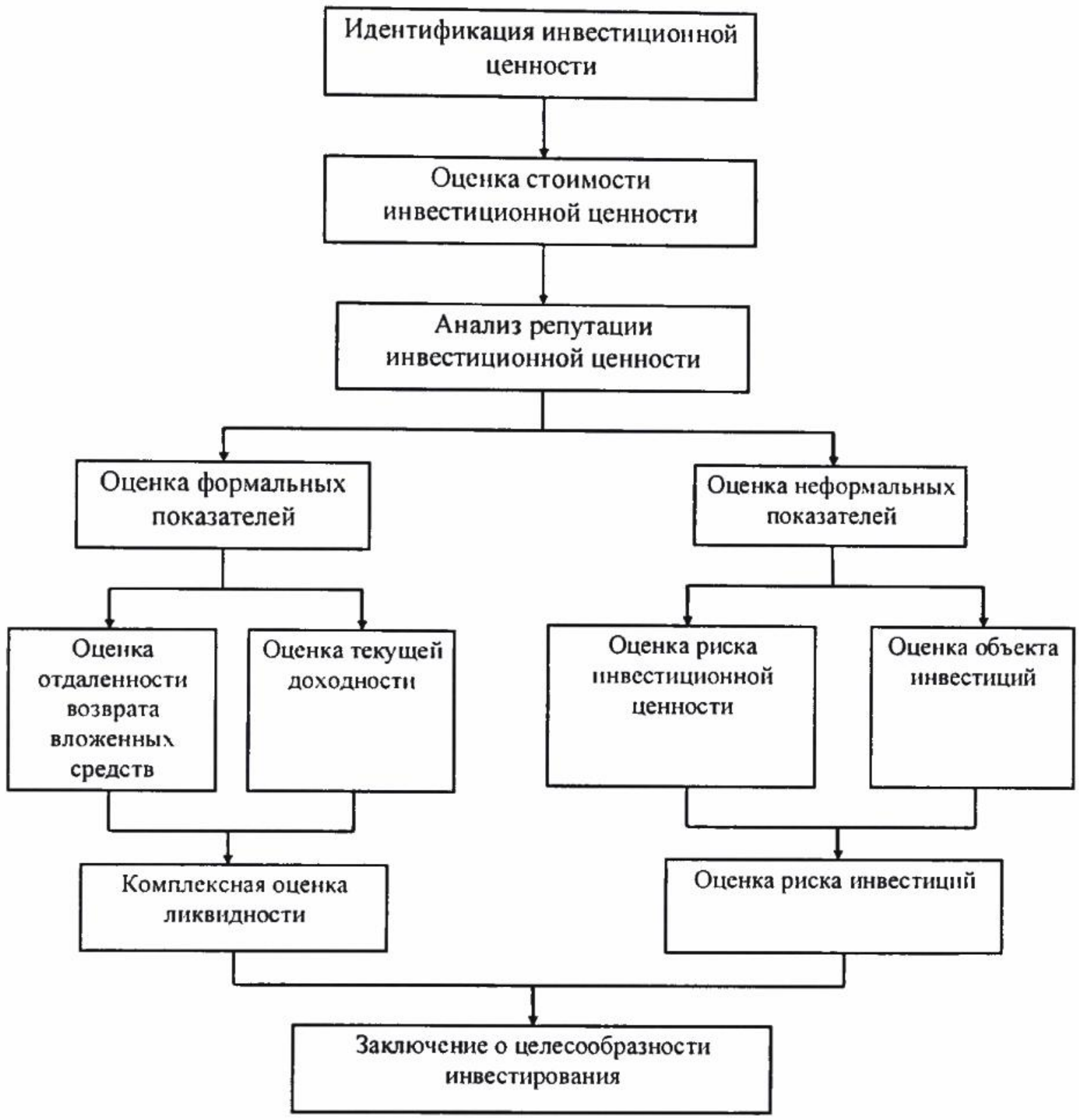


Рис. 9. Схема комплексной оценки инвестиционной ценности

имости минимальной доли, вариантов оплаты приобретаемой доли.

Если объект инвестиций представляет собой сложное образование (акционерное общество и его пакет акций, предприятие и его подразделения, интеллектуальная собственность, результаты научного исследования и др.), то часто необходимо определить какая минимальная «доля» объекта инвестиций подлежит приобретению или продаже. После этого, в зависимости от приобретаемого влияния на объект инвестиций, определяется цена доли объекта и варианты оплаты. Если репутация и стоимость инвестиционной ценности приемлемы для инвестора, то проводится

оценка формальных и неформальных показателей, характеризующих данную инвестиционную ценность.

К формальным относятся показатели, которые могут быть рассчитаны на основе формул, имеют четкое разграничение на исходные и результативные показатели. Неформальные показатели — это характеристики инвестиционной ценности, аналитический расчет которых невозможен по тем или иным причинам.

Набор показателей для оценки инвестиционной привлекательности может меняться в зависимости от вида инвестиционной ценности. После проведения анализа репутации, а также оценки формальных и неформальных показателей для каждой инвестиционной ценности проводится сравнение альтернатив и выбор приемлемых для инвестора вариантов инвестирования и реструктуризации портфеля.

Таким образом, использование данной методологии позволит, на наш взгляд, существенно оптимизировать процесс корпоративного управления на региональном уровне.

Поступила 18.05.2006.

А.И.МЕРКУШЕВ

МЕТОДИКА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ КРЕДИТНОГО РИСКА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО БИЗНЕСА ДЛЯ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА РЕГИОНА

Одна из существенных проблем повышения активности малого бизнеса в России на современном этапе развития — недостаток у малых предприятий и предпринимателей оборотных средств или отсутствие достаточного стартового капитала, что может быть восполнено, в том числе за счет получения кредита в коммерческом банке. В настоящее время немногие российские кредитно-финансовые организации берут на себя смелость кредитовать малое предпринимательство. Это связано с большим риском невозврата ссуды, отсутствием надежного залога, гарантий и поручительств, повышенными затратами на рассмотрение и оформление кредитной сделки при небольшом объеме получаемых доходов ввиду незначительных для банка сумм кредитов. Вместе с тем, по оценкам экспертов Импэксбанка, совокупный спрос на кредиты до 10 тыс. дол. США составляет от 5 до 7 млн дол. В целом предложение на этом рынке оценивается в 300—400 млн дол., не покрывая и 10 % потребностей рынка. Органы государственной власти пытаются оказать финансовую помощь начинающим и функционирующим представителям малого бизнеса, но ее, как показало время, явно недостаточно.

Кроме того, особенно у региональных коммерческих банков существует проблема сроков рассмотрения кредитной заявки представителей малого бизнеса, поскольку такие просьбы банки относят, как правило, на второй план, в том числе и из-за отсутствия или несовершенства методик предвари-

---

МЕРКУШЕВ Александр Иванович, директор Центра профессиональной переподготовки специалистов Вятской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат экономических наук, доцент (г.Киров).

тельной оценки кредитоспособности малых предприятий и предпринимателей без образования юридического лица (ПБОЮЛ). Экспертная оценка данного процесса показала, что в среднем заявка представителей вышеуказанного сектора экономики рассматривается региональным банком от двух недель до месяца. Затягивание сроков рассмотрения заявки коммерческим банком может серьезно повлиять на финансовые результаты деятельности малого предприятия или предпринимателя, так как для них такая задержка в ответе может привести к непоправимым последствиям.

В зарубежной практике, например, у Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) имеется в арсенале методика достаточно быстрого определения кредитоспособности представителей малого бизнеса, которой пользуются крупные российские коммерческие банки-партнеры ЕБРР, такие как Сбербанк, Банк кредитования малого бизнеса (КМБ-Банк), Российский банк развития, Внешторгбанк, Росбанк, УралСиб, Уральский банк реконструкции и развития. Однако кроме того, что эта методика является собственностью ЕБРР, она еще предполагает и серьезную техническую подготовку, в том числе обучение кредитных экспертов пользованию программными продуктами. Как правило, ЕБРР стремится к сотрудничеству с крупными российскими коммерческими банками, а мелкие и средние региональные банки остаются один на один с данной проблемой. Отсюда и возникла идея разработки достаточно простой и приемлемой во всех отношениях для такой категории коммерческих банков методики предварительной оценки кредитного риска субъектов малого предпринимательства.

Мы предлагаем вариант методики, позволяющей быстрое принятие решения о возможности выдачи кредита и целесообразности продолжения работы с клиентом, которая базируется на трех укрупненных характеристиках, в наибольшей степени влияющих на кредитоспособность представителей малого бизнеса: благонадежность клиента; качество предполагаемого обеспечения; вероятность дефолта клиента.

Вывод о благонадежности клиента делается на основании данных о реальном сроке работы заемщика на рынке, численности сотрудников в компании, отношений с налоговыми органами, кредитной истории в банках.

На основании методик оценки кредитоспособности, применяемых другими банками, были выделены показатели: срок функционирования бизнеса; возможность конфликтной ситуации между владельцами, появление новых собственников, действия менеджмента в своих интересах при значительной диверсификации капитала; оценка возможной заинтересованности владельца по переводу активов, изъятии денежных средств в другой бизнес; оценка возможности стагнации деятельности компании из-за действий арендодателя; численность штатных сотрудников компании; оценка влияния налогового риска; кредитная история.

По каждому значению показателей эксперт выставляет балл по шкале от 1 до 7. В опросе участвовало 15 экспертов, в их роли выступали работники кредитных подразделений региональных банков г. Кирова. Далее ответы экспертов анализировались, каждому значению показателей был присвоен наиболее часто встречающийся балл. Затем сформирована выборка, включающая 500 малых предприятий и предпринимателей, воспользовавшихся услугами банка с 2003 г. до 2005 г. Эксперты группами по 5 чел. давали качественную оценку благонадежности (отличная, хорошая, удовлетворительная, неудовлетворительная) каждому клиенту, участвующему в выборке. В результате все малые предприятия и предприниматели в выборке были разбиты на 4 группы. Для каждого проведен анализ и найдена балловая оценка благонадежности. Все группы малых предприятий и предпринимателей были подвергнуты статистической обработке (среднее значение, среднеквадратичное отклонение, t-критерий Стьюдента, граничное значение). С заданным уровнем вероятности 99 % определены нижнее и верхнее значение балловых оценок благонадежности для каждой группы исследуемых клиентов. Дальнейшую обработку нагляднее пояснить на примере. Для группы клиентов банка, благонадежность которых оценена как «отличная», нижняя граница балловой оценки получилась равной 36 (округлена с точностью до целых значений). Для другой группы клиентов, благонадежность которых оценена как «хорошая», верхняя граница балловой оценки получилась равной 40. Поэтому решено принять в качестве верхней границы бальной оценки для предприятий и предпринимателей с «хорошей» благонадежностью значение 37 баллов.

В результате получена следующая градация благонадежности клиента: отличная, если оценка составляет от 38 до 51 балла; хорошая — от 26 до 37 баллов; удовлетворительная — от 15 до 25 баллов; неудовлетворительная — менее 15 баллов.

Аналогичная работа проведена при построении шкалы оценки других характеристик кредитоспособности клиентов, взятых для выборки.

Оценка предполагаемого обеспечения производилась аналогично оценке благонадежности. В результате качество обеспечения оценено следующим образом: отличное обеспечение при оценке от 16 до 24 баллов; хорошее — от 12 до 15 баллов; удовлетворительное — от 9 до 11 баллов; неудовлетворительное — менее 9 баллов.

Расчет вероятности дефолта клиента производился путем оценки кредитным работником уровня рисков по следующим группам риска: бизнес-риски; риски менеджмента; риски финансового состояния. Каждой группе риска присваивался свой удельный вес в общем рейтинге рисков: бизнес риски — 0,25; риски менеджмента — 0,25; риски финансового состояния — 0,5. Внутри каждой группы риски оценивались по шкале, представленной в табл. 1.

Таблица 1

Шкала оценки бизнес-рисков, рисков менеджмента, рисков финансового состояния

Группа	Чрезмерно высокие	Высокие	Повышенные	Умеренные	Низкие
Бизнес-риски	до 1,7	1,7—3,4	3,4—5,1	5,1—6,8	6,8—8,5
Риски менеджмента	до 2	2,5—4	4,5—6	6,5—8	8—10
Риски финансового состояния	до 0,7	0,7—1,4	1,4—2,4	2,4—3,5	3,5—4,5

При оценке бизнес-рисков учтены факторы состояния отрасли, в которой работает клиент; наличия налаженных связей клиента с поставщиками; системы сбыта клиента; наличия у клиента собственного сегмента рынка; достаточности производственных (торговых) площадей и мощностей для успешного ведения бизнеса; однородности (неоднородности) производимой (реализуемой) продукции; структуры аффилированных компаний.

При оценке рисков менеджмента учтены факторы личности владельцев бизнеса и топ-менеджера, соответствия личности менеджмента среднестатистическим демографическим характеристикам; бизнес-опыта владельцев и менеджеров; организации и ведения клиентом управленческого учета; организации клиентом элементарного планирования деятельности (сглаживание сезонных колебаний в бизнесе и т.д.); отношения топ-менеджера к персоналу (текучка кадров, система материального стимулирования и пр.).

При оценке рисков финансового состояния учтены факторы стабильности и объема денежных потоков по счетам в банках; стабильности поступающей выручки (с учетом сезонных колебаний); прибыльности бизнеса.

Исходя из итоговой оценки рисков (присвоенных баллов) по каждой группе рисков и удельного веса этой группы в общем рейтинге, рассчитывался итоговый показатель R, определяющий вероятность дефолта ПБОЮЛ:

$R = \Sigma$ (оценка рисков по каждой группе, удельный вес этой группы).

Определение вероятности дефолта клиента (ВДК): При $R \geq 6$ вероятность дефолта оценивается как «незначительная». При $4<R<5{,}8$ вероятность дефолта оценивается как «умеренная» (данное значение приемлемо для кредитования). При $2{,}6<R\leq 4$ вероятность дефолта оценивается как «повышенная» (это значение допустимо для кредитования при условии, что благонадежность клиента и качество обеспечения оценены не ниже чем «хорошие»). При $R \leq 2{,}6$ вероятность дефолта оценивается как «высокая» (данное значение не рекомендуется для кредитования).

Исходя из оценки благонадежности качества предполагаемого обеспечения и вероятности дефолта клиенту присваивается общий рейтинг, параметры и значения которого сведены в табл. 2.

Таким образом была определена классность клиентов, выразившаяся следующим образом:

1-й класс — «отличный» клиент. Кредитоспособность заемщика по совокупности характеризующих ее факторов можно оценить как высокую. Кредитный риск для банка — низкий.

2-й класс — «хороший» клиент. Деятельность заемщиков этой группы подвержена циклическим изменениям, скон-

Таблица 2

Внутрибанковский рейтинг заемщика

ВДК	ОБК	ОКО	Рейтинг ПБОЮЛ
Незначительная	Отличная/хорошая	Отличная/хорошая	1
Незначительная	Отличная/хорошая	Удовлетворительная	
Незначительная	Удовлетворительная	Отличная/хорошая/ удовлетворительная	2
Умеренная	Отличная/хорошая	Отличная/хорошая	
Умеренная	Отличная/хорошая	Удовлетворительная	
Умеренная	Удовлетворительная	Отличная/хорошая/ удовлетворительная	3
Повышенная	Отличная/хорошая	Отличная/хорошая	
Повышенная	Отличная/хорошая	Отличная/хорошая/ удовлетворительная	4
Повышенная	Удовлетворительная	Отличная/хорошая/ удовлетворительная	
Высокая	Любая	Любая	5
Любая	Неудовлетворительная	Любая	
Любая	Любая	Неудовлетворительная	

центрирована на определенной группе поставщиков или покупателей. По совокупности факторов, характеризующих кредитоспособность, кредитный риск банка — умеренный.

3-й класс — «удовлетворительный» клиент. Имеются негативные тенденции в деятельности заемщика, неблагоприятные макроэкономические и отраслевые процессы могут привести к неспособности заемщика выполнять свои обязательства. По совокупности факторов, характеризующих кредитоспособность, кредитный риск банка — средний.

4-й класс — «рискованный» клиент. Финансовое положение заемщика неустойчивое, его деятельность ухудшается за счет неблагоприятной ситуации в отрасли. Кредитный риск для банка повышенный.

5-й класс — «не рекомендуется кредитовать». Финансовое положение заемщика критическое. Кредитный риск банка — высокий. Заемщики этой группы являются некредитоспособными.

Для заемщиков с 1-й по 3-й класс банк может принимать решение о целесообразности дальнейшей работы с заемщиком и может запросить соответствующий пакет до-

кументов для проведения более глубокого анализа. С заемщиками из 4-го класса возможна дальнейшая работа при наличии бизнес-плана или технико-экономического обоснования кредитуемого проекта. Для заемщиков 5-ой группы проведение дальнейшего анализа нецелесообразно. Использование данной методики позволит банку, во-первых, более точно определить степень риска кредитования предпринимателей; во-вторых, более квалифицированно мотивировать положительное решение или отказ о выдаче кредита; в-третьих, сократить непроизводительные затраты в кредитном процессе, отсекая на первоначальном этапе некредитоспособных клиентов, и сконцентрировать свои усилия на наиболее перспективных заемщиках, в-четвертых, сократить время принятия решения о возможности кредитования клиента.

Несомненно, предложенная методика определения кредитного риска на первоначальном этапе взаимоотношений коммерческого банка и представителя малого бизнеса проявит свои преимущества при соответствующем программном обеспечении, разработка которого под силу специалистам даже небольшого регионального коммерческого банка. По нашей оценке, предварительное рассмотрение такой заявки может сократиться как минимум с двух недель до одного-двух часов. Кроме того, такая оценка кредитоспособности малых предприятий и предпринимателей может стать основой для принятия решения о выдаче им кредита на кредитном комитете коммерческого банка и значительно ускорить процедуру выдачи кредита.

Поступила 27.03.2006.

Т.М.ПОЛУШКИНА

ПРОБЛЕМЫ И РОЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КРЕДИТА В ФИНАНСОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Исследование проблем сельскохозяйственного кредита — не дань моде, а насущная практическая необходимость, так как от него во многом зависит эффективность деятельности аграрной сферы, будущее экономики России и ее регионов.

Аграрный сектор экономики характеризуется рядом особенностей: ярко выраженной сезонностью производства, несовпадением по времени рабочего периода с полным циклом воспроизводства, а также зависимостью конечных результатов от природных и биологических факторов, что во многом определяет существенные колебания структуры оборотного капитала сельскохозяйственных товаропроизводителей по временам года и требует особой организации доступной системы кредитного обслуживания аграрной сферы.

Отсюда даже в условиях стабильной экономики сельскохозяйственные товаропроизводители не могут работать нормально, не прибегая к заемным средствам. В развитых странах банковские кредиты покрывают больше трети потребностей сельскохозяйственных предприятий в инвестиционных ресурсах. В России же, начиная с 1992 г., в связи со значительным ростом инфляции, когда процентная ставка, как по централизованным, так и коммерческим кредитам превысила уровень доходности отрасли (составив 180—200 %), кредит как экономический рычаг воздействия на эффективность аграрного производства практически

ПОЛУШКИНА Татьяна Михайловна, докторант кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета.

потерял свою значимость. Кредиты стали недоступны для основной массы российских крестьян. Объем всех видов предоставленного кредита селянам сегодня не превышает 30—35 % от минимальной потребности.

В 90-е гг. XX в. были полностью нарушены оптимальные пропорции в формировании и использовании долгосрочных и краткосрочных ссуд, что привело не только к хронической сезонной нехватке оборотного капитала, но и к постепенной деградации основного капитала сельхозпредприятий и их производственного потенциала в целом.

Одной из главных причин, сдерживающих кредитование аграрной сферы в нынешней ситуации, является высокая степень невозврата ссуд. Действительно, доля просроченной кредиторской задолженности сельхозтоваропроизводителей в 2000-е гг. составляла в среднем 30—35 % (в 2000 г., например, абсолютный показатель составил 124,4 млрд руб.). И все же, на наш взгляд, при всей обоснованности претензий коммерческих банков, не это является основной причиной их нежелания иметь дело с селянами. Главной причиной являются просчеты, которые были допущены в кредитной политике вообще и в кредитовании аграриев в частности, что в конечном итоге, наряду с другими, не менее значимыми факторами в российской аграрной политике привели к столь близкому полному развалу и коллапсу состоянию кредитной сферы сельского хозяйства.

Кредитный механизм как совокупность инструментов по рациональному использованию основного и оборотного капитала предприятий и ссудного капитала банков, условий применения и погашения заемных средств и банковских ссуд в современных условиях, безусловно, должен являться одним из основных направлений регулирующей деятельности государства и его финансовых учреждений. Государство должно гибко воздействовать на кредитные отношения в сельском хозяйстве, создавать соответствующие стартовые условия для доступности всех видов кредита предприятиям различных форм собственности, способствовать организации специализированных учреждений сельскохозяйственного кредита, в том числе на местном уровне — учреждений микрофинансирования.

Россия имеет богатую и длительную историю функционирования системы сельскохозяйственного кредита, кото-

рая в современных условиях реформирования аграрной сферы приобретает особую ценность и требует пристального исследования.

Зарождение кредитных отношений в России произошло еще в конце XII в., когда в Новгороде, одном из важнейших финансовых центров страны того времени, были открыты первые банкирские дома, которыми, как правило, были монастыри и церкви. В конце XII в. «Псковская ссудная грамота» стала признавать залог недвижимого имущества, в первую очередь земли.

В XIX в. кредитная система России, как государственная, так и частная, стала приобретать современные черты. Первыми учредителями сельскохозяйственного кредита («поземельного») были Дворянские банки, основанные в 1754 г. в Москве и Санкт-Пербурге. Ссуды выдавались под залоги населенных имений по 10 руб. ассигнациями на одну ревизскую душу мужского пола сроком на год с правом пролонгации. Долгосрочное кредитование сельскохозяйственных производителей начал осуществлять Государственный заемный банк, которому был утвержден устав и выделен капитал в 33 млн руб. в 1786 г. Этому банку было разрешено выдавать ссуды под залог населенных имений по 40 руб. на одну ревизскую душу с начислением 5 % в свою пользу и 3 % — на погашение капитала в двадцатилетний срок. В дореформенное время кроме государственных функционировал ряд общественных сословных кредитных учреждений долгосрочного поземельного кредита, основанных на средства учредителей и с поддержки правительства.

Оживление сельскохозяйственного производства после отмены крепостного права привело к разрушению государственной монополии по предоставлению сельскохозяйственного кредита. В 1871 г. создано Положение, предоставляющее земствам право выдачи ссуд под залог недвижимой собственности и прием вкладов, движимых ценностей и под учет векселей. С целью создания условий крестьянам для выкупа у помещиков земли путем предоставления долгосрочного кредита на основе добровольного соглашения продавцов с покупателями, в 1833 г. утвержден Крестьянский поземельный банк. Ссуды этим банком первоначально выдавались наличными деньгами на 24,5 г. и на 34,5 г. сельским обществам, товариществам крестьян при условии их

взаимного поручительства и отдельным крестьянам. К 1914 г. в России создана система сельскохозяйственного кредита, функционирующая на долгосрочной основе (до 60 лет!), которая во многом обеспечила подъем сельского хозяйства в дореволюционной России, и условия для развития ипотечного кредитования.

Интересна и поучительна история развития краткосрочного кредитования в России, в частности мелкого крестьянского кредита, тесно связанная с развитием крестьянской кооперации. Стремительный подъем кооперативного движения в России можно отнести к концу XIX — началу XX в. В 1888 г. был проведен I съезд представителей ссудосберегательных товариществ, в 1901 г. — I Всероссийский агрономический съезд, разработан устав кооперативного банка, появились первые кооперативные союзы. В это время были приняты и первые законодательные акты о развитии кредитной кооперации в России. В 1908 г. прошел I Всероссийский кооперативный съезд. Особенно быстрыми темпами развивались кредитные кооперативы — ссудо-сберегательные и кредитные товарищества. В 1870 г. их всего 12, а к 1908 г. — уже 2 315. Деятельность кредитных кооперативов способствовала получению для пайщиков первоначального капитала и открытию самостоятельного дела.

Рост и укрепление первичных кредитных товариществ приводили к объединению их в союзы, которые осуществляли организационное, инструкторское, финансовое обслуживание и руководство кооперативами. Появился единый финансовый центр кредитной кооперации России — Московский народный банк (1912 г.), ставший единым финансовым и организационным центром всей российской кооперации.

Следует отметить, что уже с момента зарождения кооперативной деятельности в России государство регулировало ее развитие. 1 июня 1895 г. было утверждено «Положение об учреждениях мелкого кредита». Все частные вопросы и регламентация деятельности находили отражение в образцовых и частных уставах. В это же время все учреждения частного кредита были переданы в ведение Министерства финансов. При государственном банке утверждено Управление по делам мелкого кредита, на который возлагался высший надзор за всеми учреждениями и общее финансирование их из этих средств, предоставлявшихся им

банком. Кроме того, был образован межведомственный Центральный комитет по делам мелкого кредита, в который входили представители всех заинтересованных министерств (министерства финансов, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ, юстиции и государственного контроля). На местах созданы губернские комитеты по делам мелкого кредита.

Первый российский закон о кооперации принят Временным правительством. Он был общим для всех видов кооперации и давал ей правовое определение. Интересным является тот факт, что целью кооперации закон определял содействие не только материальному, но и духовному благосостоянию его членов.

Важнейшим компонентом аграрной политики большевиков в первые годы советской власти также являлась кредитная кооперация. Пусть полуогосударствленная, с нарушением основных принципов, но кооперация в России в 1917—1930 гг. (особенно в годы НЭПа) все же работала. Однако половинчатость и урезанность классического механизма кооперативного кредита не позволила ему ни по количественным, ни по качественным параметрам подняться до довоенного уровня, и определила практически непрерывный кризис советского сельскохозяйственного кредита. В целом процесс большевистского преобразования сельского кооперативного кредита можно принять показательным в трансформации взаимоотношений советской власти и крестьянства, свидетельством несовместимости рыночных механизмов и административно-командных принципов построения экономики.

В советском сельском хозяйстве, как составной части централизованной плановой экономики, рыночный кредит как таковой отсутствовал. Займы сельскохозяйственных предприятий для кредитных организаций не носили коммерческого характера. Цена предоставляемых кредитов была номинальной: по краткосрочным — от 1 до 5 %, по долгосрочным — от 0,7 до 2 %. Источником долгосрочных займов для сельского хозяйства являлся государственный бюджет, сезонные кредиты предоставлялись за счет средств, которые сельскохозяйственные производители имели на счетах в Агропромбанке. Кроме того, по сельскохозяйственным предприятиям в полном соответствии с аграрной по-

литикой государства того времени (крайнего протекционизма) периодически проводились пролонгирования и списания долгов, что, конечно, порождало финансовую безответственность хозяйствующих субъектов.

В связи с этим совершенно естественным представляется тот факт, что к началу рыночных реформ сельское хозяйство страны столкнулось с отсутствием адекватной кредитной системы и с абсолютной неготовностью участников кредитного процесса адаптироваться к коммерческим отношениям. В новых условиях аграрный сектор экономики стал обеспечиваться заемными средствами при помощи субсидированного кредитования, что и определило направление развития сельскохозяйственного кредита в последующие годы.

Изначально (в 1992 г.) государство предоставляло сельхозтоваропроизводителям так называемый «льготный централизованный кредит». При этом сельхозпредприятиям выделялся кредит за счет федеральных источников под 28 % годовых, фермерам — под 8 %. И хотя этот кредит размещался через уполномоченные банки, в основном Агропромбанк, реально его распределение по заемщикам осуществляли управления сельского хозяйства на местах. Причем практически во всех субъектах Российской Федерации выделение централизованных кредитов было поставлено в зависимость поставок продукции в федеральные и региональные фонды. Это означало, что единственный на тот момент источник кредита для сельхопроизводителей стал рычагом сдерживания процессов коммерциализации производства, его структурной перестройки, формирования альтернативных каналов сбыта и т.д.

Уже в 1994 г. все виды льготного кредита были отменены. Этот год был самым тяжелым в финансовом отношении для сельхозпроизводителей. Стало понятно, что они не смогут рассчитаться с долгами, и снова последовало огульное списание долгов.

Другой формой централизованного сезонного кредита для аграрного сектора новой России стал товарный кредит, который до сих пор имеет место во многих субъектах РФ (в частности, в Республике Мордовия через ГУП «Развитие села»). Однако товарное кредитование, хотя и стало скрытой формой субсидирования государством аграрного секто-

ра, но все более нарастающая кредиторская задолженность села поставщикам является чаще всего спонтанной (цены заранее не оговариваются) и по сути своей принудительной для кредитора формой займов (далеко не всегда выгодной, но единственной формой займа).

Не решило проблем с заимствованием средств для крестьян и долгосрочное инвестиционное кредитование в форме лизинга техники, удобрений, семян, племенного скота, чаще приближаясь по своему характеру к обычному государственному распределению, ни образованный в 1997 г. и упраздненный в 2000 г. Фонд льготного кредитования. Даже введенное в 2001 г. субсидирование процентных ставок за счет средств федерального бюджета 2/3 учетной ставки Центрального Банка РФ, к сожалению, не решило и малого количества проблем сельскохозяйственных товаропроизводителей с привлечением необходимого количества заемных средств.

Особенно остро проблема недоступности кредитных ресурсов в современном сельском хозяйстве страны стоит для представителей мелкого и среднего агробизнеса (объем их кредитования в общем объеме кредитования реального сектора экономики составляет не более 10 %). Сельское население в основной своей массе не имеет доступа к финансово-кредитным ресурсам государства, не способно брать кредиты в кредитных организациях в силу их дороговизны, невозможности залогового обеспечения, удаленности от места жительства, сложности и продолжительности периода оформления и получения финансовых средств.

В связи с этим необходимо создание финансовых институтов, инфраструктурных элементов наиболее полно отвечающих их инвестиционным потребностям. В этом есть своя логика, так как на сегодняшний день ситуация в сельском хозяйстве страны сложилась таким образом, что во многом от восстановления и развития именно малого и среднего агробизнеса, обладающего не только крупным производственным потенциалом (в малых формах хозяйствования ЛПХ и КФК производится картофеля — 93 %, овощей — 80, мяса — 51, молока — 55 %), но и обеспечивающего широкую социальную базу рыночному хозяйству (ЛПХ ведут 16 млн семей, 1 млн 200 тыс. чел. заняты в КФК), способствующему достижению необходимого баланса между региона-

ми и подъему благосостояния сельского населения, зависят вообще процессы стабилизации продовольственного обеспечения населения.

Для того чтобы сделать производство сельскохозяйственной продукции в хозяйствах населения, крестьянских фермерских хозяйствах рентабельным, отвечающим современным запросам по продовольственной безопасности страны, в них необходимо принципиально изменить технологию и поднять культуру производства, изменить финансовую политику государства по отношению к аграрному сектору, создать механизмы формирования и развития коллективного инвестирования в сфере малого агробизнеса, сельского населения на основе взаимопомощи, в том числе через внедрение сельскохозяйственной кредитной кооперации.

Кредитная кооперация может сделать то, чего не смог сделать банковский капитал — позволить мелкому и среднему производителю пользоваться кредитными средствами для развития хозяйства. При этом кредитную кооперацию можно использовать и как механизм оперативного маневрирования свободными финансовыми ресурсами деревни, и как надежный механизм распределения государственных субсидий в целях наиболее результативного их использования.

С первых лет рыночных реформ в России обсуждалась проблема возрождения сельскохозяйственного кооперативного кредита, но процессы становления и развития кредитной кооперации шли очень медленно. Значительно острее стали звучать эти проблемы в последние годы, когда основная масса крупного коллективного сельскохозяйственного производства практически разрушена, а представители мелкого агробизнеса при современном уровне технического и технологического развития не в состоянии прокормить страну. И снова власти, не имея ясной позиции о месте и роли сельскохозяйственного кредита в системе финансового регулирования агарного сектора, четкой законодательной базы, приступили к построению системы сельскохозяйственного кооперативного кредита, хотя некоторый положительный опыт кооперативного сельского движения в новой России (в Волгоградской, Белгородской, Орловской областях и в ряде других регионов) существует.

Впервые за последние 15 лет в национальную социально-экономическую политику страны по инициативе Прези-

дента РФ (приоритетные национальные проекты) агропромышленный комплекс страны, сельское хозяйство вошли как приоритетные направления.

Главная цель проекта — повышение качества жизни как в городе, так и на селе. Была поставлена задача увеличения производства мяса и молока, поскольку, как показывают расчеты, потенциал роста сельхозпроизводства в России при увеличении объемов производства животноводства значительно выше, чем в случае наращивания экспорта зерна. Кроме того, анализ причин замедления темпов экономического роста в сельском хозяйстве свидетельствует о том, что во многом это происходит из-за отрицательной динамики в животноводстве. Потребление мяса на душу населения в России составляет 53 кг, в то время как в развитых странах — 80—100 кг.

Первым направлением в Плане реализации проекта определены меры по расширению доступности кредитных ресурсов для ускоренного развития животноводства. Это предполагается решать посредством создания условий для привлечения долгосрочных кредитов на льготных условиях. Процентная ставка по кредитам, полученным на срок до 8 лет на строительство и модернизацию животноводческих комплексов, будет на 2/3 финансироваться из федерального бюджета. На реализацию этого мероприятия планируется выделить 6 млрд 630 млн руб., что позволит привлечь на техническое перевооружение 40 млрд руб. кредитов. Кроме того, предполагается направить значительные средства на обновление основных фондов в животноводстве, а именно на повышение генетического потенциала животных, разводимых в России пород и условий их содержания (продуктивность коров сегодня в РФ в 2,5 раза меньше, чем в США и Западной Европе) по системе государственного лизинга.

Вторым направлением в Плане реализации проекта является стимулирование развития малых форм хозяйствования в АПК через расширение доступности кредитных ресурсов для личных подсобных и крестьянских фермерских хозяйств, и создаваемых ими сельскохозяйственных кооперативов. Предполагается осуществить 100 % субсидирование процентной ставки по привлекаемым кредитам: 95 % ставки будет субсидироваться из федерального бюд-

жета и 5 % — из бюджета субъекта федерации. Устанавливается предельный размер кредита для ЛПХ — 300 тыс. руб., для КФК — 3 млн руб., создаваемых ими сельскохозяйственных кооперативов — до 10 млн руб., на реализацию этого мероприятия предполагается выделить более 6 млрд руб.

Предлагаются определенные меры по стимулированию создания заготовительных и снабженческих структур, развитию кредитной кооперации, а также производств по переработке сельскохозяйственной продукции, производимой ЛПХ и КФК. На развитие и финансовую поддержку системы сельской кредитной кооперации будут также направляться финансовые средства для формирования складочных капиталов кредитных кооперативов.

Однако следует отметить некоторую неподготовленность и страны в целом и отдельных ее регионов к этой работе. Имеет место непроработанность законодательства о кредитной кооперации. Кооперативы как организационно-правовую форму хозяйственной жизни на высоком законодательном уровне легализовал Гражданский кодекс РФ. Однако в Кодексе классификация представлена только двумя видами: производственным и потребительским. Деятельность кредитных и страховых сельскохозяйственных кооперативов по-прежнему не входит в правовое пространство, что, несомненно, является тормозом на пути развития в аграрном секторе страны как самой кооперативной системы, так и нормальных рыночных отношений. Гражданский кодекс не только ограничивает возможность выбора сельскохозяйственного кооператива двумя названными вариантами, но и относит к производственным и потребительским кооперативам не свойственные им и противоречащие мировой практике виды и принципы их организации и деятельности. Так, производственный кооператив является коммерческой организацией. Кроме того, документ предусматривает возможность участия в производственных кооперативах юридических лиц, а также субсидиарную ответственность членов по обязательствам кооператива. В данном случае не совсем понятно, как будет обеспечено трудовое участие граждан.

Потребительские кооперативы относятся к некоммерческим организациям и как таковые имеют льготный налоговый

режим. Их правовое положение определяется в соответствии с ГК РФ законами о потребительских кооперативах.

Понятие «кредитный кооператив» впервые употреблено в Федеральном Законе от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», где п. 1 ст. 4 гласит, что потребительские кооперативы являются некоммерческими организациями и в зависимости от вида их деятельности подразделяются на перерабатывающие, сбытовые (торговые), обслуживающие, снабженческие, садоводческие, огороднические, животноводческие, кредитные, страховые и иные кооперативы, созданные в соответствии с требованиями, предусмотренные пунктом 1 настоящей статьи для выполнения одного или нескольких из указанных в данной статье видов деятельности. Закон «О сельскохозяйственной кооперации» определяет, что кредитные кооперативы создаются для кредитования и сбережения денежных средств членов своих кооперативов. Наделив кредитные кооперативы правосубъектностью, закон вплоть до 2003 г. не регламентировал их кредитно-финансовую деятельность.

Не является достаточной правовой базой для развития сельской кредитной кооперации и принятый 7 августа 2003 г. Федеральный Закон № 117-ФЗ «О кредитных потребительских кооперативах», несмотря на то, что он разграничил нормы государственного регулирования и саморегулирования деятельности кредитных кооперативов, ввел ряд прямых норм и нормативов этой деятельности. Это прежде всего нормы на членство в кооперативе (число членов в кооперативе не должно быть менее 15 и более 2 тыс. чел.); норматив соотношения на выдачу займов для предпринимательских и потребительских целей из фонда финансовой взаимопомощи как 1:1 и т.д.

На наш взгляд, противоречивость и неполнота правовых норм стали в настоящее время одним из основных препятствий для развития сельской кредитной кооперации в РФ и в первую очередь в части осуществления сберегательной функции кредитными кооперативами. В связи с этим необходимо скорейшее принятие федерального закона о кредитной кооперации, в котором должно быть четко определено понятие кооператива, отличающее его от акционерных и других типов предприятий; функционально разграничены производственные и обслуживающие кооперативы, выработ-

тан перечень разрешенной деятельности для кооперативов, определены паевые отношения; выработаны особенности распространения на кооперативы антимонопольного и налогового законодательства.

Требует разработки и принятия закон о сельскохозяйственных кредитных кооперативах как организациях мелкого кредита фермерского производства и личных подсобных хозяйств граждан. На основе закона должен быть подготовлен ряд разъяснительных документов.

Другой не менее важной проблемой в осуществлении предлагаемых мероприятий по реализации приоритетных национальных проектов является отсутствие опыта работы с сельскохозяйственными кооперативами во многих регионах страны. Здесь важно не «рубить с плеча», а действовать осторожно и взвешенно, используя богатый отечественный и зарубежный опыт становления и развития сельхозкооперативов.

Серьезное препятствие в реализации предлагаемых мероприятий — отсутствие инфраструктуры управления разбросанными по всей территории страны объектами. Так, например, при подготовке плановых показателей реализации проекта многие регионы столкнулись с тем, что существующие в настоящее время формы государственного статистического наблюдения недостаточно отражают параметры деятельности малых форм хозяйствования, необходимые для мониторинга реализации приоритетного национального проекта. В связи с этим необходимо совершенствование инструментов государственной статистической отчетности о деятельности этих категорий хозяйств в целях достоверного отражения показателей реализации проекта.

Кредиты, предоставляемые малым формам хозяйствования, являются высоко рискованными из-за недостаточного залогового обеспечения. В этой ситуации было бы целесообразным на уровне субъектов РФ способствовать созданию и развитию региональных гарантийных фондов по кредитованию ЛПХ, КФК и создаваемых ими сельскохозяйственных потребительских кооперативов.

При реализации приоритетного национального проекта по селу следует, на наш взгляд, учитывать тот факт, что работать предстоит в сложных условиях кризиса сельского менталитета (безынициативности и безысходности) поскольку

долгие годы безответственного отношения к аграрному сектору, отсутствие ясной стратегии его развития ослабили деревню и серьезно подорвали доверие крестьян ко всем властным нововведениям и государству в целом.

Для успешной реализации проектов на региональном и муниципальном уровнях сегодня предстоит провести большую работу с крестьянами по разъяснению сути предлагаемых мероприятий, разработке плановых показателей, отбору тех сельхозпроизводителей, которые будут принимать непосредственное участие в их реализации, разработке бизнес-планов этих проектов. Эта работа уже проводится практически во всех субъектах РФ, в частности, в Мордовии разработан проект реализации приоритетного направления «Развитие АПК по Республике Мордовия на 2006—2007 гг.», в котором предусматривается обеспечить включение в программу через ОАО «Росагролизинг» 25 проектов по строительству молочных комплексов и 13 проектов по строительству свиноферм. При этом планируется привлечь ресурсы ОАО «Росагролизинг» в 2006 г. на строительство животноводческих помещений и приобретение оборудования на сумму 2 974 млн руб. В целях обеспечения сельхозпредприятий республики высокопродуктивным скотом планируется привлечь ресурсы в размере 434 млн руб., в том числе на приобретение КРС — 355 млн руб.

Предполагается осуществить субсидирование процентных ставок по инвестиционным кредитам, полученным в 2006—2007 гг. на срок до 8 лет на строительство и реконструкцию животноводческих помещений всего на сумму 1 108 млн руб., в том числе из республиканского бюджета — 508 млн руб. Также планируется осуществить субсидирование процентных ставок по кредитам коммерческих банков, полученным ЛПХ и КФК на развитие производства на сумму 456 млн руб., в том числе из бюджета РМ — 104 млн руб. Ведется работа по созданию сельскохозяйственных потребительских кооперативов. Планируется создать до 150 кооперативов, которые могут привлечь до 1 500 млн руб. кредитов коммерческих банков, соответственно субсидирование процентных ставок по этим кредитам должно составить 368 млн руб., в том числе из бюджета республики — 84 млн руб. Таким образом, общая сумма субсидий на возмещение процентных ставок по кредитам

коммерческих банков, полученным на развитие агропромышленного комплекса Республики Мордовия, в 2006—2007 гг. должна составить 1 932 млн руб., в том числе из республиканского бюджета — 696 млн руб. Результатом реализации проекта должно стать увеличение объемов производства молока на 39 %, мяса на 62 % (по России в целом — 5—7 %).

Плановые показатели, как видно, очень значительные и чтобы их достигнуть предстоит значительная работа на всех уровнях: региональном, муниципальном, отдельных сельхопроизводителей. В этой ситуации, на наш взгляд, необходима разработка целевой программы (концепции) развития сельскохозяйственной кооперации как неотъемлемой части правительственной аграрной политики, имея в виду создание адекватной потребностям развития кооперативных форм деятельности законодательной базы, мер финансовой поддержки и стимулирования кооперативных структур, формирование кооперативного образования и пропаганды, мероприятий институционального характера.

Кредитная политика — это далеко не единственное направление государственного регулирования развития аграрной сферы, чтобы ее реализация принесла ожидаемые положительные результаты необходимо применять все остальные регулирующие механизмы в комплексе. Целесообразно изменение ценовой политики (решение проблемы ценового диспаритета), более широкое использование таможенно-тарифного режима квотирования сельскохозяйственной продукции, а также налоговых мер, связанных с регулированием взимания различных налогов, в том числе налога на добавленную стоимость, финансовых мер (субсидий, компенсаций, различных схем рестуктуризации долгов, поддержку страхования). Необходимо оперативное решение проблем с оборотом земель сельскохозяйственного назначения и длительная работа по возвращению доверия крестьян к государству.

Поступила 19.04.2006.

М.В.МАЛАХОВСКАЯ *Э.Г.МАТЮГИНА* *Ю.В.КОСОВА*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Поддержание целостности национальной экономики является неотъемлемым условием эффективной реализации стратегии равномерного развития регионов, обеспечивающим системность использования ресурсов, повышение уровня благосостояния общества и т.д. Исследования национального хозяйственного пространства, охватывающие совокупность экономических отношений, направлены на выявление общих и специфических факторов, обеспечивающих жизнеспособность, адаптивные функции и устойчивость хозяйственных систем с учетом становления иерархии взаимодействия хо-

МАЛАХОВСКАЯ Марина Владимировна, профессор кафедры экономики и организации промышленности Томского государственного архитектурно-строительного университета, доктор экономических наук.

МАТЮГИНА Элеонора Григорьевна, доцент кафедры экономики и организации промышленности Томского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат экономических наук.

КОСОВА Юлия Владимировна, доцент кафедры экономики и организации промышленности Томского государственного архитектурно-строительного университета.

зяйствующих субъектов различного уровня. При этом необходимо отметить свойства ресурсной системы национального хозяйства, проявляющиеся на региональном уровне и отчасти обусловливающие тенденции социально-экономического развития территории. Во-первых, возможность одновременной добычи нескольких природных ресурсов, способствующая диверсификации хозяйственной структуры и инфраструктуры региона. Наличие в недрах Западной Сибири около половины всех потенциальных ресурсов России, свыше 2/3 разведанных запасов нефти и обеспечивающей до 70 % ее добычи предопределило хозяйственный профиль региона. Во-вторых, комплексное использование (прямое и косвенное) элементов окружающей природной среды, при дефицитности некоторых из них мотивирующее поиск субститутов и оказывающее отрицательное влияние на динамику развития региона при отсутствии последних (не исключена и разработка комплекса технических, организационных и других мер, способствующих разрешению проблемы). Так, интенсификация добычи природных ресурсов Западной Сибири привела к ухудшению состояния их запасов. Выработанность их в крупных месторождениях достигла 65—85 %; около 60 % всех разведанных запасов характеризуются снижающейся добычей. Практически прекратившееся воспроизводство минерально-сырьевой базы в результате резкого сокращения объемов и сворачивания ряда направлений геолого-разведочных работ — одна из отраслевых и региональных проблем (например, объем глубокого разведочного бурения уменьшился до уровня 60-х гг. XX в., что вызвало угрозу дальнейшего падения добычи нефти уже в ближайшие годы). Имеет место ослабление общей управляемости геолого-разведочными работами и систематическим геологическим изучением недр на перспективу, что требует становления соответствующих институтов природопользования в этой сфере. Например, в США политика обеспечения национального хозяйства природными ресурсами формируется специальным советом при президенте и правительственным советом по национальным ресурсам и окружающей среде при министерстве внутренних дел. Кроме того, есть комитет по глобальной и международной геологии, который координирует участие США в международной геологической и минерально-сырьевой

деятельности. Проведение геолого-разведочных работ осуществляется Геологической службой и Горным бюро, которым выделяются значительные ассигнования из федерального бюджета. Они же координируют работы, выполняемые частными компаниями[1] В-третьих, интенсификация вовлечения в хозяйственный оборот определенного вида природных ресурсов, исключая использование других, что предопределяет производственную специализацию территории. По мере исчерпания запасов это может привести к дополнительным затратам, связанным с трансформацией хозяйственного профиля региона, либо к деструктивным социально-экономическим последствиям. Так, в Китае экономическая реформа 80-х гг. XX в. интенсифицировала хаотические лесозаготовки, приведшие к сокращению площади лесопосадок на 2,5 млн га в год. Компенсация осуществлялась за счет искусственного насаждения лесов, в результате чего было высажено 15 млрд деревьев. Важную роль в оздоровлении лесоводства сыграла политика, проводимая государством, для чего за отдельными хозяйственными единицами (предприятиями, регионами) было закреплено право на пользование и распоряжение степями; установлены рациональные нормы выпаса скота и т.д.[2]

Наличие системности экономического ландшафта страны не вызывает сомнения, что подтверждает, в частности, история национальной экономики. В данном случае речь идет о динамической и, следовательно, открытой системности поддержания особенностей, специфики, требующих постоянных мер. При этом меры должны быть ориентированы не только на поддержание системных свойств элементов, в числе которых могут быть рассмотрены и ресурсные объекты, и региональный хозяйственный комплекс, но и на поддержание их диспозиции и связей как определенности характеристик и уровня тесноты в национальном хозяйстве. Так, вовлечение элементов окружающей природной среды в процесс производительного и непроизводительного потребления предполагает согласование интересов субъектов всех уровней хозяйствования в рамках действующих институциональных ограничений при ориентации их деятельности на поддержание условий воспроизводства общества[3]

Это обусловлено существованием разнообразных региональных природных комплексов, различно реагирующих на

одинаковые по характеру хозяйственные воздействия. В данном контексте небезынтересен опыт развитых стран, формирующих законодательный механизм регионального природопользования, включающий в себя нормы, исключающие некоторые регионы из процесса добычи природных ресурсов или существенно ограничивающие коммерческую деятельность; нормы, регламентирующие порядок распределения ресурсов в аспекте зонирования добычи и субъектов природопользования; нормы, определяющие процесс изъятия ресурсов; нормы, регулирующие переработку природных ресурсов и производства благ[4]

Не менее важное значение имеет дифференциация развития производственной инфраструктуры территорий. Так, в ресурсодобывающих регионах США преимущественно разрабатываются модели неформальных институтов посредством участия общественности. К основным инструментам относят непосредственное вовлечение местных жителей в процесс постановки задач, планирования мер и разработки решений; признание важности истории сообщества, включающей язык, культуру и накопленный опыт; использование неправительственных организаций и программ для стимулирования участия общественности; нахождение новых путей партнерства между сообществами, государственными органами и другими заинтересованными сторонами; осуществление информационных, образовательных и других программ взаимодействия с общественностью[5]

На поддержание условий воспроизводства общества влияет и наличие более или менее устойчивых хозяйственных связей, сформировавшихся в том числе под воздействием антропогенных факторов. Республика Татарстан активно участвует в реализации федеральной программы «Возрождение Волги» и целевой комплексной программы «Охрана и рациональное использование водных ресурсов Республики Татарстан», проводится эксперимент по реализации принципов Хартии земли. Средства федеральных программ преимущественно направлены на строительство установок по доочистке питьевой воды: строительство свыше 100 км водоводов для сельских населенных пунктов; ввод в эксплуатацию новых каптированных водозаборов в г.Бугульме, Лениногорске, Азнакаево, пгт. Арске, с.Черемшане, рп. Карабаш (Бугульминского района), поверхностного водозабора

из р.Волга в г.Тетюши; благоустройство более 2 270 родников[6].

Необходимо также иметь в виду отсутствие (в силу объективных причин) возможности спецификации прав собственности между территориями на ряд природных ресурсов. Так, государственные интересы сосредоточены на обеспечении непрерывного воспроизводства условий жизнедеятельности общества, в том числе на перспективу. Экологическая безопасность государства, принятая в качестве императива функционирования государства, может быть реализована отчасти в ущерб результатам текущего вовлечения лесных ресурсов в хозяйственный оборот. Регионы, как и предприятия, без соответствующих мотивационных институтов вряд ли заинтересованы в достижении подобных целей в ущерб получению дохода от текущей деятельности. Так, по данным 2002 г., правительством было принято решение об организации тушения значительных очагов лесных пожаров за счет средств местных бюджетов. В связи с тем что ряд регионов уклонились от его выполнения, национальной экономике был нанесен значительный ущерб. В 2002 г. имели место 37,5 тыс. пожаров (в 1,8 раза больше, чем в 2001 г.); огнем пройдено 1,3 млн га земель, причем около 93 % пришлось на Дальневосточный и Сибирский федеральные округа. Для лесов Красноярского края актуальна проблема лесных пожаров, но охрана лесов от них осуществляется авиапатрулированием с охватом только 40 % территории лесного фонда. Решение проблем лесовосстановления связано с большими трудностями, так как средняя площадь лесного хозяйства в крае составляет 2,6 млн га, что в 17 раз превышает среднюю площадь лесных хозяйств таежной зоны европейской части стран[7]

Нельзя не сказать о различных видах собственности на объекты окружающей природной среды и т.д. В Ханты-Мансийском автономном округе практикуется организация международных и внутренних конкурсов и аукционов на право доступа к недрам, отрабатывается система согласования интересов при освоении минеральных ресурсов. Администрация и Дума округа сформировали институциональную основу урегулирования интересов недропользователей и малочисленных народов Севера. Представители последних участвуют в процессе выдачи лицензий на право

Заказ № 2806

разведки и освоения месторождений полезных ископаемых. Разработана и введена система согласительных экономических соотношений недропользователей и владельцев родовых угодий. С владельцами заключается соглашение, в котором предусматриваются обязательства предприятия, в том числе по возмещению убытков и компенсационным выплатам за изъятие земель. Представители владельцев включаются в состав комиссий по оценке результатов конкурсов и аукционов, подготовке соглашений о разделе продукции, предусматривающих согласование схем разведки, обустройства и разработки участков недр, сохранение заповедных, священных и культовых мест, порядок и размеры компенсационных платежей владельцам родовых угодий и др.[8]

Рассмотрение региона как самостоятельно функционирующей хозяйственной системы, входящей в формацию более высокого порядка, позволяет провести его структуризацию по направлению соотношения совокупности внешних относительно хозяйственной системы факторов и внутренних (присущих региональному хозяйству) тенденций развития национального пространства в целом. Регион, с одной стороны, выполняет определенные задачи в рамках национальной экономики, используя комплекс свойственных территории локальных природно-географических условий, и обеспечивает при этом реализацию общенациональных стратегий. Так, компания «Лейквуд пабликейшнз» (США) осуществила посадку 15 тыс. деревьев в штате Миннесота с целью восполнения запасов леса, затраченных на издание печатной продукции. По программе Американской ассоциации лесного хозяйства под названием «Восстановление зелени во всем мире» планируется вырастить 100 млн новых деревьев[9]

С другой стороны, эволюция региона зависит от эффективности организации собственного производства. Результативность функционирования хозяйственного комплекса региона, в свою очередь, предопределяет статус территории[10] Это характеризуется возникновением проблем определения перспектив развития старых промышленных зон, характерными чертами которых являются наличие различных источников загрязнения окружающей природной среды,

нахождение промышленных объектов вблизи жилой застройки; слабость или отсутствие механизмов экологического контроля и принуждения; старение инфраструктуры; высокий уровень социального отчуждения и пассивности. За рубежом институциональная основа возрождения старых промышленных зон базируется на разработке федеральных программ конверсии военных объектов, развития инфраструктуры с одновременной координацией с программами создания рабочих мест и переквалификации, охраны окружающей среды в регионе со стратегией охраны здоровья; интеграции одновременной деятельности региона по минимизации техногенного давления и восстановлению окружающей природной среды; реализации программ энергосбережения и развития экологического сегмента и т.д.[11]

Эти процессы приводят к формированию системы ориентиров деятельности региона, которые возможно классифицировать по признаку уровня хозяйствования. Общенациональные (государственные), проявляющиеся в выборе специализации производства территорий, основанного на использовании ограниченных природных ресурсов, оптимизации межрегиональных взаимодействий и имеющие конечной целью обеспечение безопасности государства, включая экологическую. Собственно региональные, акцентированные на разрешении внутренних проблем функционирования хозяйственной системы и направленные на поддержание условий жизнедеятельности, в том числе посредством участия государства в реализации территориальных программ и т.д. Отраслевые (компании), организующие процесс вовлечения природных ресурсов в хозяйственный оборот с позиций экономической рациональности в рамках существующих специфических ограничений хозяйствования, стереотипов поведения субъектов и т.д. Отраслевая специализация выступает в роли своеобразного каркаса, объединяющего регионы в единую систему посредством кооперации производства и потребления благ, предоставляемых окружающей природной средой. Однако при этом имеет место декомпозиция региональных и отраслевых интересов, поскольку первые выражают потребность в финансировании развития коммунальной функции территории (обеспечение определенных социальных и инфраструктурных стандар-

тов), а вторые концентрируются на интенсификации производства благ.

Очевидны внутрисистемные противоречия, связанные с самостоятельностью и относительной обособленностью хозяйствующих субъектов, участвующих во взаимодействии. Однако опыт хозяйствования дает примеры согласования конфликтных интересов для достижения стратегически выгодных всем участникам целей. Так, в ресурсодобывающих регионах США преимущественно разрабатываются модели неформальных институтов посредством участия общественности[12].

В силу открытости хозяйственной системы, многофакторности воздействия на нее извне и изнутри хозяйственного пространства, обусловленной наслоенностью (мультисистемностью) хозяйственного ландшафта, непрерывным потоком возникают основания для большего или меньшего изменения сложившейся картины. Кроме того, меняется диспозиция известных уже факторов системности, инициирующая адаптацию существующей институциональной структуры. Региональные институты природопользования функционируют наряду с федеральными, дополняя их в части учета объективных условий развития региона. Локальный характер задач природопользования требует создания соответствующего уровня управления этими процессами. Ведущим инструментом регулирования выступает нормативно-правовая база, основные положения которой сформированы на национальном уровне, а адаптация к конкретным условиям хозяйствования происходит на региональном[13] Обеспечение устойчивости экологических систем, сохранение видового многообразия, поддержание определенного качества среды обитания предполагают наличие объективной информационной базы о состоянии окружающей природной среды и антропогенных нагрузок на нее, содержащейся в территориальных кадастрах природных ресурсов и обеспечиваемой комплексным экологическим мониторингом региона, удовлетворяющим потребность в информации субъектов всех уровней хозяйствования.

К специфическим формам национальных экономических институтов природопользования можно отнести реализацию государственных целевых программ социально-эконо-

мического развития регионов; участие государства в инвестиционных проектах территорий на конкурсной и контрактной основах; поддержка наукоемких производств, развитие экологически безопасных технологий, содействие активизации международных экологических связей и т.д. Становление рыночных институтов природопользования, основанное на спецификации прав собственности на объекты окружающей природной среды, позволяет ввести понятие «сохранение экологической жизнеспособности территорий» в качестве специфичной товарной формы[14] Выбор институциональной структуры природопользования в значительной мере зависит от типа региона, его характеристик. Так, в Свердловской области внимание законодательной и исполнительной властей сосредоточено на разграничении полномочий между Российской Федерацией и областью в отношении объектов собственности на недра и соответствующего распределения средств на воспроизводство минерально-сырьевой базы с тем, чтобы на месте решать вопросы финансирования геолого-разведочных работ. Разработаны адаптированные к местным условиям методические положения по лицензированию месторождений полезных ископаемых и по платежам на воспроизводство минеральных ресурсов. В Татарстане с целью улучшения экологической обстановки в республике и сокращения задолженности платежей природопользователей была разработана и внедрена система реструктуризации задолженности, проводимая за счет реализации природоохранных мероприятий.

Проблема трансформации институциональной структуры природопользования регионов не является сугубо российской, она характерна многим регионам мира и на данный момент практикуется несколько вариантов действий. Создаются институциональные основы развития малых и средних предприятий, способствующие созданию дополнительных рабочих мест, компенсирующие сворачивание крупного производства посредством предпринимательской культуры самозанятости. Формируются экономические институты привлечения в регион филиалов крупных, а по возможности и транснациональных компаний, в том числе на основании информирования о привлекательном имидже тер-

риторий, ориентированные в первую очередь не на использование, а на сохранение объектов окружающей природной среды региона. Осуществляется переход на «экономику обслуживания» (туризм, рекреационная сфера, развлечения и т.п.). Происходит отказ от развития производственной сферы, и территория трансформируется в зону «жилья и потребления», где основным источником существования являются государственные пособия и субсидии[15].

Следует признать за мезоэкономикой функцию трансформации экономической стратегии (в частности в сфере эколого-экономических отношений) государства в плоскость принятия решений хозяйствующими субъектами посредством управления контекстом экономических взаимодействий. Использование же косвенных факторов хозяйственного развития (налоговые льготы, инвестиционные преференции и др.) способно управлять движением хозяйственного комплекса региона.

Таким образом, задача сохранения макрохозяйственной целостности обусловливает необходимость реализации системы специальных мер, выравнивающих постоянно возникающую в процессе хозяйствования внесистемность. Специфика поддержания целостности среды обитания состоит в том, что это неделимое экологическое пространство не только национальной, но и мирохозяйственной системы (эта связанность выступает дополнительным аргументом глобализации хозяйства и, следовательно, универсализации институциональных принципов его функционирования). Особого внимания заслуживают характеристики ожидаемой (достигаемой) системности, а также субъекты-участники, реализующие собственные цели и определяющие своим хозяйственным и политическим поведением условия реализации региональной и национальной политики, природопользования в частности. При этом целостность хозяйственной системы как важнейшей ее поддерживаемой качественной характеристики требует, чтобы меры, принимаемые для обеспечения этой целостности, были всякий раз адаптированы к типу (качеству и величине) внесистемности, потребовавшей коррекции, и особенностям функционирования корректируемого объекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Мирлин Г., Попов В., Сафонов Ю., Федорчук В.* Проблемы минерально-сырьевого комплекса России // Экономист. 1994. № 9. С. 64—69.

[2] См.: *Курбатов В.* Опыт решения экологических проблем в Китае // Рос. экон. журн. 1996. № 7. С. 103.

[3] См.: *Яковлев А.Е.* Корпорация региональной политики в сфере природопользования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2003. № 2. С. 85.

[4] См.: *Вылегжанин А.Н.* Управление природными ресурсами в России: к учету международно-правового и иностранного законодательного опыта // Государство и право. 2000. № 1. С. 69.

[5] См.: *Абалкина И.Л., Соколов В.И.* Экология и экономика: пути оптимизации // США: экономика, политика, идеология. 2000. № 11. С. 122—123.

[6] См.: *Щеповских А.И., Петров Б.Г., Газеев Н.Х.* Состояние и задачи экономического обеспечения природоохранной деятельности в Республике Татарстан // Экономика природопользования. 2001. № 4. С. 69.

[7] См.: *Непомнящая Н.В.* Проблема охраны водного бассейна в Красноярском крае // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика 1993. № 2. С. 43—45; *Тепляков В.К.* Экологические проблемы лесов России: закон и люди // Проблемы охраны окружающей природной среды и природных ресурсов. Обзорная информация. М., 2003. № 6. С. 43; *Нефедьев В.В.* Роль субъектов Российской Федерации в совершенствовании рационального лесопользования // Там же. 2003. № 2. С. 74.

[8] См.: *Татаркин А., Козаков Е., Беляев В.* Социально-экономический механизм рационального недропользования: федеральный и региональный уровни // Рос. экон. журн. 1999. № 11/12. С. 52.

[9] См.: *Прокоп М.* Экономика и охрана окружающей среды // США: экономика, политика, идеология. 1997. № 2. С. 122.

[10] См.: *Минакир П.* Государственная региональная политика на современном этапе // Общество и экономика. 2003. № 6. С. 233.

[11] См.: *Абалкина И.Л., Соколов В.И.* Экология и экономика: пути оптимизации // США: Экономика, политика, идеология. 2000. № 11. С. 111—112.

[12] Там же. С. 122—123.

[13] См.: *Калиниченко Т.Г.* Управление охраной окружающей среды и природных ресурсов регионов // Государство и право. 1997. № 5. С 76—77.

[14] См.: *Захаринский Ю.Н.* О повышении эффективности природоохранной деятельности на региональном уровне // Экономика природопользования. Обзорная информация. М. 2004. № 4. С. 37—39.

[15] Там же.

Поступила 13.01.2006.

Н.В.НИКИТЕНКО

СТРАТЕГИИ РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Повышение уровня образования способствует улучшению общего уровня жизни, поэтому инновационные процессы в системе образования считаются наиболее эффективным путем и средством развития образования. Инновационные стратегии на рынке образовательных услуг решают не только педагогические, но и социальные проблемы. Значимость социального института образования переоценить трудно — это общественная структура, через которую проходит все население страны в течение как минимум десятилетия. То, какие установки, программы, компетентность и квалификация будут освоены людьми в это время, во многом и определяет судьбу обществ и государств. В силу этих причин в развитых странах образование — обязательная часть геополитических и геоэкономических государственных доктрин.

В этом смысле волна демократических преобразований конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. была вполне глобальной по замыслу и последствиям. Ее апогеем стал принятый в 1992 г. Закон «Об Образовании», считающийся одним из самых либеральных в мире. Он дал право на существование разных форм учебных заведений, в результате чего появились колледжи, гимназии, лицеи, учебно-научно-производственные комплексы; издано множество учебников и учебных программ; возник экстернат; появились новые типы учредителей и негосударственные образовательные учреждения, чаще называемые частными.

В конце 90-х гг. началось экономическое реформирование отрасли, которое еще не закончено. В целях финансовой рационализации образования стал реализовываться принцип «деньги ходят за учеником», на него были направлены новые финансовые механизмы: нормативное подуше-

---

НИКИТЕНКО Нина Васильевна, соискатель кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета.

вое финансирование учеников и государственные именные финансовые обязательства. Другой пункт образовательной волны конца 90-х гг. — борьба с коррупцией. Для этого был разработан единый государственный экзамен.

Сегодня начинается третья волна образовательных реформ, которая в первую очередь коснется организационно-правового пространства образования, но не затронет самой его сути.

Инновационные изменения сферы образования привели к возникновению образовательных учреждений нового типа, дифференциации, профилизации и индивидуализации образовательных структур. Новая парадигма образования, основанная на индивидуализации и дифференциации, вариативности и альтернативности в настоящее время реализуется практически. Требование вариативности предполагает возможность выбора из широкого спектра образовательных возможностей той, которая в наибольшей степени соответствует интересам человека, его индивидуальности.

Применительно к образованию инновационными считаются подходы, преобразующие характер обучения в отношении его сущностных и инструментально-значимых свойств[1] Инновация — идея, метод, объект, воспринимаемые в качестве новых, соответствующих предмету освоения[2] Инновация распространяется посредством определенных коммуникационных каналов во времени среди членов некоторой социальной системы.

С момента легитимации новых образовательных форм в российском обществе прошло уже более десяти лет. Однако процесс реформирования до сих пор продолжается. К настоящему времени существуют образовательные учреждения, отличающиеся организационно-правовыми формами деятельности, источниками финансирования, функциональными, а значит и целевыми установками, содержанием, формами получения образования.

Новые модели образовательных учреждений в контексте личностно-ориентированной парадигмы образования при существующем многообразии обязаны обеспечивать образовательный стандарт. Для осознанного и аргументированного выбора учебного заведения того или иного типа необходимо ясное представление о том, чем они отличаются друг от

друга. В рамках системы образования присутствуют горизонтальная и вертикальная вариативность. Если на горизонтальном уровне стандартизация соответствует выбору типа учебного заведения, то на вертикальном — дело обстоит несколько сложнее. Речь идет не столько об индивидуальном выборе, сколько о социально обусловленной преемственности учебных заведений разного уровня. Этот подход, предполагающий диверсификацию, обеспечение перехода к образованию по выбору, должен опираться на синхронизацию соответствующих уровней образования.

Инновационные стратегии на рынке образовательных услуг тесно связаны с моделями общеобразовательных учреждений, разработкой социокультурных критериев их деятельности и оформлением общеобразовательных учреждений, адекватных региональным условиям.

Анализ управленческого опыта, научной литературы, педагогической периодики позволяет выделить три подхода к анализу инновационных стратегий на рынке образовательных услуг. Первый подход, развиваемый с учетом практической деятельности, характеризует попытку создания новых типов общеобразовательных учреждений на основе обобщения местного (регионального, городского) педагогического опыта и с учетом этнических и экологических особенностей территорий. Здесь выделяются существенные признаки сложившихся форм и типов школ, и на их основе осуществляется классификация образовательных учреждений, отвечающая конкретным условиям местности. Второе направление анализа посвящено изучению модернизации ранее существовавших типов школ в условиях России конца XX — начала XXI вв. Третье — описывает процессы создания объединенных комплексных структур образовательных модулей разного уровня.

Однако ни один из указанных способов не в состоянии охватить все многообразие внешних и внутренних факторов, определяющих специфику территории и образовательных учреждений, не дает возможность определить взаимозависимость между условиями конкретного региона и внутренними особенностями функционирования школ, имеющихся на этих территориях[3] Современная социокультурная ситуация ставит общество перед необходимостью

преодоления объективного противоречия между желанием учредителя (государственных структур, юридических и частных лиц, общественных организаций) иметь определенный тип образовательного учреждения, социокультурными возможностями региона, правовыми условиями Российской Федерации и отсутствием механизмов их реализации.

В этой ситуации есть два основных типа учебных заведений, различающихся формой собственности: государственные и частные. Негосударственные образовательные учреждения, или частные школы, находятся вне споров по поводу модернизации образования. В частных школах России не учатся дети элиты, олигархов. Однако в них остро нуждаются представители среднего класса, которые хотят быть уверенными, что их дети имеют хороший шанс поступить в престижный вуз.

Инновационная направленность образовательного учреждения предполагает осуществление комплексной научной, учебно-экспериментальной деятельности. Масштаб экспериментальной деятельности определяет характер соответствующей инновационной стратегии на рынке образовательных услуг. В зависимости от масштаба экспериментальной деятельности мы выделяем в образовательных учреждениях три основных инновационных стратегии: инновационную стратегию локальных изменений, инновационную стратегию модульных изменений, инновационную стратегию системных изменений.

Инновационная стратегия локальных изменений предполагает введение отдельных инноваций в работу учреждения, повышение эффективности отдельных участков его деятельности (например, применение ролевых игр в обучении). Согласно позиции М.Фуко, история любой идеи, а значит возможности инновационного развития, до настоящего времени знает лишь два метода. Метод аналогии (эстетический), которой следуют пути распространения во времени (генезис, родство, сходство, влияние) или по поверхности исторически определенного пространства (дух эпохи, ее основные категории, социокультурная организация). Другой метод — психологический. Это путь отрицания содержания, с помощью которого устанавливается и развивается нечто вроде «психоанализа» идей, конечная

точка которого абсолютно правомерно обратима (ядро ядра всегда есть своя противоположность)[4]

Стратегия локальных изменений отличается от других типов инноваций тем, что ориентируется на определенный аспект жизнедеятельности и развития образовательного учреждения. В ней реализуется совокупность идей и замыслов, отличающихся высоким уровнем конкретной проработки, имеющих технические и финансовые параметры, график исполнения, финансовое обоснование. До последнего времени они преимущественно были связаны с созданием и продвижением новых видов образовательных услуг. Стратегия локальных изменений обычно определяет развитие одного из важных аспектов жизни образовательного учреждения. Это могут быть программы по совершенствованию обучающих технологий, организации контроля качества, учета движения ресурсов.

Стратегия модульных изменений предполагает внедрение определенных комплексов нововведений (например, введение нового предмета или специальности, повышение качества преподавания отдельных предметов, комплексное методическое обеспечение производственного обучения). Эта стратегия включает в себя комплекс мероприятий, предполагающих развитие организации: производство новых товаров и услуг, выход на новые потребительские рынки, завоевание конкурентного превосходства, поэтому стратегия модульных изменений создается чаще образовательными учреждениями, обладающими достаточно высоким экономическим потенциалом. Во многих случаях образовательные учреждения довольствуются оборонительными стратегическими планами, нацеленными на удержание своих позиций на рынке образовательных услуг.

В то время как инициаторами стратегии модульных изменений являются сами работники образовательных учреждений, как правило, стратегию системных изменений инициируют заинтересованные ведомства. Это полная реконструкция образовательного учреждения, требующая пересмотра всей его деятельности, взаимосвязи всех участков работы (преобразование школы в гимназию, профессионально-технического училища в технический лицей, техникума в колледж).

Говоря о стратегии системных изменений в образовании, стоит отметить, что качественный пересмотр осуществляется на более высоком уровне. Речь идет о том, что изменения происходят на макроуровне, поскольку пересматривается практически вся национальная образовательная доктрина. Последние пятнадцать лет дискуссии о том, каким быть образованию не прекращались. Особенностью сегодняшнего момента является то, что между реформаторами и теми, кому предстоит стать субъектом реформирования, находится информационный вакуум, а серьезная социальная коммуникация отсутствует. Полемика затрагивает экспертов, но обходит стороной реформируемых. В средствах массовой информации практически отсутствует позиция тех, кого непосредственно затронут инновационные стратегии.

Если обратиться к истории советской системы образования, то становится понятным, что глобальные изменения произошли в конце 80-х гг., когда система образования потеряла прежнюю устойчивость, сменив базис плановой экономики на траектории выживания. Это время характеризуется не только финансовыми катаклизмами, но и изменениями в количестве и качестве иных педагогических ресурсов, прежде всего, человеческого капитала. В образовании меняется качество интеллектуальных, кадровых, организационных ресурсов.

Изменения качества ресурсов сопровождались размытыми предпочтениями, якобы отражавшими в тот период социальный заказ. Недофинансирование, смена социальных приоритетов, ценностей также способствовали тому, что государство уделяло внимание этому социальному институту по остаточному принципу. Принятый в 1992 г. новый Закон «Об образовании» имел ряд расхождений с Конституцией РФ. Постоянно шла дискуссия о том, что же происходит — модернизация или реформирование сферы? Практика показала, что спор о терминологии (реформирование или модернизация) никак не повлиял за эти годы на практическую суть процессов. На наш взгляд, он остается нерезультативным. Количество теоретизирований по этому поводу не перешло в качество.

Стратегия системных изменений предполагает видение, миссию, общие цели, определяющие место образовательно-

го учреждения в будущем, стратегии действий, политику организации. В эту стратегию входят глобальные программы развития образовательного учреждения. Она является ориентиром для принятия решений на низовых уровнях. Общие цели образовательного учреждения, определенные в стратегии системных изменений, конкретизируются в цели текущей деятельности (задачи). Кроме того, эта стратегия является ограничителем для стратегий более низкого уровня, поскольку ограничивает число ресурсов, необходимых для решения оперативного планирования.

Большинство действующих образовательных учреждений находятся в государственной собственности. Уровень инновационности тесно связан с возможностями финансирования. Экономическая и социальная ситуация, в которой функционируют российские образовательные учреждения, часто не позволяет им использовать мировые разработки при составлении плана развития. В настоящее время ощущается острая необходимость их адаптации к реальным хозяйственным, социальным, правовым условиям нашей страны.

Стоит отметить, что большинство государственных школ традиционно выживают лишь на скудные средства, выделяемые им из федерального и регионального бюджетов программ по развитию образования. Начало 2006 г. лишь осложнило ситуацию с финансированием государственных учреждений, хотя Федеральный Закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дает старт его реформе, но его реализация в сложившихся условиях, на наш взгляд, столкнется с трудностями. Безусловно, в него заложены здравые идеи. Никто не откажется от того, чтобы местную власть, например, поселка, не назначали «сверху», а избирали всем миром. Она становится подотчетна и подконтрольна населению, но дальше начинается неопределенность.

Сегодня глава сельской администрации контролирует на своей территории работу всей системы образования. Это, как правило, одна или несколько средних школ, детские сады. В его ведении больница или амбулатория, фельдшерско-акушерский пункт, дом культуры, спортивные залы,

жилищно-коммунальное хозяйство. В такой ситуации начинается реформа, предусматривающая создание двух уровней местного самоуправления, абсолютно независимых друг от друга. Первый — городские, сельские, поселковые администрации; второй — район, при этом образование уходит на второй уровень. Директор школы уже не подчиняется сельской администрации. Таким образом, с 2006 г. ситуация в государственном секторе образования еще более неопределенна.

Следовательно, система государственного образования вынуждена руководствоваться плановыми средствами в рыночных условиях. Кстати, российское законодательство до сих пор не закрепляет обязательности разработки бизнес-плана. Для большинства российских школ это абсолютно незнакомый документ. Сегодня распространена позиция, согласно которой отрицается целесообразность разработки бизнес-плана для государственных образовательных учреждений. Данная позиция предполагает в качестве альтернативы краткое технико-экономическое обоснование. Предполагается, что отсутствие проработанного бизнес-плана компенсируется знанием специфики школьной работы, учебного процесса и интуицией.

В современных условиях такая позиция становится тормозом развития всей системы, в частности, реализации стратегии системных изменений, поскольку невозможно предоставление инвестиций под какие-либо проекты. Не развивая рынок инвестиций, нельзя развивать и систему. К сожалению, российская специфика образовательной системы усложняет процедуру учета труднопредсказуемых факторов.

К числу таковых можно отнести принятие законов, ведущих, например, к следующей волне передела собственности. Образовательные учреждения, так же как и другие низкоприбыльные предприятия, рискуют подвергнуться процедуре банкротства, если вышестоящее руководство решит приобрести занимаемое образовательным учреждением помещение в частную собственность. К этой деятельности, осуществляемой в течение длительного времени, привлекаются лица, способные влиять на ход приватизационных событий. Результатом станет закрытие «неприбыль-

ного» учреждения. Официальным мотивом, по которому прекращается деятельность учреждения, может стать «низкое» качество образования, «нерентабельность». К трудно предсказуемым факторам можно отнести и уровни инфляции, недостаточность информации, экономические, административные и правовые воздействия.

Существуют ограничения применения стратегии системных изменений. Во-первых, это недостаток знаний, т.е. ситуации, в которых знания участников реализации стратегии не удовлетворяют профессиональным требованиям. Причина в том, что в начале 1990-х гг. в образование перестали поступать необходимые интеллектуальные кадровые и организационные ресурсы. Все вместе — резкое падение ресурсообеспечения с исчезновением внешнего заказа — привело к отставанию образования от других социально-экономических институтов страны на 15—20 лет.

Таким образом, вторым ограничением является недостаточность ресурсообеспечения, дополнительных усилий и расходов для разработки и реализации стратегии системных изменений. Кроме того, значение системного, комплексного планирования не осознается достаточно полно. Часто не оправданно много времени тратится на осознание того, что подготовительный этап, (разработка самой стратегии) должен стать одной из важных задач.

Указанные причины и факторы не являются исчерпывающими, но помогают объяснить, почему стратегия системных изменений недостаточно развивалась в последнее время.

Сегодня инновационной системной стратегией становится формирование в системе отечественного образования частного сектора, который был инициирован в центральных районах страны, а сейчас начинает развиваться и в других регионах. В регионах общественное мнение все еще склонно рассматривать образование не как услугу, а как всеобщее благо. Однако именно 2005 г., по нашему мнению, является переломным в этом процессе, так как в этом году приняты Федеральные законы № 122 и 131, изменившие не только принятую систему льгот в ряде бюджетных отраслей, но и способствующие изменению Налогового и Бюджетного Кодексов, меняющие отношение к частной собственности, ее

правовому оформлению. Впервые образование начинает рассматриваться как среда бизнеса.

Система образования, будучи одной из базисных инфраструктур общества, вместе с обществом вошла в мировой системный кризис. Все мировое образование ищет пути его преодоления. Основной функцией образования по-прежнему остается удовлетворение соответствующих запросов общества, база которого — экономика знаний. Но как образованию соответствовать этому постиндустриальному контуру? Понятно только, что существовать в рамках индустриальной направленности больше нельзя.

Основными проблемами, решение которых запланировано в программе развития России на последующие пять лет, являются закрытость образования, его непродуктивность, растущий разрыв между образовательной сферой и потребностями новой экономики, «закостенелость» управленческой системы.

Закрытость системы образования проявляется в том, что она не реагирует на запросы рынка труда, т.е. в настоящее время выпускники школ, как правило, руководствуются имиджевыми представлениями о престижности той или иной специальности, не имея доступа к достоверной информации. Выпускники зарубежного вуза могут еще в момент поступления в высшее учебное заведение получить необходимую информацию об уровне востребованности профессии в карьерном центре или бирже труда.

С другой стороны, образование закрыто от общественного воздействия. Еще только набирают силу общественные механизмы, способные влиять на школы. Однако в вузах они играют номинальную роль, не оказывая никакого практического воздействия на деятельность учебного заведения. В то же время к обеспечению безопасности высших учебных заведений противодействия терроризму все чаще привлекаются представители силовых структур и ведомств, на деле выполняющие фискальные функции.

Образование сегодня в определенной мере закрыто и от государства. Так, результаты единого государственного экзамена принимаются не во всех высших учебных заведениях страны. Уже не первый год идут дискуссии по этому

поводу. Непродуктивность и закрытость — следствия отсутствия институциальных механизмов, обеспечивающих связь уровня образования и благосостояния человека, а равно и образованности, благосостояния общества в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Кларин М.В.* Инновации в обучении: метафоры и модели: анализ зарубежного опыта. М., 1987. С. 223.

[2] См.: *Roders E.M.* Diffusion of innovations, 3rd Edition. New York, 1983.

[3] См.: *Лихачева Т.Л.* Социокультурное проектирование моделей образовательных учреждений в условиях переходного периода: Дис. на соиск. уч. степени канд. социол. наук. М., 1997. С. 4.

[4] См.: *Фуко М.* Рождение клиники. М., 1998. С. 19.

Поступила 27.02.2006.

О.И.КЛЮЧКО

ГЕНДЕРНЫЕ И ТОЛЕРАНТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА РЕГИОНА[1]

В последние годы тематика научных исследований, связанная с социальным и культурным осмыслением гендера в системе научного знания, приобретает все большее распространение и популярность. Гендерному анализу подвергнуты такие институты социализации, как экономика, политика, право, семья, СМИ и др. Результатом анализа стало выявление гендерной асимметрии социализации в нашей стране[2] Многие ученые указывают на региональные особенности гендерной социализации, возникающие под влиянием этнических, профессиональных, религиозных, экономических и других факторов[3] По данным И.С.Клециной, Л.В.Поповой, Л.В.Штылевой, Е.Ф.Ярской-Смирновой, образование как социальный институт также является одним из важнейших факторов социализации, поддерживающих гендерную поляризацию и иерархию в постсоветской России, препятствуя достижению гендерного равенства[4]

Гендерное равенство — один из ведущих показателей развития гражданского общества. Его достижение требует комплексного подхода и преобразований всех сфер жизни общества[5] Для снижения гендерной асимметрии необходимо соответствующее просвещение[6], цель которого, по нашему мнению, — формирование гендерной толерантности: терпимого, лояльного отношения к чувствам, мыслям, поведению, выходящих за рамки традиционных стереотипов у различных категорий граждан и прежде всего у основных участников образовательного процесса (педагогов, родите-

КЛЮЧКО Ольга Ивановна, докторант кафедры философии для естественно-научных факультетов Мордовского государственного университета.

лей, школьников, студентов вуза). Развитие гендерной толерантности требует учета региональных особенностей системы образования, которая в Республике Мордовия имеет полиэтнический характер.

Нами были исследованы образовательные учреждения республики (общеобразовательные школы, колледжи, Мордовский государственный педагогический институт). В опросе приняли участие 434 чел., из них 157 студентов различных факультетов педагогического института, 52 учащихся колледжа, 98 учащихся (среди них 50 старшеклассников и 48 подростков), 62 педагога, 65 родителей учащихся общеобразовательных школ.

Методологической основой исследования стали теории социальной конструкции гендера[7], гендерной системы[8] и гендерной схемы[9] В ходе проведения эксперимента был использован ряд методик: опросник «Идеальная женщина / идеальный мужчина» О.Л.Кустовой для изучения гендерной идентичности; опросник «Я — женщина / мужчина» Л.Н.Ожиговой для изучения уровня соответствия гендерным стереотипам; опросник С.Бем (стандартный и модифицированный варианты) для изучения гендерных стереотипов, опросник Е.В.Юрковой и И.С.Клециной для изучения гендерных установок[10] Для обработки данных использовался метод математической статистики U-критерий Манна-Уитни[11]

Результаты исследования показали, что гендерные характеристики личности весьма устойчивы и формируются в течение подросткового и юношеского возрастов. Было зафиксировано увеличение гендерно-стереотипных характеристик с возрастом испытуемых. У старшеклассников уровень гендерных стереотипов выше, чем у подростков, у студентов колледжа и вуза выше, чем у школьников, у родителей и педагогов старше 40 лет выше чем у тридцатилетних родителей и педагогов. Уровень гендерной стереотипии высокий у всех субъектов образовательного процесса (школьников, родителей, педагогов, студентов), но ее наивысшие показатели имеют родители и педагоги старше 40 лет. Основными факторами усиления асимметрии гендерных характеристик личности с возрастом, с нашей точки зрения, являются гендерно-стереотипизированные в превалирующем большинстве случаев межличностные отношения (прежде всего в семье), трансляция СМИ стереотипных

образов мужчин и женщин, феминизация образования, гендерная дифференциация профессиональной сферы. Таким образом, можно сделать вывод, что влияние общества способствует развитию гендерной стереотипии.

Обнаружена тесная связь между выраженностью гендерных стереотипов и профессиональной направленностью у студентов вузов и колледжей, т.е. студенты-девушки с высоким уровнем гендерной стереотипии предпочитают гуманитарные специальности, а студенты-юноши — технические[12] Выявлено, что гендерные стереотипы всех субъектов образовательного процесса в сельской местности выражены значительно больше, чем в городе. Наиболее выраженными гендерные стереотипы и установки оказались у представителей татарской национальности (по сравнению с представителями русской и мордовской), живущих как в городской, так и сельской местности.

Не было выявлено существенных различий в описании испытуемыми разных групп феминных или маскулинных качеств, поэтому по результатам исследования можно составить обобщенные портреты «идеальной женщины» и «идеального мужчины», определить качества, которыми они должны обладать. Типичными чертами «идеальной женщины» являются нежность, сострадание, способность помочь, привлекательность. Типично мужскими качествами названы сила, способность к лидерству, склонность к риску, аналитичность, независимость. Таким образом, все испытуемые независимо от группы признают дифференциацию качеств личности в характеристиках мужчин и женщин, что также свидетельствует о высоком уровне гендерной стереотипии[13]

Однако в описании «идеальной женщины» достаточно часто (в 30 % случаев) встречались такие гендерно-нейтральные и нетипичные характеристики, как надежность, искренность, способность помочь, собственная позиция, умение дружить, индивидуализм. В описании портрета «идеального мужчины» нетипичных гендерных характеристик не встречалось. По нашему мнению, это свидетельствует о постепенном изменении представлений о роли, статусе, качествах современных женщин, в то время как представления о «мужских» свойствах остаются практически неизменными. Маскулинные стереотипы характеризуются большей жесткостью и консервативностью как с точки зрения

мужчин, так и с точки зрения женщин, что является конфликтогеннным фактором. Данный факт отмечается во многих исследованиях[14]

Обнаружено, что содержание различных гендерных характеристик всех участников образовательного процесса (учащихся, студентов, педагогов, родителей) не совпадает. Большинство испытуемых демонстрирует высокий уровень гендерной стереотипии, однако описывает собственную идентичность скорее как андрогинную, а не феминную или маскулинную. Таким образом, учащиеся, студенты, педагоги, родители предъявляют к себе менее стереотипные требования, чем к окружающим, и опираются в межличностном взаимодействии на гендерные установки. Значительная часть испытуемых (около 40 %) демонстрировала низкий уровень осознания гендерных стереотипов. Все это свидетельствует о потенциально высокой гендерной конфликтности, особенно во взаимоотношениях родителей и школьников. Так, обнаружена статистически достоверная взаимосвязь между уровнем гендерной стереотипии у родителей и такими особенностями воспитания, как авторитаризм, жесткий контроль (у матерей), эмоциональная дистанция (у отцов)[15]

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большинство участников образовательного процесса республики имеют стереотипизированные гендерные характеристики. Это дает основание говорить о необходимости разработки методов гендерного просвещения и развития гендерной толерантности.

Для решения данной задачи разработан комплекс мер, направленных на развитие гендерной толерантности субъектов образовательного процесса. Основной индикатор гендерной толерантности — психологическая культура, проявляющаяся в лояльном отношении к мыслям, чувствам, поведению, выходящих за рамки традиционных гендерных стереотипов. Мы выделяем в ее структуре компоненты, выступающие в совокупности: поведенческий, ценностно-смысловой и когнитивный[16] Методика, разработанная преподавателями кафедры специальной и прикладной психологии Мордовского государственного педагогического института (МГПИ), апробирована в ходе преподавания дисцип-

лин предметной подготовки по специальности «Педагогика и психология» и доказала свою эффективность. Основой методики развития гендерной толерантности стали такие методы активного обучения, как деловая и ролевая игра, социально-психологический тренинг, проблемные лекции, учебно-профессиональные задачи и др. Студентам экспериментальной группы были предложены следующие типы заданий: на актуализацию заданных психических явлений (гендерный стереотип, установка, идентичность, роль, конфликт); на распознавание вышеуказанных психических образований; на психологическое прогнозирование (умение представить вероятное поведение человека с определенным гендерным стереотипом в контексте разных жизненных ситуаций или условий); проигрывание ситуаций, в которых проявляется гендерный стереотип с позиции различных ролей; решение гендерно обусловленных конфликтных ситуаций; задания на разработку психолого-педагогических рекомендаций в ситуации гендерного конфликта или проявления гендерного стереотипа; гендерный анализ художественных текстов, жизненных ситуаций; гендерный анализ анекдотов; качественный анализ портретов «идеальной женщины» и «идеального мужчины».

В качестве контрольного эксперимента студентам было предложено 9 заданий (по одному каждого типа). В качестве критериев оценки работы использовались параметры когнитивной сложности, полноты описания гендерных характеристик, умения сопоставлять и обобщать данные, глубины анализа, адекватности использования научных понятий, умения делать выводы, оформления работы в соответствии с требованиями.

Для выделения уровней развития гендерной толерантности использовались вычисление стандартного отклонения, на основании его выделены 5 уровней у студентов: низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий.

Так, 9,3 % студентов экспериментальной группы достигли высокого уровня развития гендерной толерантности, 34,4 % — выше среднего, средние показатели составили 38,1 %, 18,2 % — ниже среднего уровня, а низких показателей выявлено не было. В контрольной группе преобладали низкий и ниже среднего уровни развития гендерной

толерантности. Таким образом, методами гендерного просвещения была сформирована гендерная толерантность как личностное качество субъектов образовательного процесса.

Для описания уровней развития гендерной толерантности использовались этапы осознания личностью гендерных ролей, предложенные американским психотерапевтом Дж.О'Нилом.

Первый уровень — низкий, характеризуется тем, что личность принимает стереотипы мужественности и женственности, одобряет жесткое разграничение поведения по гендерным ролям, одобряет силу, контроль, власть, ограничение эмоциональности как нормы поведения для мужчин и теплоту, экспрессивность, заботливость, пассивность как нормы поведения для женщин; плохо понимает то, как жесткие гендерные роли ограничивают возможности личности.

Второй уровень — ниже среднего. Отмечается двойственное отношение к гендерным ролям. Личность при этом испытывает неудовлетворение стереотипными представлениями о гендерных ролях, вследствие соприкосновения с новыми точками зрения начинает сомневаться в необходимости ограничений, налагаемых гендерными ролями; начинает осознавать, что гендерные роли и сексизм являются насилием над личностью; испытывает страх перед смыслом изменений в представлениях о гендерных ролях или поведении; колеблется между ощущениями безопасности стереотипного представления о гендерных ролях и тревоги перед их изменениями; чувствует смятение и отсутствие ясности относительно связи сексизма с гендерными ролями.

Третий уровень — средний. На этом уровне личность испытывает и выражает отрицательные эмоции по отношению к преобладающим социальным нормам, институтам и индивидам, поддерживающим сексизм и стереотипную гендерную социализацию; испытывает ограниченность выхода отрицательным эмоциям и изоляцию; выражает отрицательные эмоций так, что порождает конфликты, тревожность, депрессию; ограничивает круг друзей только теми, кто может услышать или принять гнев.

Четвертый уровень — выше среднего, характеризуется активностью личности.

Личность использует гнев против сексизма положительным образом, становится участником общественных, поли-

тических, образовательных акций, разрабатывает личные, политические и др. планы действий для раскрытия ограничивающей роли гендерных стереотипов и сексизма.

Пятый уровень — высокий. На этом уровне осуществляется интеграция гендерных ролей. Личность испытывает новое, менее ограничивающее и менее стереотипное осознание себя, мира и удовлетворение от этого; последовательно интегрирует свой гнев против сексизма в эффективную работу; понимает путь осознания сексизма и гендерных ролей, совершаемый другими людьми; испытывает в личных и профессиональных взаимоотношениях большую свободу относительно гендерных ролей; продолжает активную работу по просвещению окружающих относительно насильственной природы гендерных ролей и сексизма[17]

Результаты опроса, проведенного в конце 2004—2005 учебного года, показали, что большинство студентов выпускного курса отделения «Педагогика и психология» (более 60 %) МГПИ не используют или используют неправильно термин «гендер», с трудом осознают собственные гендерные стереотипы и установки, считают, что основой дифференциации общества по половому признаку являются исключительно биологические предпосылки. Таким образом, следует признать тот факт, что профессиональная подготовка будущих педагогов в этой области имеет существенные пробелы.

Проведенная гендерная экспертиза учебных планов, программ и учебников по специальности «Педагогика и психология» показала, что в содержании профессионального образования педагогов-психологов гендерная проблематика не разработана. В то время как «гендер» рассматривается в качестве одного из базовых измерений социальной структуры общества, ни один из отечественных учебников, рекомендованных для студентов психологических специальностей, не содержит этого термина. Переводные западные учебники по психологии (например, «Психология» и «Социальная психология» Д.Майерса) в большинстве своем содержат разделы, посвященные гендерным исследованиям, но зарубежные данные мало применимы к анализу российской действительности и менталитету. Единственное исключение — появившееся в 2005 г. учебное пособие Т.В.Бендас «Гендерная психология», несмотря на название, не избежавшее

традиционного в отечественной психологии дифференциального подхода.

Содержание образования по специальности «Педагогика и психология» имеет большие возможности по внедрению гендерного подхода. Так, в курсе «Основы общей психологии» преподавателями кафедры специальной и прикладной психологии дифференцируются такие понятия, как «пол биологический, психологический и социальный» (последнее чаще всего используется как наиболее близкое по содержанию к понятию «гендер»). В курсе «Возрастная психология» рассматриваются вопросы гендерной идентификации и социализации на разных жизненных этапах. В курсе «Педагогическая психология» предполагается изучение гендерных аспектов обучения и воспитания, в частности, влияние педагога на формирование гендерной идентичности, личностных качеств, интересов, склонностей, способностей учащихся разного пола. Значительный потенциал несет курс «Социальная психология», затрагивающий ряд аспектов гендерной социализации, ее факторы и механизмы: влияние семьи, образовательных учреждений, референтной группы, СМИ на формирование всего гендерного дисплея[18]

Безусловную практическую значимость в изучении гендерной проблематики имеют курсы психологического консультирования и конфликтологии, в значительной степени направленные на самоизучение студентов и проработку их собственных внутри- и межличностных конфликтов, в том числе и гендерных.

Особое внимание, с точки зрения гендерного подхода, привлекает курс «Основы психологии семьи и семейного консультирования», в связи с тем, что изучение семьи как основного проводника гендерной социализации приводит к выводу о том, что традиционная семья есть один из наиболее устойчивых факторов сохранения и усиления гендерной асимметрии, а различные модели семьи (в том числе и эгалитарная) имеют право на существование в изменяющемся обществе.

Большие возможности у философии, экономики, социологии, затрагивающих вопросы феминистской критики и гендерологии как междисциплинарного подхода в научном знании. Таким образом, налицо реальная возможность интеграции гендерного подхода в большинство учебных дис-

циплин профессиональной подготовки педагогов-психологов. Однако это не снимает проблемы включения гендерного компонента в государственные образовательные стандарты по педагогическим специальностям и в учебники, получившие рекомендации Минобразования РФ или УМО, так как именно они массово приобретаются библиотеками вузов и становятся своеобразным рупором идей[19]

Для развития гендерной толерантности студентов специальности «Педагогика и психология» факультета коррекционной педагогики МГПИ нами предложен интегрированный курс по выбору «Гендерная педагогика и психология», цель которого — изучение гендерного подхода в современном образовании, гендерных аспектов обучения и воспитания в семье, школе, детских учреждениях и других институтах социализации и их влияния на развитие личности. В ходе преподавания этого курса студенты должны изучить социальные, культурные, психологические основы гендерной дифференциации, уметь анализировать основные факторы гендерной социализации, выявлять ограничительные функции гендерных стереотипов и причины гендерного конфликта, моделировать гендерно-нейтральные условия образования.

Апробация курса на базе отделения «Педагогика и психология» факультета коррекционной педагогики МГПИ показала, что изучение гендерной проблематики чрезвычайно актуально и находит живой отклик у студентов. Особое внимание на семинарских занятиях уделялось вопросам психологической диагностики гендерных стереотипов, практическому изучению гендерных установок, возможностям и условиям их изменения, психологическому анализу гендерно обусловленных конфликтов в различных сферах жизнедеятельности. Значительная часть времени занятий посвящалась практическому анализу гендерных конфликтов самих студентов.

Наиболее эффективной формой работы по формированию гендерной толерантности является практикум. Основные его составляющие: вводная теоретическая часть, самодиагностика и самопрезентация гендерных установок и стереотипов, формирующая часть в форме тренинговых и интерактивных игр и упражнений, моделирование гендерно-нейтральных ситуаций. Следует отметить, что наиболее сложно проходит развитие поведенческого компонента ген-

дерной толерантности, что доказывает необходимость комплексного подхода к решению проблемы гендерного просвещения.

Результаты самодиагностики и индивидуальных интервью студентов показали, что большинство (до 65 %) испытывают на себе негативные последствия гендерного конфликта: хроническую усталость (например, при одновременном выполнении ролей жены, матери и студентки трудно образцово выполнить все роли); чувство вины за несоответствие традиционным гендерным стереотипам (например, «хорошая мать не бросает маленького ребенка на няню» или «хороший муж обеспечивает семью»); снижение самооценки, когда выглядят и ведут себя не как «настоящий мужчина» или «настоящая женщина»; агрессия, направленная на тех, кто нарушает установленные гендерные нормы «мужественности» и «женственности»; завышенные требования к окружающим людям, особенно противоположного пола; трудности в выражении и интерпретации эмоций, страх потери самоконтроля, нежелание принять помощь (ограничения традиционной мужской роли); маскировка одаренности и неприятие компетентности у женщин.

Гендерный конфликт — взаимодействие и психологическое состояние, в основе которого лежит противоречивое восприятие гендерных ценностей, отношений, ролей, приводящее к столкновению интересов и целей. Наиболее распространены ролевые конфликты из-за распределения домашних обязанностей и лидерства в семье, по поводу конкуренции на высокооплачиваемые и престижные рабочие места, участия во властных структурах и т. п. В конечном итоге *конфликтные противоречия возникают не между мужчинами и женщинами как таковыми, а между традиционными и новыми ролями представителей разного пола.* Следует помнить о негативных факторах глобализации, усиливающих гендерную иерархию. Гендерные внутриличностные конфликты возникают в случае несовпадения гендерных стереотипов с внутренними установками личности или противопоставления нескольких ролей.

На основе методики развития гендерной толерантности создан ряд разработок: программа и методические рекомендации к курсу «Гендерная педагогика и психология» для студентов педагогических специальностей, программы

социально-психологического тренинга гендерной толерантности для родителей и старшеклассников, программа курса «Гендерная психология» для старших классов общеобразовательных школ. Все программы апробированы в образовательных учреждениях Республики Мордовия и доказали свою актуальность и эффективность.

Несмотря на их общую цель (развитие гендерной толерантности у субъектов образовательного процесса), безусловно, следует учитывать особенности и потребности конкретной группы. Например, основными задачами социально-психологического тренинга гендерной толерантности для родителей являются анализ асимметрии гендерной социализации в разных социальных институтах; выявление своих собственных гендерных представлений относительно сына/дочери, ограничивающих его/ее личностный рост; выявление своих собственных личностных, межличностных и профессиональных проблем, обусловленных гендерными стереотипами; повышение открытости к изменениям в устоявшихся гендерных представлениях; выработка более адекватного представления о детских возможностях, способностях и потребностях; повышение сензитивности (чувствительности, внимания) к ребенку; развитие адекватного понимания самого себя и своего ребенка.

Задачами тренинга гендерной толерантности и курса «Гендерная психология» для старшеклассников являются формирование рациональных представлений о гендерных стереотипах и установках, развитие адекватной самооценки; формирование позитивного отношения и уверенности в себе; развитие мотивации стремления к успеху, самоактуализации и совершенствованию, продвижение идеи о гендерном равенстве в молодежной среде.

Результаты исследования и разработанные программы представлены в учебном пособии «Гендерная педагогика и психология», предназначенном для подготовки специалистов в области образования. В пособии осуществлена попытка обобщения и систематизации информации по применению гендерного подхода в педагогике и психологии. Сформулированы рекомендации для решения ежедневных проблем обучения и воспитания в гендерном преломлении[20]

Следует помнить о том, что гендерная проблематика касается каждого, во-первых, как представителя конкрет-

ного (мужского или женского) пола, во-вторых, как носителя определенной гендерной идентичности, который совместно с другими строит пока патриархальную гендерную систему, в-третьих, как воспитателя (в широком смысле слова) подрастающего поколения, которое испытывает на себе ограничивающее влияние гендерных стереотипов. Предстоит более пристально изучить особенности и содержание гендерных конфликтов в образовании. Как отмечают исследователи, учащиеся, педагоги и родители испытывают конфликты, обусловленные традиционными гендерными установками по поводу учебных предметов, поведения, личностных особенностей, необходимых мальчикам и девочкам, юношам и девушкам, мужчинам и женщинам[21]

Осознавать собственные гендерные стереотипы и установки всегда сложно, иногда это вызывает внутреннее сопротивление, агрессию. Появляются и антигендерные идеи, говорят о «правильной» гендерной идентичности, возвратам к «истокам», раздельном обучении. Н.Ходырева отмечает: «Потрясающе, но факт, что в стране, где женщины менее всего представлены во власти, где насилие над женщинами остается безнаказанным в массовом масштабе, где сексизм льется с больших и малых экранов, понятие "угнетение" воспринимается с трудом»[22]

В 90-е гг. XX в. в России оформилось новое направление гражданской активности — женское движение, и новое нетрадиционное направление академической деятельности — гендерные исследования. Благодаря усилиям тех и других в России началось гендерное просвещение. Были созданы гендерные и кризисные центры, появились специальные учебные курсы в вузах, регулярно проводятся конференции, семинары и тренинги в регионах, реализуются программы гендерного обучения руководителей, политиков, преподавателей. Издаются книги, учебные пособия, сборники статей, монографии, появились специализированные Интернет-сайты и журналы.

Известно, что западный мир имеет долгую и непрерывную традицию развития гендерного дискурса, в то время как в России последние 20 лет он существовал в ограниченной, искусственно созданной среде энтузиастов-исследователей. В настоящее время созрела насущная потребность в расширении гендерного просвещения, экспансии этой

проблематики за рамки академического преподавания. Однако для изменения общественного и индивидуального мнения, осознания необходимости гендерного равенства недостаточно введения новых учебных дисциплин, так как слишком велик диссонанс теории с реальной жизнью. Требуются масштабные изменения на уровне законодательной и исполнительной практики, гендерная экспертиза законодательства и СМИ, специальные программы, направленные на повышение статуса женщин[23]

Следует отметить необходимость широкого внедрения гендерного просвещения в процесс профессиональной подготовки всех педагогических специальностей. Основной его задачей является снижение уровня гендерной стереотипии, более осознанного восприятие гендерных стереотипов, снижение уровня конфликтности, обусловленного их влиянием. Результатом гендерного просвещения может стать расширение сознания личности, предоставление ей больших возможностей самоактуализации, права самостоятельного выбора стиля жизни, в частности профессии и карьеры.

В 2005 г. кафедрой специальной и прикладной психологии МГПИ в рамках республиканских научно-практических семинаров «Современная школа и психология: перспективы взаимодействия» проводились мероприятия по формированию гендерной культуры работников образовательных учреждений Мордовии, вызвавшие большой интерес, подтвердившие значимость разработки гендерной проблематики, внедрения гендерного компонента в содержание образования педагогов различных специальностей, развития гендерной толерантности всех участников образовательного процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства РФ (проект № 05-06-23600а/В).

[2] См.: Гендерный калейдоскоп: Курс лекций / Под ред. М.М.Малышевой. М., 2001.

[3] См.: *Берн Ш.* Гендерная психология. СПб., 2001.

[4] См.: например, Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика: В 2 ч. / Под ред. Л.В.Штылевой. Мурманск, 2001.

[5] См.: *Поленина С.В.* Гендерное равенство: проблема равных прав и возможностей для мужчин и женщин: Учеб. пособие. М., 2005.

[6] См.: Гендерное просвещение: Вопросы и тексты для дискуссий. М., 2005.

[7] См.: Введение в гендерные исследования. В 2 ч. Ч. 2. Хрестоматия / Под ред. С.В.Жеребкина. Харьков, СПб., 2001.

[8] См.: Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций / Под общ. ред. О.А.Ворониной. М., 2001.

[9] См.: *Бем С.Л.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.

[10] См.: Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С.Клециной. СПб., 2003.

[11] См.: *Сидоренко Е.В.* Методы математической обработки в психологии. СПб., 2001.

[12] См.: *Ключко О.И., Артюшкина Е.Н.* Изучение гендерных характеристик старшеклассников в различных образовательных учреждениях // Современные проблемы изучения, обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии: сб. науч. тр. / Вып. 8. Саранск, 2005. С. 125—129.

[13] См.: *Ключко О.И., Контеева Ю.Р.* Особенности гендерных стереотипов студентов педагогического института // Там же. С 129—133.

[14] О муже(N)ственности: сб. ст. М., 2002.

[15] См.: *Ключко О.И. Абрамова М.А.* Гендерный анализ взаимодействия родителей с подростками // Философия и актуальные проблемы современного общества: сб. науч. тр. Саранск, 2005. С. 63—68.

[16] См.: *Ключко О.И., Дементьева Е.В.* Развитие гендерной толерантности субъектов образовательного процесса Республики Мордовии // Волжские земли в истории и культуре России: Матер. Всерос. науч. конф., посвященной 10-летию создания РГНФ, 8—11 июня 2004 г. В 2 ч. Ч. 2. Саранск, 2004. С. 156—161.

[17] *O'Neil J.M. & Egan J.* Men's and women's gender role joumeys: A metaphor for healing, transition, and transformation. In B.R. Wainrib (Ed.) Gender issues across the life cycle. New York. 1992. P. 107—123.

[18] См.: *Ключко О.И.* Гендерный компонент в подготовке педагогов-психологов // Современная школа и психология: перспективы сотрудничества. Саранск, 2005. С. 51—55.

[19] См.: Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / Под ред. О.А.Ворониной. М., 2005.

[20] См.: Гендерная педагогика и психология: учеб. пособие / Под ред. О.И.Ключко. Саранск, 2005.

[21] См.: *Осетрова Н.* Учителя о правах женщин и равенстве полов // Гендерное просвещение: вопросы и тексты для дискуссий. М., 2005. С. 99—119.

[22] *Ходырева Н.* Изменяя психологию... // Бем С.Л. Линзы гендера. М., 2004. С.7.

[23] См.: Комплексный гендерный подход — стратегия трансформации экономической и социальной политики в России. М., 2005.

Поступила 02.11.2005.

С.Н.ФЕДОРОВА

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАРИЙСКОГО ЭТНОСА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

Стратегия гуманизации образования и возращения ему культурообразующего статуса актуализирует роль и значение педагога с высоким уровнем развития этнопсихологической культуры, позволяющей успешно осуществлять профессиональную деятельность в условиях полиэтничной среды. Этнокультурная детерминация педагогической деятельности обусловлена выделением федерального и регионального компонентов образования, акцентирующих внимание на учете индивидуальных и национально-психологических особенностей субъектов и объектов этой деятельности. «Единообразие методов и приемов — одна из многих причин сложившегося за многие годы отчуждения ученика и учителя. Яркая форма этого отчуждения — укоренившееся представление о школьнике не как о личности в ее многообразных проявлениях, в том числе и национально-психологических, а лишь как об ученике, отмеченном педагогическим "клеймом": "сильный", "средний", "слабый"»[1] У педагога должны быть сформированы необходимые знания, умения и навыки, развиты личностные качества и способности, позволяющие успешно организовывать педагогическую деятельность в соответствии с национально-психологическими особенностями подопечных. Многонациональный коллектив учащихся — это чрезвычайно сложная, неоднородная психологическая структура, работа с которой требует не только знания возрастных особенностей детей, общих принципов и методики построения урока, но и учета познавательных, эмоционально-волевых,

ФЕДОРОВА Светлана Николаевна, докторант кафедры педагогики высшей школы Московского педагогического государственного университета.

Заказ № 2806

коммуникативных особенностей национальной психологии представителей разных этнических групп.

В качестве показателей готовности учителя к работе с многонациональным составом учащихся исследователями отмечаются знание национальной культуры своего и других народов; научно обоснованная оценка объективной ценности прогрессивных идей и опыта народной педагогики, выработанная на основе этих знаний; стремление и умение использовать прогрессивные идеи и опыт педагогики различных народов в работе с детьми в многонациональном детском коллективе; глубокий и устойчивый интерес к изучению этнокультурных ценностей, характеризующийся активностью в изучении этнографического материала; общение с детьми в духе дружеского отношения к представителям разных национальностей[2].

Учитель должен преодолевать трудности в общении с представителями любой национальности, с каждым из них находить оптимальные способы взаимодействия, соответствующие индивидуально-этническим особенностям. Заметим, что максимально выражают национальную психологию народа его традиции, поэтому для педагога важен взгляд на традицию как сложную систему взаимосвязанных между собой элементов (ценностей, норм, идеалов, убеждений), являющихся регулятором поведения человека. Это вовсе не «путы на ногах формирующейся личности», а своеобразная форма существования, самосохранения и развития индивида как части целого (этноса/нации), способ установления гармоничных отношений с природой и обществом, не лишенный культурной специфики. Элементы традиции анализируются с точки зрения проявляющегося в них стержневого компонента структуры.

Ориентированность культуры на коллектив или индивида можно рассматривать как один из факторов, обусловливающих познавательное развитие. Имеется связь между отсутствием власти человека над средой и коллективистской ориентацией: так как индивид традиционного общества не располагает возможностями влиять на условия среды, он меньше отделяет себя от физического мира и других индивидов. Такой подход позволяет отнести марийский этнос к культурам с коллективистской ориентацией, т.к. здесь человек считается частью природы (имеет расти-

тельного и животного двойника) и может полноценно существовать только в гармонии с ней. Более того, среди народа не культивируется субъективизм личности, не одобряются «выскочки», поощряется принцип «не выделяться!», «живи как все». В марийской семье детям внушается мысль о значимости для человека оценки окружающих, требуется сдержанность в выражении собственной точки зрения, уважительное отношение к мнению старших.

Обычаи и традиции повседневного быта также свидетельствуют о коллективистской направленности жизни: нормой считается установление уважительных отношений со всеми односельчанами, высмеиваются те, кто не умеет мирно ужиться со своими соседями. Основными ценностями марийцев, как и всех представителей коллективистских культур, являются следование традициям, послушание, чувство долга, взаимная ответственность между людьми и т.д. Любое событие (радостное или трагическое) проходит при активном участии практически всех членов общины. Взаимопомощь и взаимовыручка («вима», «олха» и т.д.), традиции гостеприимства («когда заходят к тебе люди — жить легче») — характерные особенности жизнедеятельности мари, сохранившиеся до наших дней. Можно выделить черты вертикального коллективизма в быту марийцев, например, анализируя физическое и социальное пространство в терминах «почетное — менее почетное». Во время праздников, семейных обрядовых вечеров на почетное «войлочное» место (лавка, застеленная войлоком) усаживали самого уважаемого гостя, а другие садились на голые лавки. После христианизации мари почетного гостя стали усаживать под «красный угол», где размещались иконы.

В качестве доказательства коллективистской направленности психологии народа можно отметить не свойственные основной массе марийцев ценности индивидуализма в виде самодостаточности, свободы в поступках, стремлении к оригинальности, необычности и т.д. Следует подчеркнуть недостаток рассмотрения индивидуализма/коллективизма как дихотомии противоположных базовых ценностей, так как существуют ценности, в одинаковой мере служащие интересам и индивида, и группы, а потому регулирующие поведение людей в любой культуре. Кроме того, в любом современном обществе имеются важные универсальные

ценности, которые, оставаясь коллективными, не являются групповыми (социальная справедливость, защита окружающей среды, мира). И, наконец, на основе эмпирических исследований установлено, что некоторые ценности, считавшиеся характерными для одного из типов культур, являются значимыми для обоих. Так, в США давно описана связь индивидуализма с мотивацией достижений, но и японцы или китайцы, оставаясь коллективистами, стремятся к достижениям[3] В связи с этим в настоящее время коллективизм и индивидуализм уже не рассматриваются в качестве взаимоисключающих полюсов некоего теоретического континуума. Два культурных синдрома могут существовать одновременно и в зависимости от ситуации более или менее ярко проявляться в каждой культуре, в том числе и в марийской. Более того, у одних и тех же людей при взаимодействии с разными группами коммуникации обнаруживаются обе ориентации. Качества коллективистов ярко проявлялись среди марийцев в прошлом. Сейчас, к сожалению, нередки характерные и для представителей других народов проявления индивидуализма, стремление к обособлению от окружающих, ориентированность на собственные нормы жизнедеятельности. Возможно, это связано с общемировой тенденцией прогресса индивидуализма, неизбежного в индустриальном обществе и ведущего к полному разрушению коллективистской ориентации.

Необходимо отметить и такую особенность в коммуникации представителей марийской культуры, как существенная разница в стиле общения со «своими» и «чужими». Наши многолетние наблюдения за студентами, курсантами и воспитателями дошкольных и школьных образовательных учреждений марийской национальности подтверждают, что поведение представителей этой коллективистской культуры во многом зависит от того, кто те «другие», с которыми они взаимодействуют. При общении с представителями других этнических групп большая часть студентов марийской национальности не отличается смелостью в социальных контактах, они скованны, неуверенны, мало инициативны, предпочитают «оставаться в стороне», отмолчаться. Если же круг общения ограничен рамками своей этнической общности, они веселы, энергичны, проявляют изобретательность, неординарность мышления, твердую уверенность в

себе, раскованность в поступках и т.д. Наши наблюдения подтверждаются и самими студентами, отмечающими, что им намного легче и комфортнее общаться в «своей» моно-национальной среде. Это должны учитывать педагоги, так как у людей, принадлежащих к разным культурам, могут не совпадать представления о необходимости проявления своих способностей. В одной культуре (чаще всего индивидуалистически направленной) демонстрация знаний и умений поощряется, в другой (коллективистски ориентированной) такое поведение может рассматриваться как бесцеремонное, неприличное и больше ценится скромность. Педагогу необходимо хорошо разбираться в системе представлений о правильном и неправильном поведении, характерном для представителей конкретного этноса, в сформированных культурой механизмах, гарантирующих соблюдение нравственных норм.

Рассматривая регуляторы человеческого поведения в качестве стержневого измерения культур, имеет смысл противопоставить западные культуры вины восточным культурам стыда. Элементы и той, и другой обнаруживаются в психологии марийского этноса, где человек в своих действиях всегда ориентируется на внешнюю оценку (что скажут или подумают окружающие). Всякое действие, далеко не похвальное, но не вредящее другим и отражающееся только на самом действующем, «унижает человека, делает его смешным и жалким, роняя его в глазах других (пьянство, леность и пр.), ибо совершивший проступок уже сам в себе несет наказание, испытывая стыд («намыс»), а сверх того и окружающие могут над ним безнаказанно насмехаться («мыскылаш»)»[4] У человека с детства формируется привычка соотносить свои действия с моральными оценками окружающих («живи так, чтобы перед соседями не было стыдно»).

Как и в любой другой культуре, регулируемой, прежде всего стыдом, наказание за антиморальные проступки нередко сводилось к публичному осуждению. Так, во время празднования Шорыкйола (в прошлом — Дня нравственного суда мари) перед всеми стыдили людей, занимавшихся воровством, прелюбодеянием, плохо работающих и т.п. В марийской деревне стыдом наказывали девушек за потерю чести до замужества. Для этого использовались разные

приемы: измазывание ворот девушки дегтем, отказ от общения, презрение к матери, не сумевшей правильно воспитать дочь и т.д. Еще более строгому наказанию подвергались замужние или женатые виновники любовных утех: «Как скоро попадется вдова с парнем или женатым, которых никак не принуждает соединиться браком, то в виду того, чтобы подобные вещи не повторялись, поступают издревле так: выводят виновных на улицу, собирается сельский сход, во главе которого стоит сельский староста; виновных привязывают друг к другу шнурками от штанов (штаны носятся мужчинами и женщинами на шнурках), обвешивают обоих старыми метлами, вениками, лаптями и т.п. и водят их по улице в таком виде, при том один из сопутствующих десятских бьет в барабан. Такому наказанию подвергаются виновные не только из своей деревни, но и посторонние»[5]

Эти примеры свидетельствуют о зыбкости границ между понятиями стыда и вины. Недаром большинство современных исследователей согласны с тем, что нет дискретных культур вины и стыда, а все известные психологические механизмы социального контроля существуют в каждой из культур. Кроме того, и в основе стыда, и в основе вины лежит страх. Именно он регулирует поведение представителя любой культуры в его взаимоотношениях с чужими, посторонними, потенциально враждебными «они». Это чувство страха, генетически передающееся из поколения в поколение, также должно быть в центре внимания педагога, в арсенале методов работы которого следует иметь приемы, стимулирующие «успешность» ребенка, его уверенность в себе. Важно умело применять, в частности, такой прием, как похвала, потому что в работе с представителями финно-угорских народов, к которым принадлежит и марийский этнос, он оказывается наиболее эффективным[6]. Сравнивая этнопсихологические особенности разных народов, З.А.Ганькова отмечает, что у представителей финно-угорского этноса выше степень напряженности взаимодействия организма с предметной сферой, а значит, выносливость, работоспособность в психомоторной сфере, но переход от одних программ поведения к другим легче у лиц русской национальности. Показатели пластичности и темпа ниже у испытуемых финно-угорского этноса. Самые рас-

пространенные типы среди финно-угорского этноса — рациональные мыслительно-сенсорный и эмоционально-сенсорный интроверты[7]

Относительно конформности представителей марийского этноса следует отметить несовпадение оценок. Конформность — психологическая характеристика позиции индивида относительно позиции группы, мера подчинения индивида групповому давлению. Архивные материалы довольно противоречивы в оценке конформности марийцев. Так, характеристика черемис (прежнее название народа), представленная Олеарием, более отражает, на наш взгляд, антитезу конформности — это коварный, хищнический и колдовству преданный народ. Голландский ученый-путешественник Я.Я.Стрейс, изучавший в XVII в. «инородцев» России, также подчеркивал своенравность «черемисских татар» (не выделяя их как отдельный народ): «Это весьма дикий народ, как по своей одежде, так и по своим нравам... самые злые и свирепые язычники, каких я когда-либо видел»[8] Сравним эти оценочные высказывания с этнопсихологической характеристикой народа мари, представленной современными авторами. Так, В.А.Сокольникова отмечает: «Марийцы — трудолюбивы, гостеприимны, скромны, стремятся к знаниям, терпеливы. В них развито чувство достоинства... В этносе присутствует инстинкт самосохранения, не позволяющий перейти ту грань, за которой следует самоуничтожение, что, в свою очередь, приводит к стремлению избежать какие-либо формы и проявления национальных и межнациональных конфликтов, распрей, войн, междоусобиц»[9] Зашкаливающую конформность мари отмечает К.Н.Сануков: «Практически вся история марийского народа — история покоренных, задавленных, униженных, гонимых»[10] Часто конформность марийцев ассоциируется с покорностью, уступчивостью и относится к группе отрицательных явлений. Вместе с тем культура мари относится к тем культурам, где высоко ценится гармония межличностных отношений, податливость мнению большинства интерпретируется как тактичность и социальная сензитивность, как в высшей степени положительное и желательное явление, социальная ценность и норма. Э.А.Саракуевым, В.Г.Крысько отмечается дисциплинированность и исполнительность марийцев, старательное отношение к своим

профессиональным обязанностям. Более того, подчеркивается, что в многонациональном коллективе марийцы почти ничем не отличаются от русских, только чуть более замкнуты[11]

Результаты исследования, проведенного С.Н.Мотовиловой и О.В.Филипповой в Оршанском педагогическом колледже Республики Марий Эл со студентами русской (78 опрошенных) и марийской национальностей (283 опрошенных), свидетельствуют, что у большинства студентов не выражена такая личностная особенность, как подчиненность-доминантность. Средний уровень развития этой личностной особенности имеют 87 % студентов мари, 78 % — русских студентов. Доминантность проявилась у 16 % русских студентов и у 10 % студентов марийской национальности. Подчиненность проявилась у 6 % русских и у 3 % студентов мари. Таким образом, имеются определенные отличия в уровне проявления доминантности студентов разных национальностей: более доминирующими оказались представители русской национальности. Личностная подчиняемость на низком уровне развития проявилась у 71 % русских и у 65 % студентов мари. На среднем уровне — у 31% студентов мари и у 24 % русских студентов. На высоком уровне подчиняемость проявилась у 5 % русских студентов и у 4 % студентов мари. Таким образом, уровень развития подчиняемости отличается у студентов разной национальности. На низком уровне подчиняемость проявилась у 71 % русских студентов и 65 % студентов мари. Мы можем предположить, что студенты мари более подчиняемы, т.е. результаты исследования говорят о том, что студенты русской национальности оказались более доминантными, а марийской — более подчиняемыми, конформными. Следует подчеркнуть, что степень интенсивности конформных реакций во многом определяется воспитательными акцентами культуры: либо на самоутверждение, либо на уступчивость.

Современные тенденции развития общества настоятельно требуют изменения ориентации обучения на самоутверждение, стремление к достижениям, поэтому в «марийской культуре особо важно уделить внимание формированию устойчивой “системы — я”, положительной самооценки, внутренней свободы. Последняя, как правило, характеризу-

ется наличием устойчивого внутреннего стержня, собственного мнения, интеллектуальной компетентности, уровнем образованности человека»[12] Часто дети марийцев пытаются скрыть свою этническую принадлежность и предпочитают относиться к доминирующей группе, хотя их внешние данные и языковые особенности свидетельствуют о принадлежности к марийской этнической общности. Индивидом могут использоваться разнообразные категории для ухода от переживаний по поводу собственной этнической группы. Задача педагога, работающего с такими детьми, заключается в повышении этнического самосознания, привлекательности для человека собственной этнической группы. Необходимо стимулирование проявлений самоуважения личности, формирование собственных позиций, мнения, так как марийская пословица гласит, что «кто живет своим умом, тот себя не потеряет», или «только живя своим умом, можно остаться самим собой».

Педагогу следует помнить, что стремление к сохранению или восстановлению позитивной этнической идентичности представляется наиболее естественным для человека, так как дает ему ощущение психологической безопасности и стабильности. «Для этого используется стратегия, названная А.Тешфелом и Дж.Тернером стратегией социального творчества. Она может принимать различные формы, связанные с пересмотром критериев сравнения. Это может быть поиск новых оснований для сравнения. Попытку таким способом сохранить позитивную этническую идентичность можно обнаружить в содержании автостереотипов групп, потерпевших поражение в межгрупповом соревновании»[13] Так, в исследовании Т.Г.Стефаненко, проведенном в конце 1980-х гг., московские студенты воспринимали представителей своей этнической общности (русских) как гостеприимных, дружелюбных, гуманных, добрых и отзывчивых. А американцы в их представлении оказались деловитыми, предприимчивыми, трудолюбивыми и добросовестными, т.е. обладающими качествами, которые способствуют достижению успеха в делах, но в России традиционно занимают низкие места в иерархии личностных черт как ценностей[14] В нашем исследовании студенты марийской национальности оценивали представителей своего этноса как скромных, трудолюбивых, старательных, добросовестных в отличие от

русских — уверенных в себе, общительных, независимых, настойчивых.

Стратегия социального творчества проявляется и в восстановлении субъективного благополучия с помощью выбора для сравнения еще менее успешных или еще более слабых групп. Так, восточные немцы после воссоединения Германии оказались на более низкой ступени социальной иерархии, чем западные, но свое недовольство и акты агрессии они направляли не на государство и доминантную группу западных немцев, а на еще более уязвимые группы вьетнамцев, турок и других иностранных рабочих. В Республике Марий Эл к уязвимым группам относятся, как это ни парадоксально, представители коренной национальности. К такому неутешительному выводу приводят нас результаты социологических исследований и многочисленные высказывания переселенцев, беженцев и просто приезжих из других территорий (Казахстан, Азербайджан, Ставропольский край, Дальний Восток и т.д.), в том числе и студентов, о недостаточно уважительном отношении к представителям коренной национальности. Может быть, поэтому представители разных субэтнических групп марийского населения (луговые, горные), долгое время находящегося на более низкой ступени социальной иерархии, иногда свое недовольство направляют друг против друга, стараясь не затрагивать доминантной группы. Кроме того, «при неблагоприятном межгрупповом сравнении члены групп дискриминируемого меньшинства могут выбрать и другую стратегию — принять правильную самоидентификацию вместе с негативной оценкой группы. В этом случае формируется негативная этническая идентичность, которая может сопровождаться ощущением неполноценности, ущемленности и даже стыда за представителей своего этноса. Этот тип этнической идентичности неблагоприятен для межгрупповых отношений, так как сопровождается обострением восприятия дискриминации и увеличением субъективной культурной дистанции с группой большинства. Он неблагоприятен и для личностного роста индивида»[15] Негативная этническая идентичность некоторых представителей марийского народа отразилась на формировании таких непродуктивных характеристик личности, как низкая самооценка,

неуверенность в себе, чувство ущербности и неполноценности. Этническая идентичность не статичное, а динамичное образование. Влияние обстоятельств может подтолкнуть человека на переосмысление роли этнической принадлежности в его жизни и привести к трансформациям этнической идентичности. Педагог должен работать над формированием этнической идентичности по типу «нормы» (позитивная этническая идентичность), предполагающей соотношение в структуре идентичности позитивного образа собственной этнической группы с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. Кроме того, следует учитывать и такую тенденцию, как рост числа детей, являющихся одновременно носителями двух различных культур. В связи с этим можно согласиться со Т.Г.Стефаненко утверждающей, что в полиэтническом обществе наиболее благоприятна для человека биэтническая идентичность, так как позволяет органично сочетать разные ракурсы восприятия мира, овладевать богатствами еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной[16] На наш взгляд, обозначенная позиция автора перекликается с подходом В.М.Розина по подготовке образованного «кентавра», т.е. образованного россиянина, национала (мари, татарина, еврея, русского и т.д.), который должен соответствовать общецивилизационным (экологическая и аксиологическая подготовка, умение справляться с проблемами и кризисами, жить не только настоящим, но и прошлым и будущим и т.д.); коммуникативным (знание иностранных языков, культурологическая подготовка, основы культуры общения и мышления); специфическим российским требованиям (погружение в историю и культуру России, знание современной ситуации и российских проблем, готовность участвовать в их решении и т.п.)[17]. Кроме указанных, к «кентавру» предъявляются еще и требования, определяемые его национальной принадлежностью: знание и владение национальным языком, знание национальной истории и культуры, та или иная степень погруженности (вовлеченности) в национальную жизнь. «Кентавр» должен понять, осознать и усвоить этнические ценности своего народа как установки, ориентации, направленные на создание и поддержание определенных условий, при которых обеспечивается сохра-

нение равновесия в этнической экологии, саморазвитие этноса. Обеспечить полноценную подготовку таких «кентавров» способны только этнокультурнокомпетентные педагоги.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Магомедов Ш.Я.* Формирование культуры педагогического общения будущего учителя с многонациональным коллективом: Дис ... канд. пед. наук. М., 1992.

[2] *См.: Лебедева Л.И.* Профессиональная подготовка учителя к учебно-воспитательной работе в начальных классах — с многонациональным составом учащихся: Дис ... канд. пед. наук. М., 1994.

[3] *См.: Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 1999. С. 223—224.

[4] *Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение. 1904. № 2. С. 56—109.

[5] *Мендиаров.* О черемисах Уфимской губернии // Этнографическое обозрение. 1894. № 3. С. 34—53.

[6] *См.: Иванова М.Г.* Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994.

[7] *См.: Ганькова З.А.* Учет этнопсихологических особенностей в процессе формирования творческого стиля жизнедеятельности // Проблемы регионального образования и этнопедагогики: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Мурманск, 2003. С. 20.

[8] *Стрейс Я.Я.* Три путешествия // Иностранные путешественники о России. М., 1935. С. 182.

[9] *Сокольникова В.А.* Психология марийского этноса. М., 1998. С. 55.

[10] *Сануков К.Н.* Марийцы: прошлое, настоящее, будущее. 1992. С. 3.

[11] *Саракуев Э.А., Крысько В.Г.* Введение в психологию. М., 1996. С. 105.

[12] *Айварова Н.Г.* Развитие ребенка в условиях марийского этноса: Пособие для учителей. 2000.

[13] *Стефаненко Т.Г.* Указ. раб. С. 228.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] *Розин В.М.* Культурология: Учеб. М., 2003.

[17] Там же.

Поступила 06.02.2006.

О.Б.КЕВБРИНА

ВЫСШЕЕ КООПЕРАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МОРДОВИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Высшее кооперативное образование в Мордовии начинает свою историю с середины 70-х гг., когда потребительской системе стали нужны специалисты с вузовским образованием. К тому времени в Мордовпотребсоюзе должностей, подлежащих замещению специалистами с высшим образованием, было в три раза больше, чем фактически замещено. Постановлением Правления Центросоюза СССР от 23 сентября 1976 г. № 163 открыт Саранский филиал Московского кооперативного института. К началу 1990-х гг. в кооперативном вузе Мордовии сформирован профессорско-преподавательский состав, создана необходимая материально-техническая база, подготовлено около 3 тыс. специалистов высшей квалификации.

На дальнейшее развитие Саранского филиала Московского кооперативного института значительное влияние оказали социально-экономические преобразования в стране и деятельность руководства вуза. Деструктивные процессы, начавшиеся в высшей школе в связи с развалом СССР, перестройкой социально-экономической и политической систем страны, имели длительные последствия. Скудные финансовые возможности государства вузы вынуждены были компенсировать активизацией собственных усилий в поиске средств на нужды образования и науки. Одни смогли довольно быстро преодолеть кризисное движение от выживания к развитию, у других этот процесс затянулся.

В сентябре 1990 г. на должность директора филиала на альтернативной основе избран заведующий кафедрой об-

КЕВБРИНА Ольга Борисовна, заведующая кафедрой отечественной истории и теории кооперативного движения Саранского кооперативного института, кандидат исторических наук, доцент.

щественных наук, доктор философских наук Б.Ф.Кевбрин. В это время ученый совет института определил верную, на наш взгляд, стратегию развития вуза и создал благоприятные условия для полной реализации образовательного, научного и духовно-нравственного потенциала. Были разработаны программа-максимум и программа-минимум. Реализация первой предполагала решение проблемы финансового обеспечения вуза, второй — создание многоуровневой структуры образования.

Нестабильное и неполное централизованное финансирование привело к тому, что в 1991 г. коллектив филиала сократился на 27,5 штатной единицы, в том числе на 6 преподавателей. Финансовые проблемы обусловили и ускорили переход на компенсационную основу обучения по дневной и заочной формам. В 1992/1993 учебном году филиал из бюджетной организации трансформировался в самофинансирующуюся.

Первые наборы студентов на компенсационной основе обучения осуществлялись сложно. Основную ставку руководство вуза делало на подготовку кадров для республики, но при этом активно развивались связи с другими регионами: осуществлялись поездки, проводились встречи, беседы с потенциальными абитуриентами в закрепленных за вузом республиках и областях европейской части Российской Федерации.

С 1990 по 1993 г. подготовка кадров шла по одной специальности очной формы обучения и четырем — заочной. Прием студентов по годам соответственно составлял 423, 437. 457 чел. В связи с открытием в 1993 г. новой специальности 060400 «Финансы и кредит» по очной и заочной формам обучения прием студентов увеличился до 585 чел. В 1993 г. на эту специальность очной формы обучения принято 156 чел., заочной — 65 чел. В 1994 г. контингент студентов увеличился до 2 019 чел. (ср.: в 1990 г. — 1 636 чел.). Численность профессорско-преподавательского состава в эти годы колебалась от 51 до 55 чел. Процент остепененности был достаточно высок: 60—63 %.

С открытием новой специальности учетно-экономический факультет переименован в факультет учета, финансов и банковского дела, открыты экономический и кадровый отделы.

В соответствии с решением Центросоюза РФ от 24 сентября 1992 г. Учебно-научный комплекс «МКИ Центросоюза» преобразован в Московский университет потребительской кооперации (МУПК), в Саранске стал действовать Саранский филиал МУПК.

Реализовывать идею многоуровневой системы подготовки кадров институт начал уже в 1993 г., открыв лицей[1] На очном, заочном и вечернем отделениях лицея обучаются учащиеся старших классов школ г. Саранска № 16, 22, 23, 24, 15, 27, 33 и районов Республики Мордовия. Лицей осуществляет начальную профессиональную довузовскую подготовку. Его целью является формирование у молодежи потребности в получении знаний в области экономики, товароведения, бухгалтерского учета, правоведения; активизация их знаний и умений, необходимых для изучения вузовских дисциплин. По окончании учебы выдается свидетельство по специальностям бухгалтера малого предприятия, экономиста-менеджера, правоведа, экономиста-финансиста и бухгалтера-коммерсанта. Выпускники лицея, показавшие отличные знания и желающие продолжить обучение в вузе, пользуются льготами при зачислении в Саранский кооперативный институт (СКИ). Число учащихся в лицее с каждым годом растет. Так, в 1995 г. их было 71, в 2004 — 732 чел. В 1995 г. из 53 выпускников 33 продолжили учебу в институте. В 2004 г. соответствующие показатели составляли 231 и 53 чел.

Следующим этапом формирования многоуровневого образования стало присоединение Саранского кооперативного техникума к институту в качестве средней ступени подготовки квалифицированных специалистов, что осуществлено в 1995 г. совместным решением правления Мордовпотребсоюза и ученого совета филиала. Эта мера была необходима, так как техникум в тяжелых экономических условиях мог прекратить свое существование, подобно Саранскому кооперативному профессионально-техническому училищу.

На основании постановления Президиума Правления Центросоюза Российской Федерации от 15 июля 1996 г. Саранский филиал Московского университета потребительской кооперации переименован в Саранский кооперативный институт (филиал) образовательного учреждения высшего профессионального образования ЦС РФ «Московский

университет потребительской кооперации». 24 июля 1996 г. ректором института назначен доктор философских наук, профессор Б.Ф.Кевбрин.

Спектр специальностей, по которым велась подготовка кадров высшей квалификации в филиале, в 1990-е гг. непрерывно качественно обновлялся.

В вузах России неуклонно повышалась доля студентов, обучающихся в области экономики и права. Так, в СКИ в 1994/1995 учебном году открылись новые специальности «Мировая экономика» (очная форма обучения), «Юриспруденция» (очная форма обучения). Со следующего учебного года уже действовала заочная форма по специальности «Юриспруденция». Кроме того, в марте 1994 г. сначала открылось отделение специального факультета, в ноябре 1995 г. отделение преобразовалось в специальный факультет. Здесь специалистам со средним профессиональным образованием была дана возможность получить высшее образование по сокращенной программе по специальностям «Бухгалтерский учет и аудит», «Товароведение и коммерческая экспертиза качества потребительских товаров», «Экономика и управление на предприятии», с 1997 г. — по специальности «Юриспруденция», 2002 г. — «Финансы и кредит». Лица, имеющие высшее образование, могли теперь приобрести вторую специальность по новым перспективным направлениям развития рыночной экономики. Филиал стал центром подготовки специалистов рыночной экономики, способных работать в различных коммерческих структурах, маркетинговых службах, финансово-расчетных центрах, крупных магазинах, фирмах, сфере внешнеэкономической деятельности, на промышленных предприятиях в нашей стране и за рубежом.

Открытие новых специальностей повлекло за собой и изменение структуры филиала. В 1994/1995 учебном году открыты новые кафедры: иностранных языков, информационно-вычислительных систем, валютно-кредитных и финансовых отношений. В этом же году факультет учета, финансов и банковского дела разделен на два: учета и финансов; мировой экономики и права. Организован также административно-правовой отдел.

С открытием новых специальностей росла численность студентов. В 1999 г. она составила 3 377 чел. (ср.: в

1995 г. — 2 548 чел.). Увеличился прием студентов. В 1999 г. 1 091 чел. принято на 6 специальностей очной и заочной форм обучения. В связи с этим для успешного обеспечения учебного процесса нужны были преподаватели по новым дисциплинам, которые предусматривали учебные планы вновь открытых специальностей. Руководство вуза решило и эту проблему. К началу второй аттестации (1999 г.) филиала профессорско-преподавательский состав увеличился почти вдвое. Следует отметить, что это было достигнуто в основном за счет своих выпускников.

С 1996/1997 по 1998/1999 учебный год 47 чел. пополнили штат профессорско-преподавательского состава. Из них — два доктора наук и 18 кандидатов наук.

В 1996 г. начал функционировать факультет повышения квалификации. Необходимость его открытия продиктована процессом коммерциализации предприятий и организаций потребительской кооперации, которые вместе с приобретением статуса юридического лица получили новые обязанности: самостоятельное ведение учета, планирование спроса и предложения, ориентация в системе налогообложения, решение правовых вопросов и др. Слушатели ФПК — руководители, специалисты отрасли потребительской кооперации и представители рабочих профессий, причем не только из Мордовии, но и из Пензенского, Ульяновского, Нижегородского, Пермского, Свердловского потребсоюзов.

С октября 2003 г. активизировалась работа по повышению квалификации кадров рабочих профессий, осуществляемая по индивидуальным программам с выездом в районные потребительские общества. За 2004 г. 168 продавцов Мордовского потребсоюза получили дополнительные знания по актуальным проблемам товароведения и организации торгового дела в кооперативных магазинах республики. За время работы факультета здесь прошли переподготовку и повысили квалификацию 2 149 слушателей.

В 1997 г. в институте создан еще один образовательный уровень — аспирантура. Московский университет потребительской кооперации делегировал Саранскому кооперативному институту право подготовки в аспирантуре по специальностям «Бухгалтерский учет и анализ хозяйственной деятельности», «Экономика, планирование, организация и управление народным хозяйством и его отраслями», «Фи-

нансы, денежное обращение и кредит». В 2002 г. лицензированы специальности «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в том числе экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами)», «Социальная философия», в 2005 г. — специальности «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности в том числе экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами», «Социальная философия», «Финансы, денежное обращение и кредит (финансы предприятий и организаций)», «Теория и история государства и права». В аспирантуре обучается 50 чел. Таким образом, с открытием аспирантуры воплощается в жизнь намеченная руководством стратегия многоуровневой системы образования.

Совершенствуется структура института. В январе 1997 г. кафедра общенаучных дисциплин разделена на две: высшей математики и физики; физвоспитания. Открыта кафедра «Международных экономических отношений».

С целью повышения эффективности преподавания юридических дисциплин в институте разделена кафедра «Правоведения» на три: государственно-правовых, гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин[2]

С 29 июня по 3 июля 1999 г. институт прошел аттестационную экспертизу. Комиссия в составе представителей Госинспекции, Совета ректоров, экспертов в области образования по специальностям и основным циклам пришла к заключению об аттестации Саранскогго кооперативного института (филиала) Московского университета потребительской кооперации сроком на 5 лет (до 2004 г.)[3]. Институт получил лицензию № 24 Г — 0482 от 1 апреля 1999 г. и свидетельство об аккредитации № 25 — 0517 от 24 мая 1999 г.

Продолжается реорганизация структуры института. В 1999/2000 учебном году открыта подготовка специалистов очной формы обучения по специальности «Товароведение и экспертиза товаров», и сокращен срок обучения по специальностям «Бухгалтерский учет и аудит», «Юриспруденция» (3 года). В этом же учебном году факультет мировой экономики и права разделен на два: международных эко-

номических отношений и юридический. Кафедра общественных наук разделена на две: общественных наук и экономической теории. Открыта специальность «Экономика и управление на предприятии» очной формы обучения, создан отдел производственной практики.

В 2002/2003 учебном году на специальном факультете открыта специальность «Финансы и кредит» со сроком обучения 4 года. На юридическом факультете образована кафедра истории государства и права. Кафедра общественных наук разделена на две: социально-гуманитарных дисциплин, отечественной истории и теории кооперативного движения. Открыта новая специальность «Прикладная информатика в экономике».

К началу очередной аттестации, которая должна была проходить в 2003 г., в институте функционировало 6 факультетов (учета и финансов, заочный, международных экономических отношений, юридический, специальный, повышение квалификации), 16 кафедр и 6 отделов.

Совершенствование структуры учебного заведения на качественно новом этапе развития института потребовало соответствующих кадровых перемещений. Для руководства подразделениями выдвигаются в основном молодые, энергичные, имеющие глубокие профессиональные знания и опыт работы в вузе преподаватели и сотрудники.

В первые четыре года XXI в. наблюдался неуклонный рост численности обучающихся студентов в институте. На 1 октября 2004 г. он составлял 6 184 (в 2000 г. — 4 042 чел.) К 2003 г. по численности студентов, приему и выпуску институт стал третьим среди 7 вузов Республики Мордовия, к 1 октября 2004 г. — вторым.

Быстрыми темпами рос и показатель потенциала образовательного учреждения и эффективности в области высокого качества подготовки специалистов. Кроме штатного состава преподавателей в филиале работают и внешние совместители. Профессорско-преподавательский состав в 2004/2005 учебном году насчитывал 321 чел. (178 штатных, 15 внутренних совместителей, 128 внешних), из них 203 чел., или 63,6 % имеют ученые звания и степени, в том числе 25 чел., или 7,8 % имеют ученую степень доктора наук или звание профессора. Основной штатный состав

составляет 72,3 %. Среди профессорско-преподавательского состава 4 академика, 3 члена-корреспондента различных академий России.

Успехи в научной и педагогической деятельности преподавателей института получили достойную оценку. Так, некоторым из них присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки РМ, заслуженного работника высшей школы РМ, заслуженного работника физической культуры РМ. Профессорско-преподавательский коллектив уделяет серьезное внимание росту научного потенциала, повышению педагогического мастерства своих членов. За последние 10 лет состоялись защиты двух докторских и более 40 кандидатских диссертаций.

Профессиональный рост преподавателей связан с улучшением качества знаний будущих специалистов. Изменение стратегической установки обучения обусловливает своевременную адекватную модернизацию технологии учебного процесса, внедрение в учебный процесс интерактивных методов обучения (ролевые, деловые игры, презентация, тестирование, решение ситуационных и аналитических задач, кейсы, компьютерные деловые игры, мини-исследования, тренинг профессиональных умений, дедукция и др.), т.е. методов активного обучения, стимулирующих самообучение, самовоспитание и саморазвитие. Очевидно, что ролевые функции и студентов и преподавателей изменяются. Преподаватель выступает не только как источник знаний, но и как организатор учебной деятельности, полноправный партнер, показывающий, как можно получать знания, каковы методы их «добывания». Ориентация на овладение методами самостоятельного получения знаний — основное направление новой технологии обучения студентов.

Изменился менталитет преподавательского состава в отношении компьютерных технологий обучения. В учебном процессе используются несколько типов программных продуктов. Наиболее распространенными операционными системами рабочих станций являются Windows 2000 Professional, Windows XP, Microsoft Office 2000 Pro, Антивирус AVP, Dr. Web; используются также прикладные информационные системы 1С: Предприятие, Консультант Плюс, Гарант, 1С:Бухгалтерия 7.7. 1С:Торговля 7.7, Библиотека 5.0. Все

компьютеры объединены в единую локальную сеть и оснащены высокопроизводительными процессорами Celeron, Pentium II, Pentium IV Кафедры института подключены к корпоративной сети и имеют выход в Интернет.

Особое внимание уделяется контролю качества учебной деятельности: взаимопосещению и контрольному посещению занятий заведующими кафедрами и их результативности; проведению ректорских контрольных работ, нулевых сессий, самообследований и т.д.

В институте обеспечение единства подготовки высококвалифицированных кадров и НИР рассматривается как важнейший стратегический ориентир. В вузе создан научный потенциал, который при создании благоприятных условий может оказывать значительное влияние на изменение экономической ситуации в системе потребительской кооперации республики и региона. В настоящее время большая часть научно-педагогического состава принимает активное участие в научных исследованиях. За последние 5 лет наблюдалась устойчивая тенденция роста объемов научных исследований, в основном прикладного характера. Существенно трансформировалась структура НИР по их видам и источникам финансирования, изменилось соотношение между прикладными исследованиями и разработками. За последние 3 года общий объем финансирования достиг 1 148,33 тыс. руб., причем более 59 % — из внешних источников. Заметно возросла доля прикладных исследований в общем объеме, которая составила 77,1 %.

В 2003 г. объем НИР на единицу профессорско-преподавательского состава составил 3,6 тыс. руб., что в 1,4 раза превышает критериальное значение показателя государственной аккредитации, установленного для институтов. Объем НИР, финансируемых из внешних источников на единицу профессорско-преподавательского состава составил 2,2 тыс. руб., что в 2,8 раза превышает его критериальное значение. Научным коллективом института ведется работа в рамках научно-исследовательской темы «Перспективы развития потребкооперации в Мордовии».

Благодаря организации в октябре 1996 г. редакционно-издательского отдела значительно активизировалась издательская деятельность преподавателей института. Общий

объем печатной продукции в период 1996—2004 гг. составил 1 149 п. л., выпущено 371 наименование книг и брошюр. Увеличивается количество изданий учебно-методической литературы с грифом УМО федерального и регионального уровней.

В соответствии с распоряжением Минобразования России комиссия в составе представителей Главного государственного экспертного центра оценки образования Минобразования России, Совета ректоров, экспертов в области образования по специальностям и основным циклам дисциплин с 14 по 18 октября 2003 г. провела аттестационную экспертизу Саранского кооперативного института. Докладывая результаты аттестации на ученом совете, председатель комиссии В.Г.Козлов сделал заключение, что филиал аттестован на предстоящие 5 лет и представляет собой динамично развивающийся самостоятельный академический вуз[4]

2004 г. стал историческим в истории развития вуза. Постановлением Совета Центросоюза РФ от 31 мая 2004 г. № 22-с. и Правлением Центросоюза РФ от 4 июня 2004 г. № 133-п в порядке реорганизации образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский университет потребительской кооперации» путем выделения из его состава создано самостоятельное образовательное учреждение высшего профессионального образования Центросоюза РФ «Саранский кооперативный институт».

Как самостоятельный вуз институт вновь прошел комплексную оценку деятельности. Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки проведена лицензионная экспертиза института и выдана лицензия на право осуществления образовательной деятельности, а также получен приказ от 1 декабря 2004 г. № 461 «Об аттестации и государственной аккредитации образовательных организаций».

Таким образом, Саранский кооперативный институт в настоящее время представляет собой научно-учебный комплекс, осуществляющий многоуровневую подготовку, и реализует образовательные программы начального профессионального, среднего профессионального, высшего профессионального, послевузовского профессионального (аспирантура), дополнительного профессионального (повышение

квалификации руководящих работников и специалистов по профилю вуза), дополнительного (подготовка к поступлению в вуз) образования.

Пройдя аттестацию и лицензирование, институт готовился к государственной аккредитации. Все критериальные значения показателей Саранского кооперативного института были выше утвержденных критериальных значений показателей для институтов, кроме процента докторов наук и (или) профессоров.

Мнение председателя аттестационной комиссии, заместителя руководителя департамента лицензирования, аккредитации и аттестации Министерства образования РФ о том, что филиал вырос в самостоятельный институт, подтвердила Аккредитационная коллегия Минобразования РФ, выдав свидетельство о государственной аккредитации с установлением государственного аккредитационного статуса по типу высшее учебное заведение вида «институт».

По сравнению с 1990 г. в 2005 г. число выпускников дневной формы обучения возросло в 3,71 раза, заочной — в 3,25 раза. За это время выпущено по дневной форме обучения 2 600, по заочной — 6 045 специалистов.

С середины 90-х г. возросло внимание государства к проблемам воспитания. Например, среди основных задач, поставленных перед вузами в Федеральном законе от 22 августа № 125-ФЗ 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», большая их часть имеет воспитательную направленность.

На смену командно-административным методам организации воспитательной работы, основанным на коммунистической идеологии, постепенно в институт пришли методы «ненасильственного» воспитания, предусматривающие установление партнерских отношений между преподавателями и студентами, усиление внимания к использованию внеучебного времени обучающимися, повышение роли органов студенческого самоуправления в жизни института. В институте постепенно сформировалась система организации гуманитарно-воспитательной работы в новых общественно-политических условиях. Если Министерство образования РФ только в 2002 г. вводит в перечень показателей государственной аккредитации вузов воспитательную деятель-

ность, то в институте работа в этом направлении началась уже в 1996 г. В целях координации совершенствования работы по формированию личности студентов, улучшения нравственно-эстетического климата в институте, для более активного участия преподавателей и студентов утверждена должность проректора и введены должности заместителей деканов по воспитательной работе. Основные направления деятельности воспитательной работы — координация деятельности студенческих объединений, студенческий досуг, студенческая художественная самодеятельность, патриотическое воспитание студенческой молодежи, профилактика асоциальных форм поведения в студенческой среде, студенческий спорт, музейное дело, информационно-аналитическая работа.

Таким образом, в институте сформировалась эффективная организационная структура, выполняющая все функции по основным направлениям воспитательной работы. Она не только держит в поле зрения основные вопросы воспитательной деятельности, а целенаправленно управляет ими, планируя, организуя, активизируя и контролируя работу в области мировоззренческого, нравственного, эстетического, патриотического, физического, этического, социально-бытового воспитания.

Большую роль в воспитательной работе института играет студенческое самоуправление. Действуют студенческое объединение по делам молодежи, студенческий совет, профсоюзный комитет, студенческие советы факультетов, советы общежитий.

Для организации воспитательной работы в институте созданы все условия. Мероприятия проходят в двух современно оборудованных актовых залах. Для проведения массовых мероприятий снимается самый большой в республике зал Дома культуры профсоюзов РМ. Создана богатая материально-техническая база. Приобретены мультимедийное, музыкальное оборудование, костюмы, фотоаппараты, микрофоны, видеокамеры и др. В институте сложилась система традиционных праздников, которая оказывает влияние на формирование корпоративности и эмоционально-значимого отношения к вузу. В 2002 г. открыт Музей истории института, осуществляющий экспозиционно-выста-

вочную, учебно-воспитательную и просветительскую работу, пропагандирующий и популяризирующий историю и достижения потребительской кооперации и института. С июня 2002 г. издается газета «Саранский кооперативный институт».

Значительное внимание уделяется здоровому образу жизни студентов. Спортсмены института участвуют во всех республиканских соревнованиях, где занимают лидирующие позиции. Олимпийским чемпионом мира по греко-римской борьбе в г.Афины стал студент специального факультета А.Мишин.

Лучшим студентам института назначаются стипендии Центросоюза РФ, Главы Республики Мордовия, ректорские, премии и другие формы материального поощрения.

Минобразование РФ приказом от 27 декабря 2002 г. ввело в перечень показателей государственной аккредитации вузов показатель «Воспитательная деятельность образовательного учреждения».

Широкий круг критериев воспитательной работы требует адекватной этим масштабам организационно методической и педагогической работы. С введением должности проректора по воспитательной работе с 1996 г. в институте разработаны и реализуются собственные концепции и программы воспитательной работы, и к очередной аттестации 2003 г. накоплен интересный опыт, что положительно сказалось и было отмечено во время аттестации.

В 90-е гг. имели место факторы, негативно влиявшие на показатели, характеризующие состояние материально-технической базы вуза. Высокие темпы увеличения контингента студентов привели к ухудшению показателей обеспеченности учебно-лабораторными зданиями, общежитиями и местами на предприятиях общественного питания в расчете на одного студента. Например, за 1996—2000 гг. в вузах страны обеспеченность учебно-лабораторными зданиями в расчете на одного студента снизилась на 10,7 %. Наблюдалось абсолютное и относительное снижение затрат на развитие материальной базы, что привело к моральному и физическому износу основных средств вузов.

Институтом предприняты усилия по ослаблению влияния этих факторов, велась работа по расширению площа-

дей учебно-лабораторных зданий, техническому их оснащению, реконструкции и ремонту. Например, за 1995—2003 гг. общая площадь учебно-лабораторных помещений и общежитий увеличилась на 26 950,5 м². Это стало возможным благодаря сдаче институту в 1994 г. в аренду на 25 лет учебного здания и общежития Саранского кооперативного техникума; реконструкции в 1995 г. части общежития Саранского кооперативного техникума под учебный корпус № 3; аренде в 2003 г. под учебный процесс площадей средних общеобразовательных школ г.Саранска; приобретению в 2003 г. здания учебного корпуса № 4.

Известно, что наряду с качественным составом преподавателей, высоким уровнем научно-исследовательской работы, профессиональной организацией учебного процесса, немаловажное значение имеет и то, где и в каких условиях осуществляются обучение и формирование будущих специалистов. Решая этот вопрос, в аудиториях, рекреациях всех учебно-лабораторных корпусов проведен евроремонт. Чистые и светлые помещения создают особый эмоциональный настрой и обеспечивают психологический комфорт студентов.

С открытием новых специальностей увеличиваются средства, направляемые на обеспечение студентов и преподавателей новой учебной, учебно-методической и научной литературой. Так, с 1990 по 2004 г. в библиотеку поступило 113 828 экз. литературы, что сделало ее одной из лучших вузовских библиотек республики. Институт обеспечивает каждого обучающегося основной учебной и учебно-методической литературой, методическими пособиями, необходимыми для осуществления образовательного процесса по всем дисциплинам профессиональных образовательных программ в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов. Собственная библиотека института удовлетворяет требованиям примерного положения о формировании фондов библиотеки высшего учебного заведения, утвержденного приказом Минобразования России от 27 апреля 2000 г. № 1246. Фонд библиотеки в настоящее время составляет 201 046 экз. (2 378 названий) и представлен учебной — 61 118, научной — 22 240, нормативно-справочной — 1 068 литературой по всем отраслям знаний.

Начиная с 1995 г. создаются компьютерные классы, которые постоянно обновляются техникой новых поколений. В настоящее время функционируют 10 дисплейных классов, имеющих 226 IBM совместимых компьютеров различной производительности.

Приобретены множительные аппараты, видеокамеры, ксероксы, принтеры, новые модели микрокалькуляторов «CITIZEN–SOC-888», для кабинетов иностранных языков — соответствующая аппаратура (магнитофоны, видеомагнитофоны, телевизоры), для издательского комплекса новейшая аппаратура «РЭНК КСЕРОКС». В 1999 г. все учебные корпуса оснащены электронно-модульной АТС «Panasonic». В 2002 г. закуплено мультимедийное оборудование для актового зала, в 2005 г. — для кафедры социально гуманитарных дисциплин. Оборудованы новые кабинеты криминалистики, зала заседания суда. Имеющиеся кабинеты постоянно пополняются новыми образцами, приборами, современным оборудованием.

Значительные затраты использованы институтом на восстановление разрушенного отсека корпуса № 1, ремонт и приобретение оборудования для актового зала и столовой, которые были полностью разрушены в результате аварии, произошедшей 14 мая 1998 г. Было затрачено 2 745 355 руб. В 1999 г. введены в эксплуатацию вновь оборудованные актовый зал и столовая.

Основной показатель качества работы вуза — востребованность его выпускников на рынке труда. Анализ данных Центра занятости населения Республики Мордовия свидетельствует о незарегистрированности выпускников Саранского кооперативного института на бирже труда.

За годы существования института подготовлен 10 441 специалист, в том числе 6 212 специалистов высшей квалификации для Республики Мордовия, 4 229 — для других областей и республик.

Растет авторитет Института не только в республике, но и за ее пределами. Высокое качество подготовки специалистов, многоступенчатая форма обучения, высокий процент остепененности профессорско-преподавательского состава, своевременность уплаты налогов стали основанием для присуждения институту ряда международных наград:

«Американский золотой сертификат за международный престиж»; «Золотой слиток», «Золотая медаль Ассоциации содействия промышленности», «Человек, определяющий лицо планеты» как наиболее устойчиво работающему предприятию.

В системе потребительской кооперации сложилась парадоксальная ситуация. Центросоюз РФ при наличии мощной системы подготовки (в его составе 3 университета, 3 института, 32 филиала) не имеет высококвалифицированных специалистов, владеющих знаниями современных методов хозяйствования, техники и технологий. В связи с этим перед Центросоюзом РФ стоит задача приведения кооперативного образования в соответствие с потребностями развития потребкооперации. Для того чтобы сохранить потребительскую кооперацию, дать ей новый импульс развития необходима реструктуризация ее деятельности с акцентом на изменение структуры кооперативных учебных заведений. Они должны отвечать за решение потребительской кооперацией социальных проблем села. Почему кооперативная собственность сдается в аренду? Почему мало магазинов, работающих круглосуточно? Почему платятся огромные штрафы, содержатся десятки лишних структур? Во всем этом должны разобраться ученые и в первую очередь как наиболее эффективно выполнить социальную миссию, бороться с бедностью, бездуховностью. Необходимо объединить усилия кооперативных образовательных учреждений всех уровней для оказания практической помощи организациям потребкооперации.

Саранский кооперативный институт принимает меры по решению поставленных Центросоюзом РФ задач. Открыта подготовка специалистов технического профиля по специальностям «Товароведение и экспертиза товаров», «Прикладная информатика в экономике», лицензированы девять специальностей начального профессионального образования, и уже с 2005 г. ведется подготовка рабочих профессий по специальностям «Повар», «Кондитер»; «Продавец», «Контролер-кассир»; «Официант-бармен». Также планируется открытие специальностей «Технология продуктов общественного питания» по высшему и «Технология хлеба, кондитерских и макаронных изделий» по среднему профессиональному уровням.

Открыты десять представительств в Республике Мордовия, Ульяновской, Пензенской, Оренбургской, Свердловской, Пермской областях. Во все области и регионы, обслуживаемые институтом, утверждены кураторы из числа опытных преподавателей-специалистов, призванных оказать помощь в вопросах стабилизации и дальнейшего развития деятельности торговых предприятий, повышении культуры обслуживания покупателей, улучшении работы с пайщиками, организации финансового оздоровления, антикризисного управления и предотвращения банкротства торговых предприятий.

Необходимость реструктуризации высшего образования возникла не только в системе потребительской кооперации, но и всей системе высшего образования в России. Принятая в 2002 г. концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. базируется на Болонской декларации, в которой определена основная цель модернизации — формирование качественно новой системы образования[5]

Новая система образования предполагает значительные изменения в организации учебного процесса и совершенствование плана на основе его блочно-модульного представления. В частности, в вузах должна быть введена система учета трудоемкости учебной работы.

Одним из важных положений Болонского процесса, на что необходимо обратить внимание, является то, что знания выпускников должны быть применимы и практически использованы на пользу всей Европы. Чтобы студенты могли полностью реализовать свой потенциал с точки зрения европейской идентичности и возможности трудоустройства, необходимо создать условия для преодоления лингвистических различий и изучения языка. Все академические степени и квалификации должны быть востребованы европейским рынком труда, для обеспечения признания квалификаций планируется повсеместное использование приложения к диплому, рекомендованное ЮНЕСКО.

Формирование в перспективе общеевропейской системы высшего образования, разработка обобщенной структуры квалификаций для общеевропейского пространства высшего образования будут способствовать существенному расширению права на получение образования в зоне европей-

ского высшего образования, мобильности учащихся, использованию выпускниками полученных знаний и их практическому применению в рамках Европы, гармонизации российской и европейской образовательных систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Кевбрин Б.Ф., Ридин О.Н.* Интегрируя торгово-экономическое образование // Интеграция образования. 1996. № 1. С. 28—30; *Кевбрин Б.Ф.* Диверсификация кооперативного образования // Там же. 1996. № 4. С. 40—42; *Абрамова Н.Н.* Динамика и структура подготовки кадров Саранского кооперативного института // Вестн. Мордов. ун-та. 2000. № 1/2. С. 148—151; *Золотков В.Д.* О многоуровневой системе подготовки специалистов // Интеграция образования. 2001. № 4. С. 93—95 и др.

[2] Архив СКИ. 1997. Материалы комплексной проверки, д. 7.

[3] Там же, 1999. Материалы аттестационной экспертизы, д. 5.

[4] Там же, 2003. Справка аттестационной комиссии Минобразования РФ.

[5] См.: Концепция модернизации Российского образования на период до 2010 г. // Вестн. образования. 2002. №. 6. С. 11.

Поступила 27.03.2006.

А.Н.ТЕСЛЕНКО

СОЦИАЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Условием устойчивого развития любой страны на постсоветском пространстве, пережившей трансформацию политико-экономического устройства, является единство и согласие в обществе. Причем социальный консенсус по поводу возникающих в ходе общественного развития проблем и противоречий необходимо находить в диалоге, цивилизованных переговорах. По сути, речь идет об изменении мышления людей, чтобы рассматривать каждого человека, находящегося в зоне сотрудничества не как пассивный объект благодетельности со стороны государства и общества, а в качестве стратегического ресурса, потенциал которого необходимо широко использовать как *субъекта* социальной практики. Этому призваны способствовать совместные действия органов исполнительной власти, неправительственных организаций (НПО) и широкой общественности.

Утверждение местного самоуправления, развитие самодеятельности населения, социальной инициативы позволяют перейти к реализации принципа *«социального участия»*, суть которого в делегировании государством части своих полномочий местным администрациям, НПО, хозяйствующим субъектам и т.д. Действующий механизм стратегического достижения согласия, предотвращения негативных явлений в общественной жизни — социальное партнерство как элемент гражданского общества.

Если первоначально теория и практика социального партнерства строилась на разрешении противоречий между трудом и капиталом, то в конце XX в. под воздействием

ТЕСЛЕНКО Александр Николаевич, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Института управления, кандидат педагогических наук, доцент (г.Астана).

НТР общество, с одной стороны, получило новые возможности удовлетворения жизненных потребностей, с другой — повысило требования к качеству рабочей силы, ее профессионализму. Особую важность приобрела социально-психологическая составляющая отношений между участниками общественной жизни, появилась необходимость в гуманизации отношений, социальном диалоге.

Социальное партнерство — специфический тип общественных отношений, присущий цивилизованному обществу с рыночной экономикой. Оно характеризуется следующими чертами. Во-первых, между сторонами имеют место как тождественные, так и принципиально различные, противоположные социальные, экономические, политические интересы. Во-вторых, отношения ориентируются не на конфронтацию сторон, а на поиск, достижение социального консенсуса, при котором каждая достигает удовлетворения своих интересов. В-третьих, это отношения, в которых объективно заинтересованы все социальные группы, общество в целом, так как при них достигается социальна стабильность, прогресс[1].

В последние годы в Казахстане наблюдается повышенный интерес к концепции социального партнерства[2] Мировая практика свидетельствует, что в институционализации механизмов социального партнерства важную роль играют взаимосвязи между различными элементами социальной системы общества. Это с особой остротой актуализирует проблему социализации.

Качественные характеристики социализации, отражающие динамику и результаты усвоения и активного воспроизводства индивидом определенных социокультурных ценностей, обеспечивают социальную интеграцию и интериоризацию социального опыта предыдущих поколений. Иными словами, социализацию можно рассматривать как реальную «включенность» человека в существующую систему общественных отношений. Именно в процессе социализации наиболее полно проявляется и осуществляется развитие взаимоотношений индивида с окружающим миром.

Результатом социализации стало освоение молодым человеком опыта, культуры человеческих взаимоотношений с социальной средой, которое сопровождается моделировани-

ем своего жизненного пространства и образа жизни, всей сферы личностного бытия. Особенности социализации личности во многом определяются качественным состоянием, сущностным потенциалом и реальными возможностями окружающей действительности или средовыми факторами, объективно обусловливающими ситуацию социального развития, взаимосуществования природы, человека и общества.

В 1996 г. провинциальный городок Целиноград Указом Президента Республики Казахстан стал столицей молодого суверенного государства. Изменения социального статуса и массовая миграция населения из других регионов Казахстана изменили образ жизни и ментальность его жителей, особенно молодежи. Результаты проведенного социологического исследования показывают, что несмотря на стремительное развитие событий за последние годы, политическая ситуация в республике значительной частью молодежи оценивается как благополучная и спокойная (75,7 %), налицо факт развития демократической политической культуры в сознании казахстанской молодежи. Положительные оценки молодежи характеризуются высокой степенью внутриполитической стабильности, отсутствием межнациональной конфронтации. Сегодня во взглядах молодых людей этот аспект — один из главных политических факторов, способных открыть стране социальные и экономические перспективы развития в XXI в.

Еще одно свидетельство повышения позитивных мнений молодежи о стабильном развитии политических процессов в Казахстане — шестнадцатикратное превышение в оценках политической ситуации показателя «ситуация благополучная» над переменной «положение кризисное». Однако каждый десятый не разделяет оптимизма своих сверстников, уверенных в «политическом благополучии» страны. Особенно это характерно молодым жителям г.Астаны (21,6 %), что является следствием политической активности населения новой столицы, куда перенесена деятельность органов государственной власти, общественных объединений и политических партий (табл. 1).

Несмотря на то, что политическая жизнь в Казахстане в 2003—2005 гг. характеризовалась масштабными избирательными кампаниями по выборам в маслихаты и Мажилис

Заказ № 2806

Таблица 1

Оценка политической ситуации в стране (в половозрастном разрезе, %)

Показатель	14—18 лет		19—25 лет		26—29 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Благополучная	25,8	23,1	21,5	20,1	20,7	19,9
Спокойная	43,5	49,2	56,2	50,8	59,2	55,5
Напряженная	11,3	7,7	9,4	11,0	7,8	10,4
Кризисная	4,8	6,2	1,0	1,3	1,8	1,2
Затрудняюсь ответить	11,3	13,8	10,9	15,7	9,0	11,4

Парламента, большинство молодежи не проявило к ним особого интереса. Для молодежи актуальны межнациональная напряженность и конфликты, угрозы общественному согласию и терроризма. В оценочных суждениях молодежи этот аспект выводит проблему сохранения общественной безопасности на первое место, тогда как другие проблемы политического характера «ускользают» из поля внимания большинства молодых людей.

Почти 32,1 % опрошенной молодежи считает, что террористическая угроза для Казахстана «возможна», тогда как 26,6 % не уверены в этом. Вместе с тем 13,1 % респондентов считают, что в Казахстане нет угрозы террористической атаки, 11,9 % уверены, что эта угроза существует. При этом большинство положительно ответивших на вопрос «Есть ли в Казахстане силы, которые могли бы использовать терроризм для достижения собственных целей?» считают, что это «политическая оппозиция» (11,8 %) и «исламские военные группировки». Как видим, деятельность радикальной оппозиции во взглядах молодежи приобретает более существенное значение, чем «акции» религиозных боевиков. В свою очередь, подобный расклад оценок обусловливает снижение молодежной поддержки радикальной оппозиции, заметно активизировавшей свою деятельность в период выборов. Согласно оценкам молодежи, чрезмерная политизация общества способна породить опасность не столько политического кризиса, сколько социально-экономического потрясения, вызванного политическими факторами.

С другой стороны, результаты социологического опроса показали, что оценочные суждения политической ситуации у большинства респондентов зависят не столько от характера политических тенденций в обществе, сколько от его социально-экономических составляющих. Примечательно, что если Казахстан в будущем видят развивающейся страной в основном работники бюджетных отраслей, то как аграрно-развитую страну его видят в первую очередь фермеры (19,4 %), работники сельского хозяйства (11,9 %) и домохозяйки (10,0 %). Вместе с тем аграрно-индустриальное государство желают увидеть 18,2 % опрошенных и лишь 17,4 % молодежи прогнозирует Казахстану высокоразвитое будущее. Последнее суждение в большей степени характерно для молодежи в возрасте 14—18 лет (21,1 %), которая составила пятую часть от общего числа респондентов. На подобный прогноз менее оптимистично смотрят молодые люди в возрасте 19—25 лет (15,8 %) и 26—29 лет (17,8 %).

В целом прогнозы молодежи относительно общественно-политического и социально-экономического процветания республики основаны на отмеченной в их ответах складывающейся благополучно жизненной ситуации, улучшении материального положения и возможностей заработков. Тем не менее, успехи в экономической сфере и признание на международном уровне, увеличение показателей ВВП, внимание к вопросам социального обеспечения сделали возможным превалирование оптимистических оценок внутри- и внешнеполитической ситуации среди молодого населения. Улучшение экономических показателей оценивается молодежью как условие дальнейшего прогрессивного социально-экономического и политического развития республики.

В настоящее время очевидно, что политическая ситуация в Казахстане, как и социально-экономическая, характеризуется положительными тенденциями повышения ее основных показателей. Тем не менее, закономерности рыночной экономики вызывают проявление дифференциации во мнениях и позициях молодых жителей столицы относительно политических проблем, существующих в современном Казахстане. В оценочных суждениях респондентов проглядывает некая размытость и неконкретность в отношении определения характера проблемы. Многие рассматривают

политические проблемы сквозь призму социальных или общеэкономических позиций (табл. 2).

Таблица 2

Актуальные проблемы современного Казахстана в оценках молодежи, %

Градации	В целом	Национальность		
		казахи	русские	другие
Коррупция, злоупотребление в органах власти	44,3	43,0	45,7	45,5
Миграционные процессы (отток населения, беженцы)	10,6	9,1	14,2	9,4
Несоблюдение прав и свобод	19,1	20,5	17,3	18,5
Нарушение прав по национальному признаку	7,8	6,1	10,3	9,4
Падение уровня культуры людей	22,8	22,0	24,7	21,2
Деятельность иностранных компаний	8,5	10,7	6,5	4,8
Распространение наркотиков и наркобизнеса	31,6	32,9	29,5	31,2
Рост преступности в молодежной среде	29,8	29,8	29,6	30,9
Безразличие властных структур к запросам молодежи	11,6	11,4	11,5	12,7
Загрязнение окружающей среды	23,6	24,4	22,4	24,5
Рост влияния на Казахстан со стороны иностранных государств	6,9	7,5	6,7	5,2
Угроза военных конфликтов с территории сопредельных государств	6,1	5,6	7,4	5,8
Угроза религиозного экстремизма и международного терроризма	9,1	9,4	7,2	12,1
Языковая проблема	15,9	13,4	19,7	17,0
Расслоение населения на богатых и бедных	17,9	18,3	18,0	16,7
Затрудняюсь ответить	4,5	4,9	3,7	3,9

Таким образом, по данным социологического исследования, наиболее актуальными проблемами современного казахстанского общества молодежью обозначены коррупция, злоупотребления в органах власти (44,3%), распространение наркотиков и наркобизнеса (31,6 %), рост преступности в молодежной среде (29,8 %), загрязнение окружающей среды (23,6 %), низкий уровень культуры населения (22,8 %). Несмотря на существование в обществе сугубо политических проблем, именно эти факторы нашли наиболее яркое отражение во взглядах большинства молодых людей.

К сожалению, современное казахстанское общество до сих пор не избавилось от издержек авторитарной системы, где налицо отсутствие вариативности различных моделей политического поведения граждан. Если учитывать тот факт, что важнейшей составляющей участия в политике, побудительным элементом активного проявления в многогранном процессе властных отношений выступает интерес как потребность к познанию и владению информацией, то сегодняшняя казахстанская молодежь обделена этим качеством. К примеру, почти четверть респондентов, участвовавших в исследовании, составляет группу аполитично настроенных граждан (23,8 %). При этом наиболее популярна среди столичной молодежи позиция «иногда обсуждаю политические события с близкими» (38,8 %). В целом в той или иной мере интересуется политическими событиями в стране 69,2 % участников опроса. Однако интерес молодежи демонстрирует положение скорее стороннего наблюдателя, чем активного деятеля на политической арене. По результатам исследования, только 4,4 % молодежи участвовали в политической деятельности в течение года. Это лишний раз подтверждает тезис о крайне низком уровне политической активности молодежи (табл. 3).

Вместе с тем потенциал политически активной части современной казахстанской молодежи можно определить по ее отношению к той или иной форме участия в политике. По результатам социологического опроса, молодые астанчане отдают предпочтение демократическому взаимодействию с общественно-политическими институтами.

К наиболее продуктивным формам политического участия молодые люди относят участие в деятельности моло-

Таблица 3

Интерес казахстанской молодежи к политике (в половозрастном разрезе, %)

Градации	14—18 лет		19—25 лет		26—29 лет	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Внимательно слежу за политикой	22,6	10,8	25,9	19,6	37,6	23,7
Не слежу, но обсуждаю политику с близкими	29,0	49,2	40,4	42,8	32,3	39,8
Лично участвую в политических событиях	6,5	7,7	4,8	4,9	4,8	3,3
Политикой не интересуюсь	33,9	19,9	21,8	25,8	19,7	27,5
Затрудняюсь ответить	8,0	15,4	6,2	6,9	4,7	5,6

дежных общественных объединений, политических партий и органов местного самоуправления. За последние два года несколько возросло и число сторонников участия в митингах, демонстрациях, забастовках, голодовках. Это говорит об увеличении числа молодежи с протестным сознанием, что, на наш взгляд, прежде всего связано с ее социально-экономическими проблемами (табл. 4).

Таблица 4

Мотивы участия в акциях протеста, %

Мотив	2002 г.	2004 г.
Ущемление гражданских прав	27,0	35,5
Несвоевременная выплата зарплаты	13,6	19,1
Безработица и ее угроза	15,8	25,3
Коррупция, бездействие правоохранительных органов	12,6	16,5
Рост цен на товары первой необходимости	7,4	9,3
Произвол работодателей	8,1	10,6
Ухудшение медицинского обслуживания	5,4	5,8
Национальная дискриминация	10,6	13,6
Недоступность профессионального образования	3,0	4,0
Отключение газа, воды, электричества	2,3	3,8
Рост цен на коммунальные услуги	4,0	5,9
Вымогательство администрации учебных заведений	4,3	4,0
Ущемление свободы печати	1,5	1,8
Ущемление прав общественно-политических организаций	1,0	1,9
Имущественное расслоение	2,0	3,0
Другое	0,6	2,5
Затруднились ответить	4,1	16,5

Готовность участвовать в массовых политических формах протеста более присуща молодому населению в возрасте 19—29 лет, в то время как среди юношей и девушек в возрасте 14—18 лет этот показатель относительно низок. В национальном разрезе высоко протестное сознание молодых людей русской национальности, что, на наш взгляд, обусловлено проблемами национальной самоидентификации.

Интересная тенденция в последние годы наблюдается во взглядах молодежи на возможное ее участие в политике по профессиональному признаку. При этом в протестных акциях готова участвовать не только социально уязвимая часть, но и благополучная в профессиональном отношении молодежь. Так, результаты опроса по социально-профессиональной категории молодежи показывают, что 55,2 % молодых людей, занимающих руководящие должности, готовы участвовать в митингах, если произойдет ущемление их прав и свобод, далее идут работники государственных органов управления (45,8 %), науки (42,6 %), здравоохранения (42,0 %) и военнослужащие (38,1 %). Закономерно, что по мотиву «безработица или ее угроза» участвовать в митингах готовы безработные (43,5 %) и домохозяйки (26,4 %), однако этот же мотив может побудить к протесту работников здравоохранения (29,5 %) и сельского хозяйства (28,0 %). Несвоевременная выплата заработной платы, стипендий и пособий стала главным мотивом участия в акциях протеста работников сельского хозяйства (27,4 %), здравоохранения (22,7 %) и строителей (21,0 %). Наконец, проявление коррупции побуждает к протесту прежде всего предпринимателей (30,3%), военнослужащих (28,6 %) и руководителей предприятий (24,1 %).

Таким образом, наиболее эффективными молодое поколение казахстанцев считает не силовые, а гражданские методы политического участия. В случае же ущемления личных интересов значительная часть молодежи считает себя способной прибегнуть к массовым акциям протеста. Все это — яркое проявление того, что у современной молодежи формируется соответствующая современным реалиям демократическая политическая культура. Как известно, этот аспект предполагает наличие у представителей гражданского общества определенного протестного потенциала как защитного механизма от нарушений закон-

ных прав и интересов граждан, различных форм дискриминаций.

В свою очередь, этот результат можно констатировать как реальное достижение проводимых политических преобразований в республике за годы независимости. При таком раскладе одной из основных задач органов государственной власти является обеспечение гарантированных конституционных прав и свобод граждан и предотвращение условий, способствующих росту социально-политической напряженности.

Сегодня очевидно, что в правовом отношении система гарантированности прав и свобод граждан страны в целом и молодежи, в частности, лишена особых противоречий. Однако существует расхождение во мнениях и оценочных суждениях молодежи относительно характера соблюдения их законных прав и свобод. При этом нетрудно заметить, что большинство опрошенных в своих оценках руководствуется практической стороной проблемы. Этот факт демонстрирует наличие издержек в механизмах реализации законов со стороны исполнительных органов государственной власти, присутствие в сознании молодежи правового нигилизма, вызванного незнанием своих прав и возможностей.

Политика как одна из сфер публичной жизни общества и гражданина, несомненно, имеет молодежное измерение. В любом обществе индивиды и группы приобщаются к системе ценностей, у них формируются определенные политические ориентации, приемлемые формы политического поведения. В ходе этого процесса молодой человек осваивает социальные роли гражданина, идентифицирует себя с государством, обществом, конкретной социальной и этнокультурной группой, определяющих его позиции в системе общественных отношений. Гражданski социализироваться — это означает становиться участником социально-политической жизни, формировать в себе гражданское сознание и самосознание, овладевать выработанными человечеством навыками общественной деятельности и поведения. В современном обществе процесс гражданской социализации — это прежде всего *овладение демократическими ценностями, нормами и культурными образцами.* Результат такой социализации в идеале — зрелый гражданин, не подверженный колебаниям политической конъюнктуры, способный без посторонней помощи и подсказки принять решение по

важнейшим вопросам. Такой человек сам определяет свои позиции и делает выбор, несет ответственность за поведение, в том числе и в сфере политики, имея собственные представления о своих правах и обязанностях.

В этом плане казахстанская молодежь демонстрирует значительные трансформации, выражаемые в самооценке, поведении, ценностных ориентациях и проявляющиеся в общей социальной апатии, кризисе нравственных ценностей, падении престижа честного труда, росте гедонистических и потребительских настроений. Увеличивается разрыв между растущими запросами молодежи и возможностями их удовлетворения. В значительной мере это обусловлено коммертизацией и вестернизацией сферы культуры, популяризирующими через СМИ нравственные образцы и стиль жизни потребительского общества. Существующая низкая субъектная включенность молодежи в социально-политические процессы формирующегося гражданского общества развивает *адаптационный механизм социализации*, что значительно тормозит инновационные по своему характеру реформы в Республике Казахстан.

Переход от традиционного к современному типу общества связан с усложнением форм и условий освоения социальных ролей, гражданской идентификации со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. В связи с этим современное общество обязано предоставлять определенный период времени каждому молодому человеку, создавая условия для освоения этой роли на необходимом уровне. Для этого нужна целенаправленная, систематическая пропагандистская работа в молодежной среде через СМИ и систему образования с целью формирования у молодежи *казахстанского патриотизма.* Такого рода социализация должна осуществляться и всеми социальными институтами, где происходит становление личности, формирование ее гражданских качеств и правовой культуры на принципах социального партнерства и диалога поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Социальное партнерство. М., 1999. С. 193.

[2] См.: *Назарбаев Н.А.* Послание Президента РК к народу Казахстана, 2004 г.

Поступила 27.01.2006.

И.Н.КРАКОВСКАЯ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Одна из важных и наиболее сложных задач социально-экономической политики регионов — сохранение и приращение человеческого капитала, являющегося в современных условиях основным фактором экономического роста, источником благосостояния общества. С позиций микроэкономики человеческий капитал — это совокупность личностных характеристик (профессиональные знания и навыки, деловые качества, здоровье и т.д.), определяющих ценность человека как работника и способных приносить ему доход. На мезо- (региональном) уровне понятие «человеческий капитал» характеризует профессиональные качества рабочей силы, ее экономическую активность и мотивацию к труду[1]

Величина человеческого капитала в регионе определяется численностью трудоспособного и экономически активного населения, уровнем его образования, средней продолжительностью жизни, здоровьем. Для улучшения этих показателей используются различные инструменты социальной политики, в числе которых важную роль играют целевые программы развития здравоохранения, образования, социальной защиты населения, направленные на решение неотложных демографических и социальных задач. Такие программы активно реализуются на региональном уровне, в том числе и в Республике Мордовия. Однако в регионе сохраняется ряд проблем, препятствующих развитию человеческого капитала. К основным следует отнести сокращение численности и старение населения за счет естественной и миграционной убыли, низкие показатели рождаемости;

КРАКОВСКАЯ Ирина Николаевна, доцент кафедры экономики и логистики Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

низкая экономическая активность населения, высокий уровень безработицы (особенно структурной) и напряженность на рынке труда; сохраняющиеся высокие показатели бедности, усиление расслоения населения по уровню доходов, отставание уровня жизни населения жителей республики от среднего по России; недостаточная обеспеченность населения отдельными объектами социальной инфраструктуры; ухудшение показателей здоровья жителей республики, снижение качества и доступности медицинской помощи; низкие объемы и темпы жилищного строительства, недостаточная степень благоустроенности жилищного фонда, повышенная нагрузка на население в решении жилищных проблем.

На протяжении многих лет в республике складывается неблагоприятная демографическая ситуация, связанная с сокращением численности населения. По сравнению с 1970 г., когда численность населения РМ была наибольшей (1 032,9 тыс. чел.), к 2005 г. она сократилась на 166,5 тыс. чел. Особенно интенсивное сокращение началось с 1996 г. — на 5—10 тыс. чел. в год[2] Неблагоприятная демографическая ситуация характерна для многих районов республики.

Причины естественной убыли населения — низкие показатели рождаемости и высокая смертность. Так, общий коэффициент рождаемости в РМ в 1999—2004 гг. незначительно увеличился (с 7,5 до 8,4 родившихся на 1 тыс. чел.), но так и не достиг среднего уровня Приволжского федерального округа и РФ (10,0 и 10,2 чел. соответственно)[3] При этом коэффициент смертности характеризуется неустойчивой динамикой (колеблется в пределах 16—17 умерших на 1 тыс. чел.) и постоянно превышает среднероссийский уровень. В результате, коэффициент естественной убыли населения в республике стабильно выше соответствующих показателей ПФО и РФ и имеет тенденцию к увеличению.

Неблагоприятная возрастная структура населения Мордовии обусловливает низкую, по сравнению со средним по РФ. экономическую активность. Уровень экономической активности населения в республике достиг среднего по России показателя (65 %) только к 2004 г., в предшествующие годы всегда отставал от российского уровня на 2—3 %. Одновременно сохраняется значительная напряжен-

ность на рынке труда региона. Уровень безработицы в 1999—2004 гг. имел тенденцию к снижению, но все же остается достаточно высоким. В 2004 г. в республике 26,5 тыс. чел. (6,0 %) были не заняты и активно искали работу. В декабре 2004 г. число незанятых граждан, состоящих на учете в службе занятости, составило 9 251 чел., из них статус безработного имели 8 492 чел. Официально зарегистрированы в органах службы занятости в качестве безработных 8,5 тыс. чел., или 2 % экономически активного населения. Численность безработных в расчете на одну заявленную вакансию в РМ в 2004 г. увеличилась с 2,4 до 3,7 чел. и остается больше, чем в среднем по ПФО (1,9 чел.) и по России (2,2 чел.)[4]

Характерная особенность и проблема рынка труда республики — его перенасыщение работниками с высшим и средним полным образованием при относительной нехватке трудовых ресурсов со средним специальным образованием. Лица со средним специальным образованием составляют меньшую (по сравнению со среднероссийской) долю в структуре занятого населения (26 % в РМ и 31 % в РФ), и одновременно больший, чем в среднем по России, процент в общей численности безработных (26,5 % в РМ и 20,7 % в РФ)[5] Предприятия республики уже сталкиваются с проблемой нехватки высококвалифицированных специалистов рабочих профессий.

Причины неблагоприятной демографической ситуации в Мордовии в значительной степени обусловлены проблемами в социальной сфере. Так, один из важнейших факторов миграционного оттока населения — низкие доходы, вынуждающие многих граждан республики искать работу в регионах с более высоким уровнем оплаты труда. По показателю среднедушевых денежных доходов в 2003—2004 гг. Мордовия занимала 71—70 место в РФ и 13—11 место в ПФО[6]

В последние годы реальные денежные доходы населения, реальная заработная плата и пенсии в республике растут темпами, сопоставимыми со среднероссийскими. Несмотря на это, доходы населения республики остаются низкими как в абсолютном выражении, так и в соотношении с величиной прожиточного минимума[7]. Среднемесячная начисленная заработная плата в республике в 2004 г. сложилась на

уровне 4 013,6 руб., или 183,3 % от величины прожиточного минимума (в РФ — 263 %). Средняя номинальная заработная плата, начисленная за декабрь 2004 г., в крупных, средних и малых организациях РМ (с учетом дорасчета) составила 5 085,1 руб. По сравнению с ноябрем 2004 г. она увеличилась на 21,9 %, с декабрем 2003 г. — на 13,2 %. Реальная заработная плата, рассчитанная с учетом индекса потребительских цен, в декабре 2004 г. составила 120,9 % к уровню ноября 2004 г. и 96,8 % к декабрю 2003 г. Средний размер месячных пенсий составил в РМ 1 827,0 руб. или 89,8 % прожиточного минимума (в РФ — 106 %).

Все основные показатели дифференциации доходов населения также свидетельствуют о сохраняющемся уровне бедности жителей республики. Удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума в РМ сокращается, но остается существенно выше, чем в среднем по России (в 2004 г. в РМ этот показатель составил 31,2 %, в РФ — около 25%). Во многих районах Мордовии среднедушевые доходы граждан не достигают величины прожиточного минимума.

Высока зависимость доходов населения от социальной политики государства. 23 % денежных доходов в РМ формируются за счет социальных выплат (в том числе пенсий, пособий и социальной помощи) и только 14 % — за счет доходов от предпринимательской деятельности и собственности. В ПФО и РФ доля социальных выплат не превышает 16 %, и около 17 % доходов граждане получают от предпринимательской деятельности и собственности. Как следствие, в Мордовии регистрируются малые, по сравнению со среднероссийскими показателями, объемы потребления и сбережений на душу населения, низкий удельный вес сбережений в структуре использования денежных доходов.

К числу факторов, отрицательно влияющих на качество жизни в республике, следует отнести недостаточную обеспеченность населения отдельными объектами социальной инфраструктуры, в частности дошкольными учреждениями. Так, в республике за последние годы существенно увеличилось число детей, приходящихся на 100 мест в дошкольных учреждениях (1999 г. — 89 чел., 2003 г. — 106, 2004 г. — 103; в ПФО — 84, в РФ — 86 чел.), при этом довольно низок показатель охвата детей дошкольными учреждения-

ми (в 2003 г. в РМ — 52,2 % детей дошкольного возраста, в ПФО — 63,4, в РФ — 58,1 %)[8]. Новые же дошкольные учреждения за последние 6 лет в действие не вводились, их общее количество в республике сократилось с 1999 г. на 58.

Снижение качества жизни населения республики проявляется также в ухудшении показателей здоровья граждан. Заболеваемость населения (число зарегистрированных больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1 тыс. чел.) в республике ниже, чем в ПФО и РФ, но существует опасная тенденция роста этого показателя, причем темпами, превышающими среднероссийские. Одновременно увеличивается объем платных медицинских услуг на душу населения в сопоставимых ценах, снижается качество медицинской помощи и доступность медицинских услуг для населения с низкими доходами. Финансирование отрасли здравоохранения через систему обязательного медицинского страхования пока не решает эту проблему. В связи с этим весьма актуальной и своевременной является реализация национального проекта «Здоровье».

Не снижается и острота жилищной проблемы в республике. Объемы жилищного строительства явно недостаточны по сравнению с потребностью в жилье. Так, в РМ ввод в действие общей площади жилых домов (кв. м на 1 тыс. чел.) значительно меньше аналогичных показателей в ПФО и РФ (в 2003 г. в РМ было сдано 173,5 кв. м., в 2004 г. — 179,9 кв. м. жилья, в РФ — 250 кв. м). Ввод в действие квартир (ед. на 1 тыс. чел.) также отстает от среднероссийских показателей (2001 г. РМ — 2,3, РФ — 2,6, 2002 г. РМ — 1,8, РФ — 2,8, 2003 г. РМ — 2,0, РФ — 3,0, 2004 г. РМ — 2,1). При этом более 13 % всех семей в республике стоят в очереди на получение жилья, из них реальные шансы получить квартиру имеют лишь 1—2 % семей. Для сравнения, в целом в РФ очередниками являются примерно 9 % семей, из которых ежегодно получают жилье около 4—5 %[9]. Улучшить ситуацию в этом вопросе призваны национальный проект строительства комфортного и доступного жилья, а также оптимизация системы ипотечного кредитования.

Удельный вес жилых домов, построенных населением за свой счет и при помощи кредитов банков, превысил 60 % общего объема жилищного строительства в республике.

Эта доля продолжает расти — в ПФО она едва достигает 50 %, а в РФ составляет немногим более 40 %. При этом в РМ цены на жилье превышают среднедушевые годовые доходы примерно в 4 раза, в РФ — в 3 раза[10] Нисколько не умаляя значимости для республики программ ипотечного жилищного кредитования, заметим, что население Мордовии несет повышенную нагрузку в решении своих жилищных проблем.

Улучшение демографических и социальных показателей развития Республики Мордовия, создание условий для повышения благосостояния населения, развития человеческого капитала и трудового потенциала — приоритетная проблема региональной социально-экономической политики. Первоочередной задачей является улучшение качества жизни сельского населения. Это касается прежде всего постепенного сближения жизненных стандартов в сельской и городской местностях, в столице республики и районных центрах, а также в районах с высоким и низким социально-экономическим потенциалом. К параметрам, по которым требуется такое сближение, прежде всего относятся квалифицированные рабочие места, денежные доходы, доступность образовательных, медицинских, культурных, информационных и других услуг, связь, жилье, жилищно-коммунальное обслуживание и др.

Инвестиционные мероприятия по развитию системы здравоохранения, образования, социальной защите населения, обеспечению сохранности культурного наследия являются неотъемлемым элементом подавляющего большинства целевых программ социально-экономического развития республики. Целевые комплексные программы играют ключевую роль в инвестиционном развитии социальной сферы региона, несмотря на их неустойчивое финансирование и слабую скоординированность программных мероприятий. Со второй половины 1990-х гг. в Мордовии осуществлялись проекты социальной направленности в рамках более чем 40 целевых программ (в числе важнейших можно назвать Федеральную программу экономического и социального развития РМ на 1996—2000 г., Республиканскую Программу социально-экономического развития РМ на 2001—2005 гг., программы «Дети Мордовии», «Национальная школа», «Медицина катастроф» и др.)[11]

За 2000—2004 гг. инвестиции в основной капитал отраслей здравоохранения, физической культуры и соцобеспечения республики за счет всех источников увеличились в сопоставимых ценах в 4,9 раза, образования — в 2,1 раза, в РФ прирост этих показателей составил только 31 и 26 % (таблица)[12]

Таблица

Динамика инвестиционной активности в отраслях социальной сферы Российской Федерации и Республики Мордовия

Отрасль	Инвестиции в основной капитал по отраслям экономики, в фактически действующих ценах							
	Российская Федерация, млрд руб.				Республика Мордовия, млн руб.			
	2000 г.	2004 г.	Спад / прирост 2004 г. к 2000 г., %	Доля в общем объеме инвестиций, 2004 г., %	2000 г.	2004 г.	Спад / прирост 2004 г. к 2000 г., %	Доля в общем объеме инвестиций, 2004 г., %
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	33,8	73,7	+31,3	2,7	89,5	787,0	+493,7	9,5
Образование	22,1	46,4	+26,4	1,7	65,9	244,0	+207,9	2,9

Следует отметить, что значительный прирост капиталовложений в социальную сферу республики достигнут при поддержке федерального бюджета. Расходы консолидированного бюджета Мордовии на образование в 2004 г. составили в расчете на душу населения 1 978,0 руб. (9,9 % от общей величины расходов бюджета в 2004 г.), расходы на здравоохранение и социальную политику — 2 755,1 руб. (13,8 %)[13] В РФ эти доли составляли соответственно 12,0 и 15,6 %[14], то есть по сравнению с другими регионами РФ расходы бюджета РМ на социальную сферу не столь велики. Необходима дальнейшая активная работа по финансовому обеспечению демографической и социальной поли-

тики в регионе, развитию внебюджетных источников финансирования социальной сферы.

Решение проблем сохранения и развития человеческого потенциала республики в целом и отдельных ее территорий предстоит обеспечить в условиях относительного снижения фискальной нагрузки на экономику. Соответственно, социально значимые цели должны быть достигнуты при оптимальном использовании бюджетных средств и других ресурсов. Необходимо вводить в тех областях социальной политики, где это возможно, «бюджетирование по результатам», нормативное подушевое финансирование, развивать программно-целевые и конкурсные механизмы финансирования государственных и негосударственных организаций, предоставляющих социальные услуги. Применение механизмов финансирования организаций по факту предоставления услуг, более широкое распространение практики государственного заказа позволит сократить число экономически неэффективных и общественно малозначимых учреждений социального обслуживания. Высвобождаемые средства можно будет направить на финансирование наиболее востребованных социальных услуг, в том числе в рамках программ адресной социальной помощи.

Таким образом, для сохранения и приращения человеческого капитала республики требуется значительное повышение эффективности социальной политики. Стратегически важным является сглаживание различий в уровне социально-экономического развития районов и городов республики. Очевидно, что республиканская политика в отношении человеческого капитала не может и не должна осуществляться в отрыве от общей стратегии экономического развития региона. Само по себе совершенствование трудовых ресурсов бессмысленно без развития производственного потенциала, создания новых рабочих мест, гарантированной оплаты труда, обеспечения иных социальных гарантий, в частности права на жилье, образование и качественное медицинское обслуживание. В связи с этим программа развития человеческого капитала республики на ближайшую перспективу должна содержать действенные меры по формированию конкурентоспособной системы образования, обеспечивающей потребности экономики в квалифицированных специалистах и поддерживающей науч-

ный потенциал, модернизации систем здравоохранения и социальной поддержки граждан, оптимизации использования государственных ресурсов в интересах граждан — потребителей социальных услуг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Тарануха Ю.В., Земляков Д.Н.* Микроэкономика: Учебник / Под общ. ред. А.В.Сидоровича. М., 2002. С. 236—253; *Дятлов С.А.* Основы теории человеческого капитала: Учебник для вузов. СПб., 1994. С. 6—12.

[2] Здесь и далее статистические данные по Республике Мордовия по 2003 год. включительно приведены по стат. ежегоднику «Республика Мордовия — 2004». Саранск, 2005; статистические данные за 2004 год. — по стат. бюллетеню «Социально-экономическое положение Республики Мордовия. Январь 2005». Саранск, 2005.

[3] См.: Россия в цифрах — 2005 год. Федеральная служба государственной статистики [режим доступа // http://www.gks.ru]

[4] См.: Социально-экономическое положение Республики Мордовия. Январь 2005. Офиц. издание. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РМ. Саранск, 2005. С. 64.

[5] Социально-экономическое положение России — 2005 год. Федеральная служба государственной статистики [режим доступа // http://www.gks.ru]

[6] См.: Россия в цифрах — 2005 год...

[7] См.: Там же; Российский статистический ежегодник — 2004. Офиц. издание. Федеральная служба государственной статистики, Информационно-издательский центр «Статистика России». М., 2005. С. 175—221.

[8] См.: Республика Мордовия — 2004. Стат. ежегодник. Саранск, 2005; Социально-экономическое положение Республики Мордовия. Январь 2005. Офиц. изд. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РМ. Саранск, 2005.

[9] См.: Россия в цифрах — 2005 год...; Российский статистический ежегодник — 2004...

[10] Там же. С. 636—638.

[11] Целевые программы, принятые к финансированию из республиканского бюджета. Справка Министерства экономики РМ. Саранск, 2004.

[12] См.: Социально-экономическое положение России — 2005 год...

[13] См.: Социально-экономическое положение Республики Мордовия. Январь 2005... С. 48.

[14] См.: Россия в цифрах — 2005 год...

Поступила 20.03.2006.

И.И.ОСИПОВА

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ДЕВИАНТНЫМ И ДЕЛИНКВЕНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Актуальной проблемой современного общества является рост преступности несовершеннолетних. За последние годы она претерпела ряд существенных изменений: «помолодела», увеличилась доля тяжких телесных повреждений и убийств (возраст самых молодых преступников — 7—9 лет). Настораживает тот факт, что большая часть тяжких преступлений совершается без каких-либо видимых причин, преследуя цель — развлечься, поглумиться над жертвой, причинить особые страдания потерпевшему, т.е. преступление становится формой самоутверждения подростков и молодежи.

В 2004 г. на территории России зарегистрировано свыше 140 тыс. преступлений, совершенных на бытовой почве, более 8 тыс. фактов вовлечения в совершение преступлений несовершенолетних. На учете в органах внутренних дел состоит свыше 354 тыс. несовершеннолетних правонарушителей[1] Ежегодно несовершеннолетними совершается около 120 тыс. преступлений, 8 тыс. подростков по приговору суда направляются для отбывания наказания в воспитательные колонии для несовершеннолетних. Свыше 100 тыс. несовершеннолетних преступников ежегодно осуждаются условно. Эта мера наказания, не имеющая реальных рычагов и механизмов перевоспитания подростков, как правило влечет совершение несовершеннолетними повторных преступлений, более тяжких по составу.

В связи с этим актуализируется проблема поиска адекватных путей и способов ресоциализации несовершенно-

ОСИПОВА Ирина Ильинична, российский эксперт международных проектов Европейского Союза «Развитие системы социальных служб для уязвимых групп населения-2» и «Дети и молодежь групп риска», кандидат социологических наук (г.Москва).

летних с криминальным поведением: условно осужденных и возвращающихся из мест лишения свободы. Под ресоциализацией мы понимаем процесс усвоения новых ценностей, ролей, навыков, вместо прежних, недостаточно усвоенных или устаревших[2]

Анализ деятельности субъектов системы профилактики, определенной в рамках действующего федерального законодательства, деятельность которой направлена на работу с семьей и детьми в целях профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних, позволила выявить ряд проблем.

Отсутствие межведомственного взаимодействия, преемственности в деятельности, обмене информацией при работе с семьей и детьми групп социального риска значительно снижает эффективность деятельности ведомств и служб с этими целевыми группами. Каждое ведомство имеет свой банк данных, информация которого недоступна для других организаций, работающих с этой же категорией. Содержание, результаты профилактической и реабилитационной работы неизвестны и недоступны специалистам других ведомств. Это создает проблему прерывности, бессистемности процессов реабилитации и ресоциализации несовершеннолетних. Специалисты системы профилактики не имеют представления о формах, методах работы, ресурсах, возможностях, кадровом потенциале своих коллег, что ведет не только к отсутствию взаимодействия, но и доверия к деятельности специалистов разных ведомств, единого информационного пространства в этой области, что также не позволяет иметь семьям и детям представление о возможности получения помощи и консультаций со стороны различных специалистов. Стремительно развивающаяся и практически оформившаяся за последнее десятилетие система социальной защиты населения значительно опередила теоретическое осмысление современных тенденций и содержания социальной практики. Комплексность социальных проблем требует разработки междисциплинарных технологий их разрешения. Отсутствие в российской социальной практике служб сопровождения семьи и детей групп риска не позволяет оценивать результаты их реабилитации и ресоциализации, что ведет к рецидивам противоправного поведения, общественным аномиям.

Субъектами системы межведомственного взаимодействия в интересах семьи и детей являются ведомства образования и науки, здравоохранения и социального развития, молодежной политики, службы занятости, исполнения наказаний, правоохранительные органы, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, культура, спорт, общественные и некоммерческие организации, работающие с семьей и детьми.

Основной компонент модели межведомственного взаимодействия — информационно-аналитический для изучения потребностей, запросов, проведения мониторинга качества услуг, предоставляемых учреждениями различных ведомств населению, проведения междисциплинарных консультаций и консилиумов, оценки эффективности индивидуальных реабилитационных программ. Этот компонент отражает основной запрос специалистов на создание единого унифицированного межведомственного банка данных семьи и детей групп риска в регионах, механизмов информационного обмена, единых алгоритмов работы с целевыми группами, с учетом результатов деятельности предыдущих ведомств.

Не менее важным компонентом стала система предоставления специалистам различных ведомств единых профессиональных знаний в области медицины, психологии, педагогики, социальной работы, права и др., что позволяет формировать единые подходы, методы в работе с семьей и детьми, использовать опыт, знания и ресурсы специалистов всех ведомств, работающих с конкретным случаем. Значим и реабилитационно-профилактический компонент, направленный на разработку межведомственных программ реабилитации, ресоциализации несовершеннолетних. Разрабатываемые, утверждаемые и контролируемые межведомственными комиссиями, консилиумами, советами и т.д. программы определяют механизмы, формы и инструменты взаимодействия (договора, соглашения о партнерстве, патронаже, преемственности услуг, новые виды помощи).

К технологическому компоненту следует отнести методы и приемы раннего выявления семейного неблагополучия, насилия, девиантного и делинквентного поведения несовершеннолетних, ресоциализации несовершеннолетних выпускников государственных и специализированных учреждений, закрытых специальных учреждений для несовершен-

нолетних правонарушителей и преступников, а также организация трудовой занятости семей и детей групп риска, профессиональное сопровождение детей и подростков наставниками, шефами, кураторами для расширения и развития социального окружения, компетентности и др.

Важным компонентом является межведомственный координационный орган (совет, комиссия), обеспечивающий разработку, анализ, изучение механизмов сопровождения целевых групп, нормативных документов, закрепляющих инновации, региональных программ. Системообразующим фактором модели стало создание информационно-ресурсного центра, способного реализовать информационные, методические, обучающие и просветительские компоненты системы[3].

Так, в рамках проекта «Развитие системы социальных служб для уязвимых групп населения» в Кировской области разработана Карта социального сопровождения как инструмент межведомственного взаимодействия при интеграции несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении: сирот, беспризорных, жертв насилия, освобождающихся из мест лишения свободы, условно осужденных и др. категорий. В Дубровском районе Брянской области для временного жизнеустройства несовершеннолетних, жертв семейного насилия, освобождающихся из мест лишения свободы, открыта транзитная квартира, где в течение 6 месяцев могут проживать несовершеннолетние. За это время специалистами социальных служб, администрацией муниципального образования решаются вопросы интеграции и реабилитации, ресоциализации подростков и молодежи. В г. Боровичи Новгородской области для этих же целей открыта и успешно решает проблемы подростков групп риска последние 10 лет социальная гостиница. Система социального сопровождения детей и молодежи групп риска представлена на рис. 1.

Исследование ценностных ориентаций и приоритетов детей и молодежи групп риска, подростков с криминальным поведением было проведено в рамках проекта «Развитие системы социальных служб для уязвимых групп населения-2» учеными Вятского государственного университета. Изучение ценностных ориентаций воспитанников осуществлялось посредством ранжирования вариантов ответов на вопрос «Что для Вас представляется наиболее

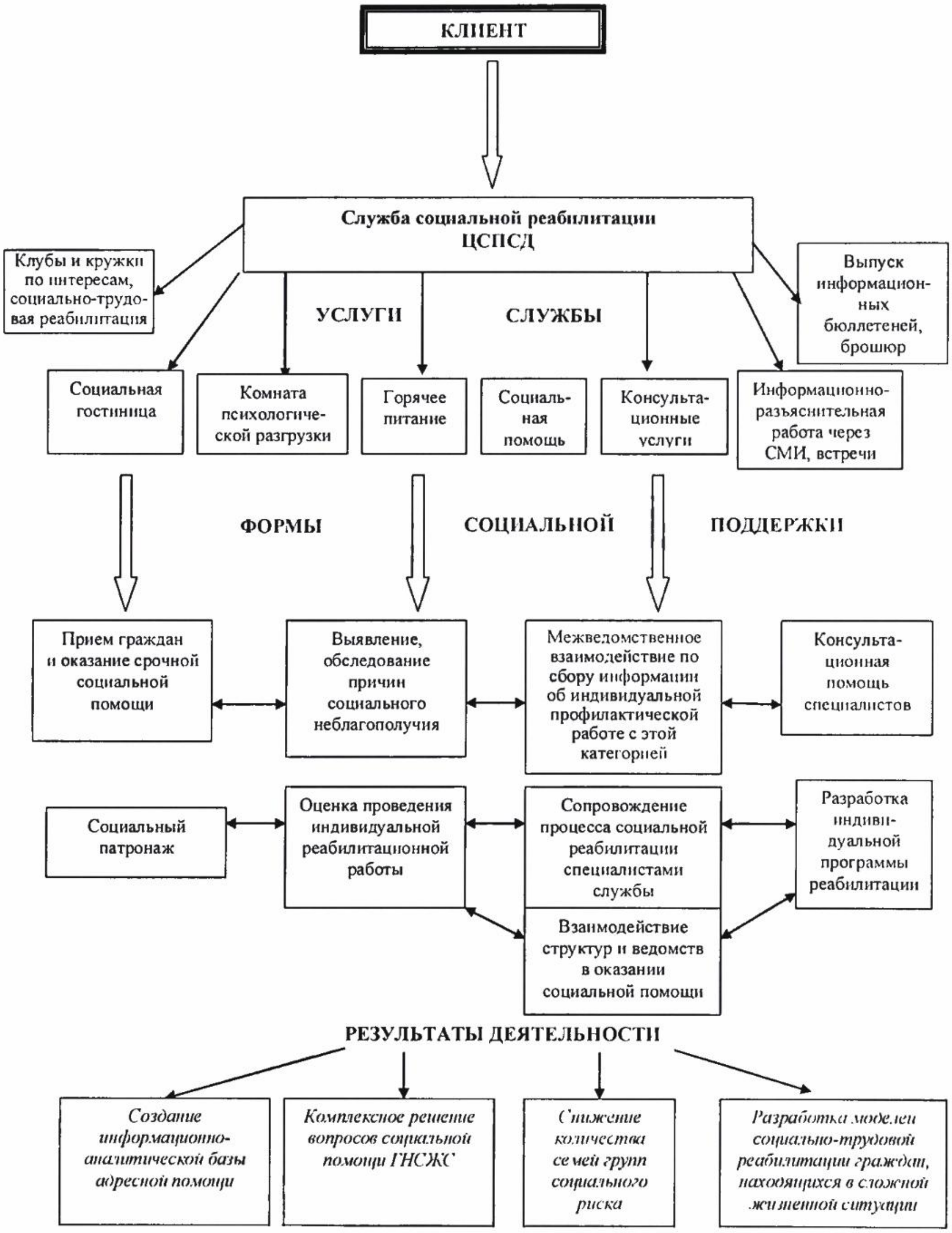


Рис. 1. Схема работы службы социальной реабилитации граждан, находящихся в сложной жизненной ситуации

ценным в жизни?». Наиболее значимыми для подростков являются рискованные ситуации в жизни, спорт, развлечения, деньги, учеба, работа, общение с друзьями, семья. В связи с этим можно предположить, что многие ребята не овладели ведущей деятельностью. Это подтверждается и показателями образовательного уровня подростков, которые приведены выше. Следовательно, важнейшим направлением работы с воспитанником должна быть помощь в овладении ведущей деятельностью. Печально, что семья не выполняет воспитательной функции. Это свидетельствует о нарушении семейных связей и необходимости работы с ней по формированию у ее членов готовности к участию в ресоциализации ребят, вернувшихся из колонии.

47,27 % воспитанников отбывают наказание за кражи, 20,6 — за грабеж, 13,33 % — за разбой. Эти данные позволяют предположить, что это и есть те «рискованные ситуации», которые так ценят, судя по ответам, юноши. Возможно, причиной преступлений стали именно эти мотивы. Данное предположение подтверждает то, какие обстоятельства способствовали совершению преступления. Из ответов следует, что 58,18 % были в состоянии алкогольного опьянения, 30,9 — испытывали потребность в деньгах, 15,75 — совершили преступление за компанию, лишь 3,63 % воспитанников совершили преступление намеренно.

В связи с этим актуальной является проблема формирования готовности у юношей противостоять негативным влияниям среды, установок на здоровый образ жизни, умения сказать «нет», не поддаваться давлению и принуждению со стороны окружающих. Такие данные — серьезное основание для выстраивания соответствующей профилактической и коррекционной работы с подростками и юношами.

Достаточно полярен разброс ответов на вопрос «Что сделать в обществе, чтобы молодые люди не попадали в колонии?» 60,6 % опрошенных считают, что необходимо дать возможность зарабатывать деньги, 32,72 — обеспечить работой, 16,36 % — изменить законы. До колонии 46,06 % опрошенных были осуждены условно, 41,81 % — состояли на учете в КДН, а 18,18 % — на внутришкольном учете. Только 1 из 165 ответил, что не нарушал дисциплину и нормы общественного порядка ранее. Респонденты продемонстрировали адекватное отношение к труду и его роли

в жизни общества и человека. Только 12,11 % воспитанников отметили, что «труд — это мука, занятие для дураков, труд надоедлив и не обязателен для счастья». Серьезным испытанием для воспитанников является и учебный труд. В раннем юношестве учебная деятельность играет важную роль, и воспитанники не только признают значимость учения (77,27 %), но и мотивируют тем, что «учеба нужна, чтобы получить профессию» (44,84 %). Однако это скорее декларация, нежели осмысленное представление или жизненная позиция. При этом есть группа юношей, считающих, что «учение — это мука и неученый человек может стать счастливым».

Основные условия ресоциализации несовершеннолетних групп риска — их жизнеустройство, положительное социальное окружение, включение в образовательную, трудовую, досуговую деятельность, работа с семьей по стабилизации ситуации, восстановлению родственных связей и обеспечение поддержки оступившимся несовершеннолетним детям от родных и близких. Важны и социальный контроль, профессиональное сопровождение, наставничество, но наилучшие результаты дает включение в социально-активную, одобряемую деятельность, а также позитивное социальное окружение и поддержка (рис. 2).

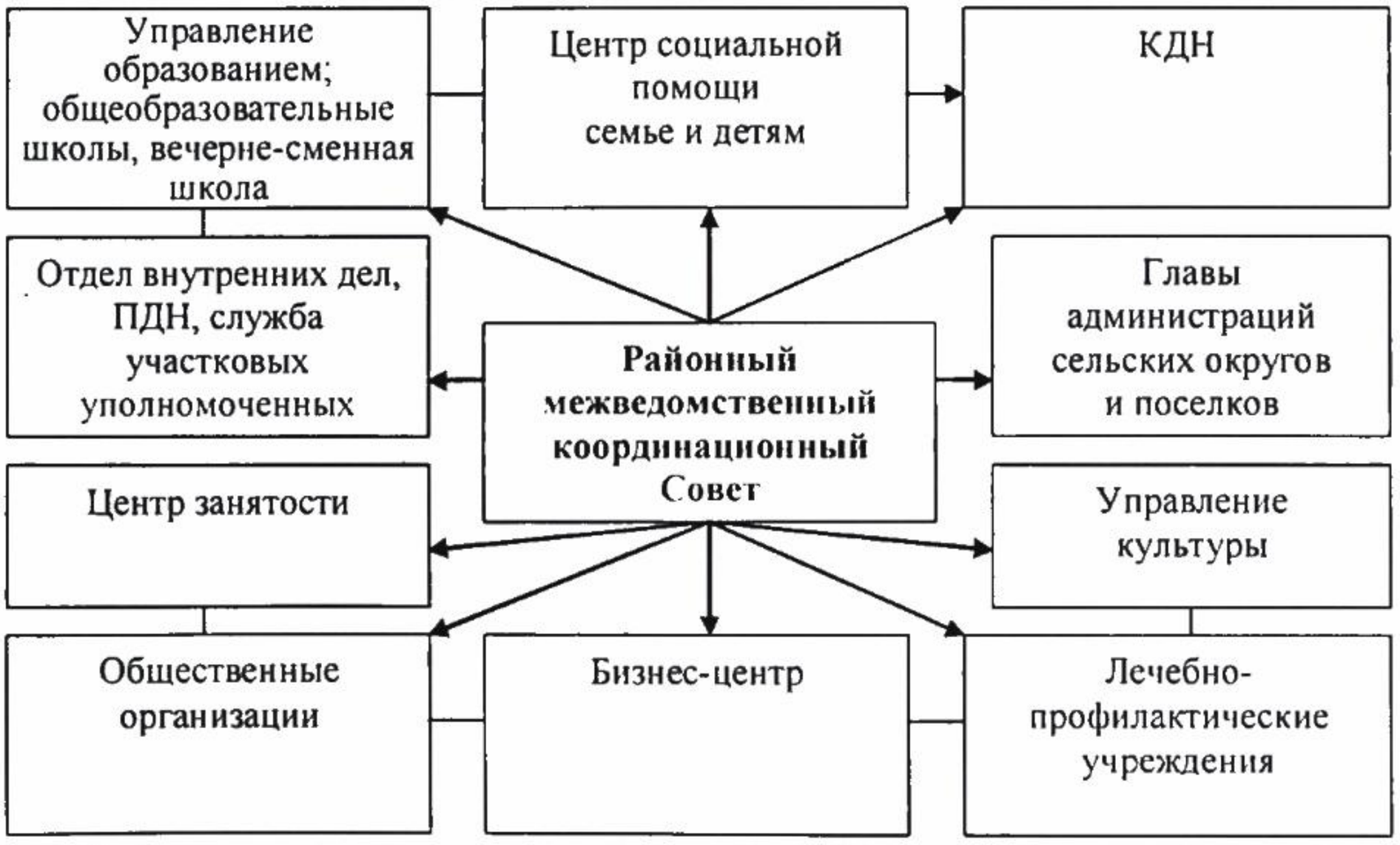


Рис. 2. Схема межведомственного взаимодействия в Оричевском районе Кировской области по социальному сопровождению лиц, освобождающихся из мест отбывания наказания

Примером успешного решения проблемы вовлечения подростков в социально значимую деятельность в рамках проекта «Дети и молодежь групп риска», реализуемого по заказу Министерства образования и науки РФ, стала работа педагогического коллектива СпецПУ г.Майкопа Республики Адыгея. По решению суда за совершенные преступления в училище направляются несовершеннолетние из всех регионов России. Основными технологиями ресоциализации несовершеннолетних являются наставничество и социальное проектирование. Студенты психологического факультета Адыгейского государственного университета осуществляют индивидуальное наставничество подростков: помогают в учебе, подготовке мероприятий, расширяют рамки социальной компетентности, помогают изменить жизненные установки. В рамках социального проектирования с подростками проведены проектные семинары, в результате разработаны проекты «Видеописьмо домой», «Музыка нашей жизнью стала», «Да здравствует творчество». В ходе реализации своих проектов подростки овладевают необходимыми жизненными навыками и профессиями.

Для наиболее эффективного планирования работы различных служб и специалистов по оказанию им помощи необходимо выяснить мнения, взгляды, представления самих несовершеннолетних по целому ряду вопросов. В рамках проекта Европейского союза, реализованного по заказу Министерства здравоохранения и социального развития России, проведено исследование в четырех регионах: Кировской, Костромской, Брянской и Ленинградской областях. Участниками исследования стали ребята из воспитательных колоний и центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

В Костромской области средний возраст респондентов составил 17,3 года, 73 % из них имеют образовательный уровень 9 классов ниже, не имеют жилья — 27 %, сирот — 13, из неполных семей — 47, не имеют прописки, паспортов — 27, имеют алкогольную и др. зависимости — 27, родители пьют — у 33 %, 33 % респондентов имеют судимых родственников.

В Кировской области средний возраст составил 15,9 лет, образовательный уровень респондентов (79 %) — ниже 9 кл., полные семьи — 50, неполные — 29, сирот — 7, опекае-

мых — 14, не имеют паспортов и прописки — 25 %. Родители пьют у 43 % респондентов, не имеют жилья — 29 %.

В Брянской области средний возраст респондентов — 18,2 года, образовательный уровень — 9,9 класса, 40 % — полные семьи, 50 — неполные, 20 — из пьющих семей, 10 % — сироты. Хронические заболевания имеют 10 % респондентов, 90 — обеспечены жильем, 100 % — паспортами.

В Ленинградской области средний возраст респондентов составил 17,5 лет, образовательный уровень — 9 классов, из полных семей — 22 %, неполных — 67, сироты — 11, из пьющих семей — 33 %. Не имеют жилья — 22 %, паспортов и прописки — 33, имеют хронические заболевания, включая социально опасные — 33 %.

Таковы были исходные данные при работе по ресоциализации, которую планировалось начать с создания системы социального сопровождения семей осужденных несовершеннолетних до освобождения и после него из воспитательной колонии. За 6 мес. до освобождения осужденные проходят «школу освобождения»: цикл лекций, бесед, тренингов с социальной службой колонии. В соответствии с приказом Министерства юстиции РФ от 22 марта 2004 г. № 75 «Об утверждении положения о группе социальной защиты и учета трудового стажа осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ» в воспитательных учреждениях созданы социальные службы, в задачи которых входит разрешение социальных вопросов осужденных, восстановление родственных связей, помощь в получении необходимых документов, сопровождение освобожденных к месту проживания. Ярким примером сотрудничества социальных служб и общественности стало открытие в г. Санкт-Петербурге специализированного предприятия «Новое поколение» по изготовлению детских игрушек. Предприятие насчитывает 5 производственных площадок, одна из которых расположена на территории Колпинской воспитательной колонии. На предприятии работают 150 несовершеннолетних, заработная плата перечисляется воспитанникам на расчетные счета, они имеют возможность погашать судебные иски, помогать родственникам, покупать себе предметы личной гигиены и продукты. При освобождении воспи-

танник переводится из площадки, расположенной в колонии, на городскую площадку, таким образом решаются вопросы трудоустройства освобождающихся несовершеннолетних, они получают все необходимые документы: трудовую книжку, ИНН, пенсионное страховое свидетельство. Вопросы трудоустройства — наиболее болезненные для данной категории. Как правило, работы с заработной платой, которая устраивала бы молодежь, в службах занятости практически нет. На предприятия бывших воспитанников колонии берут неохотно, в результате молодые люди в течение месяца-двух вновь возвращаются в уголовно-исполнительную систему.

В Ленинградской области для подростков и молодежи групп риска ежегодно организуются лодочные походы, «школы выживания» для них. В 2005 г. ребята, участвовавшие в этих походах, организовали общественную организацию «Мир молодежи», которая активно включилась в организацию молодежной жизни, интересного досуга, что также позволяет менять социальное окружение, жизненные установки и позиции ребят.

Результативность социального сопровождения этой группы в течение полутора лет можно проиллюстрировать итогами анкетирования пилотных групп. В Брянской области 60 % из пилотной группы освобождены, 50 % из них трудоустроены, 33 % продолжают обучение, 17 % нигде не работают и не учатся; 50 % вернулись в социально-благополучную среду. Рецидивов нет. В Костромской области 67 % из пилотной группы освободились из колонии, 80 % из освободившихся трудоустроены или продолжают обучение, 13 % вернулись в неблагополучные семьи, 7 % совершили повторные преступления в течение 1 месяца после освобождения. В Ленинградской области 44 % освобождены условно-досрочно, есть перспективы трудоустройства у 30 % опрошенных, 56 % обучаются в ПТУ. 67 % воспитанников вернулись в социально-благополучную среду. Рецидивов нет. В Кировской области 75 % вернулись в социально-благополучную среду, трудоустроены или получают дальнейшее образование. Рецидивов нет.

Таким образом, исследование подтверждает необходимость формирования системы ресоциализации несовершеннолетних, привлечения к данной деятельности специалис-

тов различных ведомств, служб, общества. Существующая система перевоспитания подростков с девиантным и делинквентным поведением может быть эффективной при условии внедрения новых технологий, межведомственного взаимодействия, объединения усилий государства и общества, повышения социальной ответственности бизнеса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Столяренко Л.Д.* Основы психологии. Учеб. пособ. Ростов н/Д, 2001. С. 613.

[2] См.: Статистические данные 88 субъектов РФ о деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав по состоянию на 2004 г.

[3] См.: Информационно-методический бюллетень в помощь специалисту системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (проектный опыт). Киров, 2005. С. 130.

Поступила 06.02.2006.

В.В.РУЖЕНКОВ

ГЕОЭКОЛОГИЯ ЛАНДШАФТОВ ТЕРРИТОРИИ РАЗМЕЩЕНИЯ МОРДОВСКОЙ ГРЭС

Парадигма рационального природопользования предполагает при реализации хозяйственной деятельности выполнение ряда природоохранных мероприятий, предусмотренных законодательством Российской Федерации, Экологической доктриной России, юридическими нормативными актами, нормативно-техническими документами. Для адекватного использования юридической нормативной и нормативно-технической базы в природоохранных мероприятиях необходима полная информация о состоянии окружающей природной среды на территории ведения предполагаемой хозяйственной деятельности и на прилегающих территориях.

В связи с дефицитом электрической мощности в Республике Мордовия рассматривается вопрос о строительстве ГРЭС в Ковылкинском районе на базе парогазовых установок (ПГУ) мощностью 325 МВт. Первая очередь предполагает строительство двух энергоблоков ПГУ-325. В последние годы проведены предварительные предпроектные разработки и развернута деятельность по выполнению комплексных инженерных изысканий. К настоящему времени изыскательские работы в основном выполнены и продолжаются дополнительные геологические исследования площадки ГРЭС и прилегающей к ней территории. Необходимо отметить прогрессивность и экологичность энергетических технологий, основанных на использовании ПГУ, позволяющих почти вдвое увеличить КПД тепловых энергетических установок при существенном уменьшении выбросов вредных веществ в окружающую среду[1]

РУЖЕНКОВ Владимир Викторович, заместитель Председателя Правительства Республики Мордовия.

Обычно при изучении состояния природной среды при предполагаемом строительстве промышленных объектов исследуется территория, ограниченная зоной влияния объекта, определяемая как зона, в пределах которой концентрация загрязняющих химических веществ превышает 5 % от предельно допустимых концентраций. Принимая во внимание то обстоятельство, что проектируемая Мордовская ГРЭС является крупным объектом, способным не только существенно повлиять на экологическую обстановку близлежащей территории, но и имеющей важное социальное значение для республики, представляется вполне разумным рассматривать гораздо большую территорию, выходящую за пределы зоны влияния. При этом следует обозначить район исследования территорией, включающей Ковылкинский, Краснослободский, Кадошкинский и Старошайговский административные районы. Подобный подход представляется логичным, поскольку в любом случае с большим запасом включает зону влияния объекта. Установление границ района исследования в виде группы административных районов оправдано также с точки зрения последующего анализа имеющихся данных о ведении хозяйственной деятельности и сведений о социальной сфере, представленных в фондовых и статистических источниках по административным районам.

Особенностью исследования состояния природной среды в районе размещения тепловых электрических станций является комплексность исследования природных объектов. Подобные исследования достигаются в процессе инженерных изысканий, выполняемых с учетом последних нормативно-технических разработок в этой области[2] Важным обстоятельством считается тот факт, что в 1997 г. впервые в практику комплексных инженерных изысканий наряду с инженерно-геодезическими, инженерно-геологическими, инженерно-гидрометеорологическими введены инженерно-экологические, являющиеся отдельным и самостоятельным видом инженерных изысканий[3] Для всестороннего изучения природных условий на территории планируемого строительства проведена геодезическая съемка масштаба 1:1000. Результаты съемки стали базой для геодезического обеспечения изыскательских работ, проектирования и строи-

тельства ГРЭС. Геофизические исследования проводились для оценки региональных геологических условий на площади около 40 км^2 и инженерно-геологических условий площадки ГРЭС (электро- и сейсморазведка, радиоактивный каротаж, коррозионные исследования).

Для экологического обоснования проектирования ГРЭС и разработки мероприятий по снижению или ликвидации неблагоприятных экологических и связанных с ними социальных, экономических и других последствий и сохранения оптимальных условий жизни населения, в рамках изыскательских работ предусматривались также инженерно-экологические изыскания. В составе работ по исследованию многокомпонентного загрязнения природной среды выполнены полевые и лабораторные исследования природной среды в зоне влияния ГРЭС. Проведено исследование современного экологического состояния территории и дана комплексная характеристика компонентов природной среды. На основании данных полевого опробования и лабораторных исследований получена эколого-геохимическая характеристика состояния почв, донных отложений, поверхностных вод и биоты.

Объектом настоящего исследования является, в первую очередь, ландшафтная оболочка района размещения Мордовской ГРЭС и часть геологической среды, в которой могут проявиться деструктивные геоэкологические процессы. При этом важно подчеркнуть, что результаты исследования ландшафтных компонентов должны быть представлены в форме, адаптированной для их всестороннего использования при проведении текущей и намечаемой новой хозяйственной деятельности. Актуальность такой задачи определяется, во-первых, необходимостью получения детальной геоэкологической информации при реализации текущей хозяйственной деятельности и намечаемого строительства Мордовской ГРЭС. Во-вторых, возрастающей ролью экологизации производства в современном обществе; в-третьих, необходимостью разработки соответствующих природоохранных мероприятий.

Исходными данными при выполнении данного исследования послужили фондовые и краеведческие данные Мордовского государственного университета, а также материалы

комплексных инженерных изысканий, выполненных ООО «Тэпизыскания» (г.Москва)[4]. На основании анализа и обобщения информации выполнено построение общей картины геоэкологического состояния геологической среды и ландшафтов.

Геологическую среду полигона строительста ГРЭС и смежных территорий формируют каменноугольные, юрские, меловые и четвертичные отложения. Каменноугольные горные породы (гжельский ярус) выходят на дневную поверхность севернее полигона в долинах р.Мокши и р.Сивини. Они сложены преимущественно известняками и доломитами. Юрские отложения представлены песчано-глинистыми породами с прослоями песчаников и желваками песчанистых фосфоритов, а в верхней части — плотными известковистыми глинами с прослоями мергеля. Общая мощность юрских отложений на территории полигона составляет около 30 м. Нижнемеловые отложения слагают водораздельные и приводораздельные пространства к востоку от полигона и по левобережью р.Мокши. В нижней части геологического разреза отмечается мощная толща сланцеватых глин с подчиненными им пачками глинистых песков. Выше по разрезу они сменяются песчаными отложениями, перекрываемыми небольшой свитой глин апта. Коренные горные породы повсеместно перекрываются четвертичными образованиями мощностью до 25 м. Они представлены сложным комплексом ледниковых отложений — моренными суглинками и водно-ледниковыми песками на междуречных пространствах, современными и древнеаллювиальными — в долинах Мокши и ее притоков.

На территории проектируемой ГРЭС по гидрогеологическим особенностям и условиям залегания водовмещающих пород выделяются водоносные горизонты: современный аллювиальный; верхнечетвертично-современный аллювиальный; слабоводоносный среднечетвертичный аллювиально-флювиогляциальный; готерив-барремский терригенный; локально слабоводоносный оксфорд-кимериджский терригенный; локально-водоносный нижнекелловейский терригенный; слабоводоносный батский терригенный; водоносный верхнекаменноугольный карбонатный горизонт. Проведенный геоэкологический анализ зоны свободного водообмена

Заказ № 2806

полигона строительства Мордовской ГРЭС показал наличие высокой гидравлической связи между поверхностными и подземными водами. Об этом свидетельствуют местоположение полигона в территориальной близости от основной области питания карбонатного каменноугольно-пермского водоносного горизонта.

Река Мокша может стать основным источником поверхностных вод для ГРЭС. Кратковременные наблюдения за гидрологическим режимом велись в створе с. Кочелаево в связи со строительством низконапорной плотины для гидромелиоративных целей. Площадь водосбора в створе г. Ковылкино составляет 9 762 км². Режим реки в естественных условиях здесь незначительно отличается от режима в створе г.Темников. В настоящее время сток реки зарегулирован построенной в 1987 г. плотиной Токмовского гидроузла. Изменение естественного режима проявляется в отъеме части весеннего стока (на спаде половодья) для заполнения чаши созданного водохранилища. Его объем составляет 2,66 млн м³ Норма годового стока Мокши Q_0 = 33,2 м³/с, объем W_0 = 1 047,8 млн м³ в год, коэффициент вариации C_v = 0,32, отношение коэффициента асимметрии к коэффициенту вариации C_s/C_v = 0,6[5]. В районе исследований Мокша принимает в себя с правой стороны небольшие речки, наиболее крупные из них Рябка и Серляй.

Результаты дешифрирования космических снимков показали, что особенности пространственной структуры геокомплексов и их устойчивость к техногенному воздействию определяются литогенной основой ландшафтов. Долина р.Мокши имеет асимметричное строение. Левый коренной ее склон крутой, сменяющийся к западу лесостепными ландшафтами вторичной моренной равнины Мокша-Вадского междуречья. В низменном правобережье выделяются местности надпойменных террас, аллювиально-водно-ледниковых и зандровых равнин[6]

Местность вторичной моренной равнины распространена в левобережье р. Мокши, вне зоны прямого воздействия ГРЭС. Краевая часть вторичной моренной равнины, прилегающая к долине р. Мокши, расчленена долинами малых рек и глубокими балками, в которых вскрываются маломощные делювиальные суглинки, подстилаемые гляциаль-

ными осадками и песчано-глинистыми отложениями нижнего мела. В структуре почвенного покрова преобладают серые лесные и черноземные почвы. Естественная растительность представлена небольшими байрачными дубравами и суходольными лугами.

Геокомплексы водно-ледниковой (зандровой) равнины занимают верхнюю гипсометрическую ступень с абсолютными отметками от 170 до 220 м в северо-восточной части полигона. Маломощные водно-ледниковые пески подстилаются нижнемеловыми песчано-глинистыми отложениями, реже — моренными суглинками. В структуре почвенного покрова мозаично сочетаются светло-серые, дерново-подзолистые и подзолистые песчаные, супесчаные, реже песчанисто-легкосуглинистые почвы. В естественной растительности преобладают дубовые, дубово-липовые и мелколиственные леса.

Аллювиально-водно-ледниковая равнина занимает возвышенную восточную периферию района. Абсолютные отметки варьируют в интервале от 160 до 170 м. Литогенная основа геокомплексов сложена разнозернистыми песками, подстилаемыми песчано-глинистыми породами нижнемелового и верхнеюрского возрастов. На северо-восточном участке весной и во время дождей подземные воды часто выходят на дневную поверхность в сравнительно густой и глубокой лощинно-балочной сети. В глубине междуречных пространств распространены западины суффозионного происхождения. В структуре почвенного покрова характерно сочетание серых лесных и дерново-слабо- и среднеподзолистых почв. В естественной растительности преобладают смешанные леса с участием сосны, липы, дуба, березы и осины.

Местность надпойменных террас субмеридионально протягивается в центральной части района исследования. В этой местности планируется разместить основные объекты ГРЭС. Абсолютные отметки варьируют от 120 до 160 м. Литогенная основа ландшафтов сложена преимущественно древнеаллювиальными песками, супесями и пылеватыми песками. Отложения обладают хорошими фильтрационными свойствами. Эти особенности обусловливают активное развитие суффозионных процессов, что проявляется в до-

вольно широком распространении бессточных западин и котловин. Именно с развитием суффозионных процессов связаны, вероятно, и фрагменты крутых уступов террас к пойме р.Мокши. Характерной чертой этой местности является также широкое распространение дюнообразных форм рельефа. В морфологии ландшафтов довольно хорошо выражена фациальная микропоясность, с преобладанием урочищ со слабоволнистыми поверхностями с неглубокими лощинами и тальвегами, сложенные мощными толщами песка с серыми лесными, слабоподзолистыми и дерново-слабоподзолистыми песчаными почвами под сосняками и мелколиственными лесами.

Проведенные ландшафтно-геохимические исследования показали, что в районе планируемого строительства ГРЭС господствуют органо-кислый (H+ – Ch-) и кислый классы водной миграции (H+), содержание большинства химических элементов в верхних горизонтах почв не превышает кларк литосферы.

На основании проведенных комплексных исследований в районе и на площадке строительства Мордовской ГРЭС в настоящее время разрабатывается проект геоэкологического мониторинга, который позволит выполнить оценку гидродинамических и гидрохимических параметров водоносных горизонтов до начала строительства, фоновых характеристик загрязнения (при их наличии); прогноз возможных изменений гидрогеологических условий в зоне влияния сооружений ГРЭС при строительстве и эксплуатации; оценку устойчивости ландшафтов к техногенным воздействиям; подготовку рекомендаций и предложений к программе локального геоэкологического мониторинга на стадиях строительства и эксплуатации ГРЭС.

Всесторонний анализ ландшафтных компонентов позволяет заключить, что в целом по природным условиям и экологическому состоянию территория размещения ГРЭС вполне благоприятна для намечаемого строительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Ольховский Г.Г.* Газовые турбины для энергетики // Теплоэнергетика. 2004. № 1. С. 33—43; *Охотин В.Н.* Теплоэлектропроект: проектирование тепловых электростанций// Электрические станции. 2005. № 2. С. 25—31.

[2] См.: Инженерные изыскания для проектирования тепловых электрических станций. ВСН 34 72.111-92 // Минтопэнерго РФ. М., 1992. С. 121; Инженерные изыскания для строительства. Основные положения. СНиП 11-02-96 // Минстрой России. М., 1997. С. 44.

[3] См.: Инженерно-экологические изыскания для строительства. СП 11-102-97 // Госстрой России. М., 1997. С. 41.

[4] См.: *Руженков В.В. Машин Ю.И., Ларченков В.А.* Комплексные инженерные изыскания для строительства Мордовской ГРЭС // Сб. ст. V междунар. науч.-практ. конф. «Экология и безопасность жизнедеятельности». Пенза, 2005. С. 201—203.

[5] См.: Водные ресурсы Республики Мордовия и геоэкологические проблемы их освоения / АА.Ямашкин, В.Н.Сафонов, А.М.Шутов и др. Саранск, 1999.

[6] См.: *Ямашкин А.А., Сафонов В.Н., Стульцев Ю.К., Федотов Ю.Д.* Промышленные и транспортные природно-социально-производственные системы // Геоэкологический анализ состояния природно-социально-производственных систем. Саранск, 2004. С. 151—178.

Поступила 11.05.2006.

Е.В.ДЗЯКОВИЧ

ОСОБЕННОСТИ МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА

Роль СМИ в современном обществе оценивается весьма противоречиво. Истоки такого противоречия лежат далеко за пределами современности: метафоры относительно четвертой власти или второй древнейшей профессии возникли не вчера. Спорными остаются и вопросы о статусе СМИ среди институтов гражданского общества, средствах и способах формирования общественного мнения, об информационной нормативно-правовой базе, оптимальных формах собственности и ряд других аспектов, рассматривающихся в исследовательских работах различного профиля. Однако значимость информации как таковой, ее самоценность в современном мире не подвергается сомнению: «Информация — это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств»[1] Право на информацию входит в ряд естественных прав человека, концепция которых восходит к трудам античных философов. Особый статус в данном случае принадлежит журналистской информации: «Журналистская информация — элемент народной культуры, включающий в себя моменты положительных идеологических, морально-психологических установок. В ней содержатся духовные, социально-нравственные ценности, нормы, регламентирующие поведение личности...»[2]

Сегодня актуален вопрос о доверии к информации в целом и массовой информации в частности. Он связан с проблемой доверия к власти, особенно остро стоящей пе-

---

ДЗЯКОВИЧ Елена Владимировна, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжской академии государственной службы, кандидат философских наук (г.Саратов).

ред региональными СМИ. «Доверие — это оценочное отношение народа к власти. Доверие...имеет коммуникативную и социально-психологическую природу. Оно выражается в общественном мнении как синтез рационального, эмоционального и психического»[3] Отсюда проблема доверия к СМИ становится актуальной на всех уровнях. Сегодня отмечается кризис доверия населения к СМИ. Это поднимает проблему технологического кризиса формирования общественного мнения при помощи СМИ. На региональном уровне эта проблема проявляется более наглядно и гипертрофированно, следовательно, роль массовых коммуникаций там возрастает.

Вместе с тем следует учитывать тот факт, что на современном этапе развития общества практически любая информация приобретает массовость, а то и сразу же становится массовой в терминологическом понимании этого слова. Под массово-информационными подразумеваются явления, ориентирующие людей в общесоциальных вопросах, отвечающие потребностям и интересам отдельной личности и широких социальных групп, а также соответствующие ряду принципиальных требований: массовость охвата аудитории, периодичность и регулярность выхода, возможность одновременного получения на всей территории распространения, удобный режим получения, доступность подачи материала, открытость для участия в работе всем желающим[4]

СМИ складываются в четкую, особым образом упорядоченную и структурированную систему. Главной целью этой системы является формирование единого информационного пространства. В эпоху глобализации информационных процессов, развития новейших информационных технологий, как правило, речь идет об укрупнении информационного пространства, распространении его границ до масштабов планеты. Однако одновременно с этим имеет место и тенденция к созданию локальных информационных пространств, ограниченных социальными или территориальными факторами. Обе эти тенденции нельзя считать ни взаимоисключающими, ни противоречащими друг другу. Напротив, их сочетание в значительной мере обусловливает современное состояние отечественного массово-информационного пространства.

В рамках современного российского социума актуализируются региональные информационные пространства, что связано с рядом обстоятельств объективного и субъективного характера. К первым можно отнести обширные территории, находящиеся в различных геоклиматических условиях, различия в социокультурной среде регионов, промышленную или сельскохозяйственную ориентацию экономики, гендерный баланс населения, уровень развития науки и образования. Вторые связаны с наследием советского прошлого, укреплением самостоятельности (прежде всего экономического характера) регионов, образованием новых территориально-политических структур — федеральных округов. Немалую роль в этих процессах играют также региональные политические и интеллектуальные элиты, в значительной мере формирующие имидж региона, позиционирующие регион на федеральном и межрегиональном уровнях. Роль элит применительно к области СМИ — это «введение таких условий, которые определяют субъектообразующие функции многих групп. Появляется множественность, плюрализм и, в конечном итоге, параллельность связей, а значит – увеличение скорости получения информации, уменьшение энтропии»[5]

Вместе с тем залогом «устойчивого развития информационного общества — обеспечение доступности информации и информационных услуг для максимально широкого круга пользователей с учетом постоянного роста их потребностей и различных финансовых возможностей»[6]. Этот аспект становится особенно актуальным применительно к формированию единого массово-информационного пространства отдельно взятого региона.

Массово-информационное пространство типичного российского региона представляет собой уменьшенный слепок общегосударственного массово-информационного пространства и в то же время является неким уникальным социокультурным образованием, обладающим рядом специфических черт и особенностей. Примером тому может служить массово-информационное пространство Саратовской области. Под массово-информационным пространством в данном случае мы понимаем то общее поле, которое образуется посредством СМИ и является составляющей более широкого образования — массово-коммуникационного простран-

ства, включающего в себя явления PR и маркетинговых коммуникаций.

В Саратовской области в настоящий момент действуют все виды СМИ, технически существующие на современном этапе: обширный пласт печатных изданий (газеты, журналы, информационные бюллетени, вестники и др.); различные по форме собственности и типу вещания радиостанции; телевизионные каналы; интернет — СМИ, распространение которых технически выходит далеко за пределы Саратовской области, но представляет реальный интерес лишь в региональном масштабе и рассчитано на местные целевые аудитории.

Региональное массово-информационное пространство представлено как интегрирующими СМИ, охватывающими своим влиянием весь регион, так и широким спектром дифференцирующих СМИ, функционирующих на местном (городском) или муниципальном уровнях. Естественно, специфика их деятельности во многом определяется государственной информационной политикой и информационной политикой Правительства Саратовской области. Соответственно, СМИ региона в целом являются одновременно ретрансляторами общефедеральных тем, идей, направлений, принципов построения и подачи информации и представляют собой оригинальное массово-информационное образование.

По данным Министерства по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций Российской Федерации, на 2004 г. в Саратовской области зарегистрировано 455 СМИ, из них 303 печатных, 113 электронных, 39 иных. Из общего числа СМИ 64 учреждены государственными органами, 59 — муниципальными, 332 — негосударственными[7] В современном социуме ведущий стержень информационного пространства — телевидение. Феномен телевидения еще ждет своего подробного и многоаспектного рассмотрения. Однако уже сейчас можно отметить своеобразие влияния телетекста на массовое сознание и ту особую роль, которую играет телевидение в формировании имиджа региона. В настоящий момент на территории Саратовской области действуют 11 центральных (общероссийских) каналов, 3 региональных, а также 13 районных и городских телеканалов. Наиболее востребованными в тече-

ние ряда последних лет остаются телеканалы ОРТ, РТР (ГТРК «Саратов»), НТВ, ТВЦ. Помимо этого значительная доля телезрителей (особенно в областном центре) — абоненты кабельного телевидения «Каскад-ТВ». Из этих данных становится очевидным тот факт, что наибольшее количество эфирного времени в регионе занимают общероссийские программы, тогда как удельный вес регионального телевидения значительно ниже. Таким образом, телевидение в структуре регионального информационного пространства играет в большей степени унифицирующую, интегративную роль, вписывая Саратовскую область в единый контекст общероссийского информационного пространства. Эта роль усиливается субъективным фактором, а именно: технический и профессиональный уровень региональных, особенно городских и районных телеканалов, ниже общероссийских (центральных). Несмотря на то что в последнее время наметились тенденции к преодолению этого разрыва, форма подачи материалов, стилистика (в самом широком понимании этого слова) ведения и оформления программ, тематика сюжетов не всегда отвечают требованиям времени. Это приводит к более низким рейтингам региональных телеканалов и, как следствие, к более низкому уровню доверия телезрителей. Такое положение вещей приводит к парадоксальному явлению: с точки зрения телевидения региональное массово-информационное пространство менее структурировано, а границы его более размыты по сравнению с аналогичными явлениями в области печатных СМИ.

Подобную ситуацию, даже в несколько большей степени, можно наблюдать в отношении к региональному радиовещанию, хотя здесь имеются специфические черты. Радиовещание как особый вид СМИ в последние 10 лет претерпевает существенные изменения структурного и содержательного характера. Это касается как общей вещательной философии, так и характера потребления этого вида «информационной продукции». Из «стационарного» вида СМИ, для прослушивания передач которого требовались специально создаваемые условия, радиовещание становится все в большей степени «мобильным» видом СМИ. Радиопередачи современный слушатель воспринимает, как правило, «между делом», попутно. Естественно, это отражается на формате радиопрограмм и их содержательном наполнении.

Подобные тенденции универсальны, охватывают своим влиянием не только Саратовскую область.

В региональном масштабе наиболее полно представлены следующие радиостанции: Радио России/Маяк, Русское радио/Динамит FM, Европа-плюс, Максимум. Кроме этих «радиомагнатов» на территории региона действуют 12 городских и районных радиостанций. Однако их роль в общей структуре регионального массово-информационного пространства невелика, поскольку такие радиостанции в большинстве случаев выполняют не самостоятельную функцию, а служат «звучащим приложением» к печатным СМИ. В других случаях они выступают в качестве «двойных посредников», когда становятся ретрансляторами сразу двух центров: столичного и регионального, по сути дублируя темы, направления и даже формат программ. Тем самым искажается сам принцип радиовещания как самостоятельного СМИ со своими концепцией и слушательской целевой аудиторией. В последние годы региональное вещание пополнилось рядом новых радиостанций, хотя в целом общая картина сохраняется[8]

Печатные СМИ представляют собой наиболее обширный и разноплановый пласт массово-информационной продукции. Периодические издания, выходящие или распространяющиеся в пределах Саратовской области, отличаются весьма широким тематическим охватом, имеют различные целевые читательские аудитории, делятся на качественные, бульварные (желтые) и издания смешанного, диффузного типа. К отдельной группе можно отнести ряд изданий рекламно-информационного характера, многие из которых распространяются бесплатно и состоят в значительной мере из объявлений и модулей. В последнее время многие издания этого направления расширяют тематику своих публикаций за счет материалов усредненно-массового характера: прогноз погоды, программа телепередач, гороскопы, анекдоты, полезные советы и т.п.

Особняком стоят корпоративные (ведомственные) издания, которые, с одной стороны, отвечают всем требованиям современных СМИ, а с другой — имеют весьма замкнутый и узкий круг читателей. Таких изданий (из числа зарегистрированных) в областном центре насчитывается 12. Несмотря на сугубо локальный круг распространения, эти

издания органично вписаны в общерегиональный массово-информационный контекст.

Наиболее тиражными печатными СМИ региона являются: *государственные:* «Саратов – СП» (тираж 10 665 экз., выходит 5 раз в неделю); «Саратовские вести» (10 954 экз., выходит 4 раза в неделю); «Неделя области» (7 тыс. экз., выходит 1 раз в неделю); *муниципальные:* «Саратовская панорама» (от 3 тыс. до 21 тыс. экз., выходит 3 раза в неделю); *негосударственные:* «Телеком» (от 25 тыс. до 100 тыс. экз., выходит 3 раза в неделю); «Саратовский Арбат» (45 700 экз., выходит 1 раз в неделю); «Земское обозрение» (33 800 экз., выходит 1 раз в неделю); «Элеком» (100 тыс. экз., выходит 1 раз в неделю); «Кому что» (22 660 экз., выходит 2 раза в неделю).

Особый пласт в структуре общерегионального массово-информационного пространства представляют так называемые районные газеты, распространяющиеся на территории отдельных муниципальных образований. Они имеют четко очерченный круг постоянных читателей, затрагивают проблемы субрегионального, локального характера. Эти издания в большей степени связаны с местной властью, ограничены в средствах и отличаются низкой профессиональной (журналистской и дизайнерско-полиграфической) культурой. Подобного рода изданий в Саратовской области 38.

Важная характеристика формирования свободного, конкурентного рынка информации — динамика изменения структуры собственности СМИ. Данные, полученные в ходе проведенного анализа, характеризуют стабилизацию объема государственного и муниципального участия в качестве соучредителей СМИ[9] В то же время наблюдается устойчивый рост количества негосударственных СМИ. Одной из отличительных особенностей является факт сокращения муниципальных СМИ. Этот процесс можно связать с произошедшим за последние годы «переходом» ряда муниципальных СМИ в разряд государственных посредством включения в состав соучредителей органов исполнительной власти субъектов РФ. Этот переход продиктован для муниципальных СМИ финансовыми трудностями, а для региональной власти централизацией и оптимизацией процесса финансирования. Эти явления, безусловно, оказывают влияние на муниципальную прессу.

Не менее важным стал аспект распространения печатных СМИ в регионе, поскольку этот показатель характеризует свободный доступ к информации. Однако статистические данные еще нуждаются в доработке.

Значимым показателем, характеризующим состояние массово-информационного пространства региона, является тематическая дифференциация СМИ. Анализ тематики СМИ Саратовской области позволяет сделать вывод о том, что по-прежнему лидируют СМИ с общественно-политической тематикой, за ними следуют рекламно-информационные и профессионально-специализированные, а в динамике их количество постоянно увеличивается. Этого нельзя сказать о СМИ детской, молодежной, спортивной и культурно-просветительской тематики. Их доля в общем количестве СМИ региона мала, а динамика регистрации показывает неизменность ситуации, хотя можно говорить об общем увеличении количества этих изданий.

Характеризуя массово-информационное пространство Саратовской области, необходимо отметить наиболее влиятельных «медиа-магнатов», формирующих информационные предпочтения и в большей, по сравнению с другими, степени влияющими на общественное мнение. Среди центральных печатных изданий таковыми являются «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и «Московский комсомолец», имеющие наибольший совокупный тираж во всех регионах Приволжского федерального округа.

Среди центральных телевизионных каналов наибольший охват населения имеют ОРТ, РТР, НТВ, Культура и ТВЦ. При этом особо стоит отметить, что в 2005 г. увеличился охват населения округа у телеканалов Культура и СТС, что подтверждает их общефедеральное укрепление.

Среди центральных радиостанций вне конкуренции по охвату населения находятся «Радио России» и «Маяк». Весьма существенный охват населения имеют «Русское радио» и «Европа-плюс». Среди центральных FM-радиостанций также следует отметить динамику территориального развития радио «Шансон».

Развитие массово-информационного пространства России и ПФО отражается и на массово-информационном пространстве региона. В первую очередь это связано с обострившейся конкуренцией на рекламном рынке и борьбой

за информационное влияние. В связи с этим можно констатировать возникновение и развитие конкурентоспособных региональных СМИ, чей рейтинг и влияние сравнимы, а иногда и превышают показатели центральных СМИ. Это новое состояние для отечественного в целом и регионального медиа-рынка, в частности.

В 2007 г. ожидается введение нового федерального Закона «О средствах массовой информации». Потребность в таком законодательном документе очевидна, так как ныне действующий Закон в своей основной редакции был принят 27 декабря 1991 г. в абсолютно иных политических, экономических и социокультурных условиях. В то время принятие Закона имело очень важное, прежде всего нравственное, значение. Недаром первая редакция открывалась посвящением погибшим за свободу слова журналистам, был провозглашен законодательный запрет на любую предварительную цензуру, а ст. 1 рассматривала основные положения понятия свободы массовой информации[10]. Несмотря на обширный и разноплановый ряд поправок, документ имеет множество противоречий, содержит немало «белых пятен». Особенно явственно эти недостатки высвечиваются на региональном уровне, вступая в конфликт с современным состоянием регионов.

Очевидно, что в ближайшем будущем медиа-индустрию России ждут значительные структурные и системные изменения, которые затронут различные аспекты деятельности масс-медиа. Общество в целом «начинает по-новому осмысливать проблемы особых информационных рисков, информационного неравенства, информационной безопасности»[11] Эти процессы, имеющие общегосударственный масштаб, безусловно, найдут свое отражение в региональной специфике, информационной политике регионов, окажут влияние на характер и структуру их массово-информационного пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Винер Н.* Человек управляющий. СПб., 2001. С. 14.

[2] См.: *Антонова В.И., Поелуева Л.А.* Механизм информационного воздействия на гармонизацию этнокультурных процессов в республиках приволжского региона // Регионология. 2005. № 3. С. 185.

[3] *Попов В.Д., Федоров Е.С.* Коммуникативные коды имиджа власти. М., 2004. С. 20.

[4] См.: Система средств массовой информации России. М., 2000. С. 37.

[5] *Васильева Л.Н.* Синергетический подход в теории элит и его использование в политологии // Социально-гуманитарные знания. М., 2005. № 5. С. 113.

[6] *Макаров В.П.* Москва в едином информационном пространстве России. М., 2005. С. 74—75.

[7] См.: СМИ Приволжского федерального округа. Вып. 2. Н.Новгород, 2004. С. 36.

[8] Там же. С. 37.

[9] Там же. С. 53.

[10] См.: О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1.

[11] *Макаров В.П.* Указ. соч., С. 5.

Поступила 26.01.2006.

Н.Г.ТАРАКАНОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Мировой суд впервые вошел в российскую государственно-правовую действительность в результате реформы 1864 г., которая была призвана заложить правовой фундамент новых социально-экономических реалий, связанных с отменой крепостного права, развитием предпринимательства, привлечением в страну иностранного капитала. Именно тогда в политических кругах страны предметно заговорили о создании независимой, доступной и сильной судебной власти на местах.

Спустя полтора столетия мировой институт судей получил в России новое рождение, но несмотря на изменившиеся политические, социальные, экономические и культурные условия он призван решать те же задачи: сделать правосудие ближе и доступнее обществу, способствовать укреплению законности, защите прав и интересов личности. Очевидно, что для оценки эффективности и перспектив развития мировой юстиции сегодня в России важным представляется не только ее сравнение с западными аналогами, но и анализ исторического опыта реформирования отечественного правосудия. При этом определить насколько были решены задачи, поставленные перед мировой юстицией в XIX в., невозможно без обращения к региональному аспекту проблемы.

Определенный интерес в этом плане представляет Пензенская губерния, где нашли отражение основные социально-экономические и культурные процессы, характерные Средне-Волжскому региону Европейской России. Накануне проведения судебной реформы губерния представляла со-

---

ТАРАКАНОВА Наталья Геннадьевна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Саранского кооперативного института, кандидат исторических наук.

бой пример провинциальной глубинки, характеризующейся высоким уровнем патриархальности, медленным процессом урбанизации и торгово-промышленного развития, многонациональным составом населения.

Мероприятия по введению в действие мировых судебных установлений начались в губернии с июля 1868 г. после оглашения соответствующего Высочайшего указа и получения предписаний министерства юстиции[1] Руководителем Пензенской губернии, обязанности которого в то время исполнял генерал-майор Н.Д.Селиверстов, были разосланы специальные распоряжения председателям уездных земских собраний о немедленном открытии особых присутствий для составления списков лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи и предложений о разделении уездов на мировые участки[2]

В соответствии с судебными уставами 1864 г. в Пензенской губернии было образовано 10 мировых судебных округов, соответственно количеству уездов. Пензенский, Городищенский, Инсарский округа разделялись на 4, а остальные — на 3 мировых участка. В каждом участке должен был находиться участковый мировой судья. Из-за нехватки профессионально подготовленных кадров при формировании местного суда делалась ставка на личный авторитет, чем объясняется наличие наряду с участковыми почетных мировых судей. Почетные мировые судьи разбирали дела на тех же основаниях, что и участковые в случае отсутствия последних или обращения обеих сторон к их посредничеству. Однако в отличие от участкового они не получали денежного содержания за исполнение своих обязанностей и могли занимать одновременно другую должность по государственной или общественной службе, за исключением должностей прокуроров, их товарищей и местных чиновников казенных управлений и полиции. Кроме того, почетный мировой судья мог осуществлять свои полномочия в пределах всего мирового округа, а не одного участка.

Дореволюционный мировой институт, в отличие от современного, строился на принципах выборности и срочности. Мировые судьи, как участковые, так и почетные, избирались на 3 года органами земского самоуправления путем

тайного голосования. В списки лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи, которые публиковались за 2 месяца до проведения выборов, включались местные жители не моложе 25 лет, получившие образование в высших или средних учебных заведениях или «выдержавшие соответствующее ему испытание», или же прослужившие не менее 3-х лет «в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел»[3] Отсутствие обязанности иметь юридическое образование отличало мирового судью от коронного. В целях обеспечения имущественной независимости непременным условием было владение кандидатом, его родителями или женой недвижимой собственностью, оценивающейся не ниже 15 тыс. руб. серебром или равнявшейся двойному земскому цензу (в уездах, столичных городах) не менее 6 тыс. руб., а в прочих не менее 3-х тыс. руб. Такое различие, по мнению И.Г.Шарковой, объяснялось желанием власти укрепить положение малочисленного в то время городского класса[4]

Земское собрание могло также на основании ст. 34 Учреждения судебных установлений своим постановлением, состоявшимся по единогласному мнению гласных, предоставить звание мирового судьи и лицам, «которые, хотя и не совмещают качеств, требуемых 19 и 20 статьями этого Учреждения, но приобрели общественное доверие и уважение своими заслугами и полезною деятельностью»[5] Таким образом, например, были избраны: в Инсарском уезде в участковые мировые судьи бывший уездный судья коллежский асессор Г.А.Ершов; в Мокшанском уезде — коллежский асессор Н.А.Зачинский и в почетные — генерал-лейтенант А.Н.Арапов, капитан В.С.Мельгунов, мокшанские купцы П.И.Быстренин и М.М.Соколов[6]

Состав мировых судей формировался в провинции прежде всего из представителей мелкого, среднего дворянства и чиновничества. Доля купечества составляла около 7 %. Как справедливо отмечает Р.Уортман, принадлежность к судебной власти давала новое средство самоидентификации и источник чувства достоинства тем дворянам, которые отвергали военную карьеру или роль хозяина имения. Независимые судебные институты открывали широкие возможности для творческой, созидательной работы, поэтому в

ряды мировых судей вливались лучшие представители провинциальной общественности[7]. В числе первых почетных судей Пензенского уезда были штабс-капитан А.Н.Бекетов — первый председатель Пензенской губернской земской управы, член многих благотворительных обществ, с «отличными успехами» окончивший Главное инженерное училище[8]; титулярный советник И.Н.Горсткин — декабрист, член «Союза благоденствия», московской управы Северного общества и тайной декабристской организации «Практический союз» (1825 г.), принимавший активное участие в общественной жизни губернии[9] Его единомышленники — бывший декабрист А.А.Тучков и Н.М.Сатин избраны почетными мировыми судьями в Инсарском уезде. В апреле 1873 г. мировым судьей второго участка Городищенского мирового округа был избран местным земством П.И.Вайнаральский, впоследствии известный революционер, один из организаторов народнического кружка в г.Пензе[10] В 1880 г. почетным судьей Краснослободского мирового судебного округа стал Л.П.Никифоров — общественный деятель, переводчик, участник нечаевского движения[11]

Среди первых почетных судей Городищенского уезда был публицист, переводчик, издатель А.Н.Аксаков, а участковым судьей Саранского уезда был избран в 1869 г. П.А.Олферьев — участник Кавказской войны, действительный член Общества ревнителей русской истории и просвещения[12] По Пензенскому и Нижнеломовскому уездам неоднократно избирался в почетные мировые судьи видный деятель Пензенского земства — тайный советник Д.К.Гевлич, жертвовавший средства на просветительскую работу Пензенского уездного земства.

Свое желание послужить Фемиде выразили и представители делового мира губернии. В Инсарском судебном мировом округе на должность почетного судьи в 1869 г. был избран дворянский предприниматель М.А.Литвинов, в Нижнеломовском — сыновья крупного суконного фабриканта Н.Ф. и П.Ф.Лубяновские, в Пензенском — основатель сахарно-рафинадного завода в юго-восточном засурье Пензы, потомственный почетный гражданин Э.И.Герке, пензенский промышленник и владелец торговых заведений мещанин А.И.Работкин, чей вклад в экономическое развитие края отмечен золотой и серебряной медалями «За усер-

дие». Среди почетных мировых судей губернии — купцы и меценаты П.И.Быстренин, И.В.Волков, М.М.Соколов. В 1884 г. в списках почетных мировых судей Саранского уезда значится мордвин по происхождению, сын известного саранского купца, получивший высшее юридическое образование в Императорском Казанском университете, Г.Д.Начаркин.

Социальное и имущественное положение почетных мировых судей было значительно выше участковых. По результатам первых выборов 27 % из них составили крупные землевладельцы, чьи поместья в губернии включали свыше 3 тыс. десятин земли и около 17 % — владельцы латифундий, имевшие свыше 10 тыс. десятин (Араповы, Сабуровы, Девлеткильдеевы, Никифоровы, Бахметьев, Лубяновский, Ниротморцев, Охотников и др.). Тогда как среди участковых мировых судей представители богатых дворянских родов встречались реже и составляли в 1869 г. около 23 %.

Следует отметить, что состав судей в различных мировых округах Пензенской губернии различался по уровню образования и имущественному положению. На фоне общего дефицита профессиональных юристов выгодно отличался Мокшанский уезд, где двое из избранных участковых судей и один почетный судья были дипломированными специалистами в области права: П.Н.Кудрявцев и А.Н.Еникеев окончили Императорское училище правоведения, Я.А.Азаревич — юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Среди судей, избранных в этом уезде, было значительное число владельцев крупных земельных состояний от 900 до 14 879 десятин[13]

По имеющимся сведениям, большинство судей Нижнеломовского уезда (8 из 15 чел.) получили образование в военных учреждениях, были также выпускники Императорского лицея, Императорской медико-хирургической академии, Лесного института и Дворянского пансиона при Московском университете. Поручик П.С.Фролов и купец 2 гильдии И.В.Волков имели большой опыт работы в судебных учреждениях: один — в качестве нижнеломовского уездного судьи, другой исполнял обязанности бургомистра в Нижнеломовской городской ратуше[14]. Среди судей всех уездов преобладали лица в возрасте до 40 лет.

Согласно закону, мировым судьей мог стать только местный житель. Это условие вводилось в целях создания

авторитетной судебной власти, хорошо знакомой с местными нравами, обычаями и людьми. Однако трактовался местный ценз весьма широко, так как большинство представителей дворянства, имеющие поместья в провинциях, в них постоянно не проживали, поэтому от претендента не требовалось проживания к моменту проведения выборов не только в уезде, но даже в губернии, где он баллотировался в качестве кандидата. Обязанность становиться местным жителем возникала, когда кандидат избирался на должность мирового судьи. Для Пензенской губернии ситуация, когда в число мировых судей попадали лица, не проживавшие здесь ранее постоянно, была также достаточно распространена. Свидетельством тому являются бумаги, направленные Пензенским губернатором Министру юстиции, в которых он давал характеристику лицам, избранным в уездах на должность мировых судей. Так, например, в его сообщении об итогах выборов в Нижнеломовском уезде отмечается: «...Что же касается до некоторых лиц, избранных в почетные мировые судьи, то о...полковнике Николае Лубянове, генерал-майоре Меньковиче-Петровском, подполковнике Фон-Моллере, поручике Фролове и купце Волкове...ничего положительного Вашему Сиятельству сообщить не признаю возможным, т.к. лица в пределах губернии постоянно не проживают»[15]. Подобные замечания встречаются в его сообщениях достаточно часто.

Ведению мировых судей подлежали гражданские дела по искам не свыше 500 руб. и дела уголовные, наказание за которые было не выше года и шести месяцев тюремного заключения. Производство было простое и примирительное. Жалобы мировому судье могли подаваться даже словесно. По подаче ее судья должен был немедленно назначать день разбора дела и вызвать стороны, дело слушалось публично и устно.

Участковые и почетные мировые судьи каждого мирового округа составляли высшую мировую инстанцию — съезд мировых судей. Он действовал периодически, выполняя функции судебного разбирательства во второй инстанции и судебного управления мировым округом. В состав мирового съезда входили председатель, непременный член и мировые судьи округа. Дела слушались коллегиально. Учитывая невысокий уровень обеспечения мировых судов квалифи-

цированными юристами, в целях укрепления законности предусматривалось присутствие на съезде прокурора для предъявления заключения по рассматриваемым делам. В качестве суда второй степени съезд являлся апелляционной, а по делам меньшей важности — кассационной инстанцией мирового суда. В области управления мировым округом съезд составлял наказы для судей, готовил ежегодные отчеты о движении дел, осуществлял надзор за мировыми судьями, включая право возбуждать против них дисциплинарное преследование.

В отличие от современного дореволюционный мировой суд имел организационную самостоятельность и независимую сферу действия. С другой ветвью судебной системы — общими судебными установлениями — их объединяла лишь высшая кассационная инстанция — Сенат.

Материальное и финансовое обеспечение мирового суда возлагалось на земские учреждения. Так, общая сумма ассигнований на содержание участковых мировых судей, мировых съездов, особых судебных приставов при мировых съездах согласно решениям уездных земских собраний составляла в Саранском уезде 7 тыс. руб., Инсарском — 8 тыс. руб, Краснослободском — 8 100 руб. На жалованье мирового судьи выделялось от 1 500 до 2 тыс. руб. в год[16]

Современники отмечали, что уже в первые месяцы деятельности мировые суды снискали доверие населения. По словам министра юстиции Д.Н.Замятнина, «со времени открытия действий мировых судебных установлений возбуждено громадное число таких гражданских исков, которые или по своей малоценности, или по неимению у истцов формальных доказательств в прежних судах вовсе не возникали»[17] Об этом говорит и рост количества дел, поступающих на рассмотрение мировых судей Пензенской губернии. Если в дореформенный период в Краснослободском уездном суде и магистрате в течение всего 1864 г. было «окончено по существу» 14 гражданских дел и вынесено 30 мнений и 59 приговоров по уголовным делам, то только мировым судьей первого участка Краснослободского судебного округа за первые два месяца его деятельности было решено 97 уголовных и гражданских дел. В среднем же к судье поступало 56 дел в месяц. Среди основных категорий

дел, рассматриваемых мировыми судьями, — дела о взыскании долга, нанесении обид, побоев, совершении кражи, самовольной порубке леса и т.п. Производство было лишено ряда формальностей, что ускоряло процесс рассмотрения дел, но некоторые исследователи усматривают в стремлении ускорить процедуру мирового судопроизводства и негативные стороны, считая, что быстрота рассмотрения, упрощенный, суммарный порядок разбирательства неизбежно приводили к тому, что обвиняемый в мировом суде имел меньший объем гарантий вынесения справедливого приговора.

Своеобразное проявление в мировой юстиции получил принцип состязательности, введенный в судебный процесс уставами 1864 г. Здесь стороны обладали большей самостоятельностью, чем в общих судебных учреждениях. Роль судьи была более активной. Кроме судебного разбирательства мировой судья осуществлял следственные действия. В круг его обязанностей включались функции административного и охранительного характера.

Заботясь о доступности суда для населения, составители уставов стремились обеспечить близость его местонахождения, дешевизну и максимально устранить стесняющие формальности. При выделении мировых участков принималось во внимание число проживающих на нем жителей. В Саранском уезде один участковый судья обслуживал в среднем 48 156 чел., в Краснослободском — 44 453 чел., в Инсарском — 35 529 чел., но судьи могли быть распределены в уезде неравномерно и находиться в одной его части, обслуживая при этом довольно большое количество населенных пунктов. Например, в Инсарском уезде Пензенской губернии на одного участкового судью приходилось от 50 до 70 селений. Между тем расстояние в 50—100 верст, учитывая состояние путей сообщения, достаточно затрудняло для бедняка доступ к мировому суду. В связи с этим возникали предложения кроме постоянного места пребывания судьи установить несколько пунктов его пребывания в разных концах участка, в которые бы он приезжал в заранее назначенные сроки для разбора на месте дел, требующих его разрешения. Казалось бы, помочь осуществлению правосудия на местах были призваны почетные миро-

вые судьи, но на практике большинство из них не разбирало никаких дел и не являлось на заседания мировых съездов.

Это не единственная проблема дореволюционной мировой юстиции. К таковым можно отнести и невысокий уровень профессионализма судей, что усугублялось кратковременностью пребывания их в должности, отсутствием действенного государственного и общественного контроля, особенно заметное в провинции. Как справедливо отмечал К.К.Арсеньев, в дореволюционных уездных городах разбор дела у мирового судьи происходил публично только формально, так как малообразованная крестьянская публика (основной посетитель мирового судьи) редко была в состоянии понять и оценить действия и решения судей и подметить отступления от закона. В подобной ситуации легко было допустить равнодушие, рутину и более существенные нарушения судейского долга[18] Съезд мировых судей в провинциальных уездах также не всегда мог полноценно выполнять возложенную на него роль. С одной стороны, обыватели, которым долгие годы внушалось, что указание на ошибки начальства равносильно сопротивлению власти, не могли без боязни и опасения апеллировать в съезд: в их глазах мировой судья являлся ни кем иным как «новым начальством». «Местная публика, — писал Н.А.Корф, — боялась подачею жалобы оскорбить судью, испортить с ним отношения»[19] С другой стороны, съезд мировых судей мог сам отбить у тяжущихся желание переносить свое дело из первой инстанции во вторую, если превращался в «съезд товарищей судьи», призванный прикрывать ошибки своего коллеги.

Возложение на местного судью обязанности руководствоваться не только буквой закона, но изучать и прилагать к делу народные юридические обычаи также приводило к серьезным затруднениям. Это происходило как от отсутствия точного понимания и объяснения значения обычаев, так и от их национальных и местных различий. Столкновение обычаев в случаях, когда тяжущимися сторонами выступали жители разной местности, могло завести в тупик мирового судью.

Однако несмотря на проблемы, возникшие перед мировой юстицией в период ее становления в дореволюционной

России, нельзя отрицать и тот факт, что в лице судей и съездов страна получила первые цивилизованные и облагораживающие общество учреждения, явившиеся, по словам Г.Джаншиева, первой и самой важной ступенью школы гражданского и правового воспитания[20] Мировой суд выполнил свое главное назначение — в стране многовекового «холопства» население впервые получило возможность открытой защиты своих гражданских прав и свобод.

Нынешний мировой судья по своему правовому положению и объему полномочий во многом отличается от своего коллеги в царской России. К кандидатам на должность мировых судей предъявляются те же требования, что и к судьям районным, они включены в единую судебную систему и выделяются лишь категориями рассматриваемых дел и единоличным принятием судебного решения. У современных юристов даже возникают сомнения в целесообразности возрождения этого института. Тем не менее, конфликты, разрешаемые мировым судьей в наши дни, как и полтора столетия назад, близки и понятны каждому обывателю, что придает ему особый статус в глазах общественности. Его профессиональное мастерство и беспристрастность оказывают существенное влияние на степень доверия к суду населения, на воспитание правовой культуры и укрепление законности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственный архив Пензенской области, ф. 5, оп. 1, д. 4710, л. 3.

[2] Там же, л. 1.

[3] Учреждения судебных установлений. Гл. 2 п. 19 //Российское законодательство X—XX вв. М., 1991. Т. 8. С. 34.

[4] См.: *Шаркова И.Г.* Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. 1998. № 9. С. 80.

[5] Российское законодательство X—XX вв. М., 1991. Т. 8. С. 35—36.

[6] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4702, л. 48; д. 4705, л. 28.

[7] *Уортман Р.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 445.

[8] См.: Пензенское земство: Научно-библиографический справочник. Пенза, 1996. С. 85.

[9] Там же. С. 124—125.

[10] См.: Очерки истории Пензенского края (с древнейших времен до конца XIX в.). Пенза, 1973. С. 262—266.

[11] См.: История Мордовии в лицах: биографический сборник. Саранск, 1994. Кн. 4. С. 207.

[12] См.: Пензенское земство... С. 16, 415.

[13] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 4705, л. 25.

[14] Там же, д. 4707, л. 35—36.

[15] Там же, д. 4710, л. 117.

[16] Там же, д. 4843. л. 3—4.

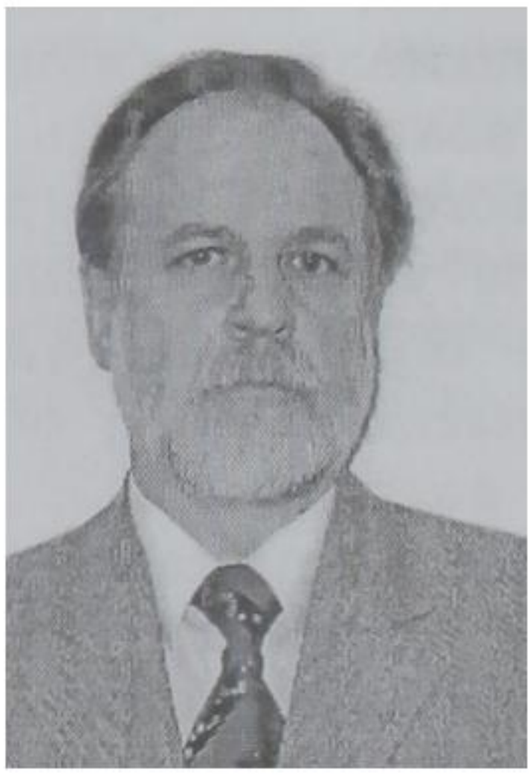
[17] См.: *Джаншиев Г.А.* Эпоха великих реформ: Исторические справки. СПб., 1905. С. 460.

[18] См.: *Арсеньев К.К.* Итоги судебной реформы // Вестник Европы. 1871. № 5. С. 376.

[19] *Корф Н.А.* Мировой суд в провинции // Вестник Европы. 1869. Кн. 10. С. 915.

[20] См.: *Джаншиев Г.А.* Указ. соч. С. 459.

Поступила 20.09.2005.



С.М.БУКИН

ОБЩИННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ МОРДВЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI—XVII вв.

На протяжении столетий, вплоть до начала XX в., важным институтом, способствовавшим сохранению ряда этносоциальных особенностей мордвы, элементов ее национальной государственности была сельская община, регламентировавшая на основе обычного права некоторые стороны экономической, общественно-политической и культурно-бытовой жизни мордовского населения. У мокши и эрзи отсутствует слово для передачи понятия «община». В повседневном быту крестьяне обычно употребляли термин *велень пуромкс* (мокш.), *велень промкс* (эрз.), имея в виду орган управления, «соединявший в себе и правотворческие, и исполнительные функции»[1] *Велень пуромкс (промкс)* выражал мнение общины и одновременно корректировал его в соответствии с нормами обычного права. Мордовская община по своему характеру, положению имела много общего с традиционными общинами других народов. Вместе с тем она обладала своеобразными чертами, обусловленными особенностями расселения, социально-экономического развития, этнокультурными процессами, влиянием традиций.

Самоуправляющиеся общины, объединяющие крестьян одного или нескольких селений в общественный союз на основе общности территории и коллективного владения землей, составляли неотъемлемую и необходимую часть общественного строя мордвы. Общины складывались стихийно и до XVI в. являлись неофициальными демократическими организациями крестьян, в которых проходила вся их жизнь. Общинников объединяла общая собственность,

БУКИН Сергей Михайлович, доцент кафедры истории Отечества Историко-социологического института Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

совместное производство, коллективная ответственность перед государством за налоги и преступления, совершенные на территории общины, правосудие, религиозная жизнь, потребность в защите, организация досуга, взаимопомощь и другие групповые интересы. В течение долгого времени (до середины XIX в.) крестьяне объединялись на уровне одного поселения (деревни, села) в деревенские общины, а на уровне нескольких поселений — в волостные общины, образующие административную единицу, — волость.

Волостные и деревенские общины имели одинаковое общественное устройство: непосредственные собрания всех членов общины (сходы), органы самоуправления во главе с выборными руководителями. Мордовские крестьяне считали, что сельский сход — нечто вроде сбора большой семьи, на котором советуются, как поступить в том или ином случае, тогда как на волостных сходах решение часто зависело от позиции волостной администрации. Взаимоотношения крестьянских дворов с мирским управлением регулировались нормами обычного права. Общественное самоуправление опиралось на дисциплинированность общинников.

Общинные собрания собирались раз в месяц. Летом они проводились на улице, обычно на площади, а зимой нанимали специальный дом *«промкс куд» (эрз.), «пуромкс» (велень) «куд» (мокш.)*. Время проведения схода для решения текущих вопросов назначалось заранее, о чем заблаговременно извещалась каждая семья. Иногда мир собирался экстренно, например, для решения внезапно возникшей проблемы, или в том случае, когда в село приезжало уездное начальство.

В сложных общинах проводились сходы — общие и частные (малые), в зависимости от степени важности рассматриваемых вопросов. Исследователь общины П.Якушкин предложил градацию сходов: казенные, мирские и судебные. На казенных обычно присутствовало уездное начальство, и вопросы решались чаще всего без учета мнения крестьян, которые в связи с этим старались избегать участия в таких мероприятиях. При этом крестьяне мотивировали свое поведение тем, что: «Снявши шапку, не много поговоришь! Какая это сходка? Соберутся, выйдет началь-

ник, все шапки долой»[2] Однако не всегда крестьяне молча выслушивали начальство, в некоторых случаях они выражали свое недовольство.

Малые сходы или «мирская сходка» затрагивала интересы всех крестьян. Здесь решались вопросы повседневной внутридеревенской жизни: разбирали мелкие конфликты, определяли место новой усадьбы, осуществляли частные земельные переделы, занимались семейными разделами и бытовыми ссорами. Обычно в сложных общинах земля распределялась для удобства землепользования между селениями, которые затем на малых мирских сходах наделяли угодьями отдельных домохозяев. На малых сходах обычно вопросы решались в пользу крестьян, обладавших большим влиянием среди общинников. «Мирские сходки, которые решались у них (у мордовских крестьян), общие дела и против которых они позволяли себе иногда восставать только шепотом и то мне на ухо, ... бывали иногда Шемякиным судом, — отмечал И.Селиванов, — Никто никого не слушал. Одерживали верх те, у которых голос был погромче... Тот, у кого больше денег, и тот, главное, кто при подушных „выручал мир“, то есть давал взаймы за большие прокаты (проценты), тот, разумеется, играл первую роль»[3]

Для раскладки податей, решения административных и общих хозяйственных дел созывался большой сход, на котором присутствовали все домохозяева, либо группы выборных, имеющие право голоса не только за себя, но и за некоторых своих односельчан. Такая практика иногда приводила к тому, что большие сходы принимали решения, о которых многие крестьяне маленьких деревень не знали.

Наряду с решением подобного рода вопросов на больших сходах осуществлялись выборы управленческого аппарата общины. Выборные являлись исполнительной властью в общине. С точки зрения местной администрации во всех вопросах, касающихся общественного порядка, налогов и повинностей, выборные должны были исполнять ее волю, в остальных вопросах крестьянской жизни — волю общины. Однако с точки зрения крестьян выборные должны были всегда и во всем служить общине и выполнять волю схода — общего собрания глав хозяйств. В сущности сход и олицет-

ворял общину. На практике получалось так, что ни выборные, ни отдельный крестьянин ничего не могли предпринять без решения схода. Даже указания администрации, прежде чем реализоваться, должны были получить мирское согласие на сходе. Правительство сознавало силу схода и поэтому стремилось любыми средствами добиться от него одобрения своих указаний, особенно непопулярных у крестьян[4] Таким образом, община обладала значительной автономией от местной власти, пользовалась самоуправлением и имела реальные средства отстаивать свои интересы.

Для управления общиной на мирском собрании избирался староста. Срок его службы в различных уездах, на территории которых проживала мордва, колебался от 3 до 5 лет. Главной обязанностью старосты являлся контроль над мирской казной. Кроме общего руководства общиной и председательствования на мирских сходах староста осуществлял надзор по управлению и ведению хозяйства. Он также следил за порядком в подведомственном ему селении, рассматривал мелкие судебные дела, разбирал несложные споры и тяжбы, имел право наказания виновных в мелких преступлениях. Старосты организовывали первую помощь при пожарах, наводнениях, падеже скота и других происшествиях. Они же обязывались предупреждать потраву хлеба, лесные пожары, порубки леса. Таким образом, староста сочетал в себе функции представительной власти, управленческого аппарата и полицейские полномочия. Мордва воспринимала старосту как слугу общества и одновременно как лицо, ответственное за сельский мир. Крестьяне не стремились участвовать в управлении общиной в качестве выборных лиц, поскольку их отталкивал принудительный характер общественного служения. Б.Н.Миронов объясняет это их нежелание двумя обстоятельствами. Во-первых, для крестьянства «справедливое», т.е. уравнительное распределение материальных благ имело большее значение, чем уравнительное распределение власти и влияния, поэтому они были чрезвычайно щепетильны относительно распределения земли и налогов, но достаточно равнодушны относительно распределения власти. Во-вторых, активное участие в общественных делах требовало опыта и времени (оно поглощало до трети рабочего вре-

мени) и очень мало или вовсе не вознаграждалось, а иногда даже приносило убытки. Жалованье и незначительные льготы не компенсировали потерь рабочего времени, особенно для лиц, занимавших наиболее важные выборные должности. Общественная служба была тяжелой обязанностью, поэтому общественными делами могли и действительно активно занимались, во-первых, люди пожилые и опытные (пожилые не могли активно участвовать в тяжелой крестьянской работе), во-вторых, люди из большой семьи, которая безболезненно могла обойтись без одного работника, в-третьих, люди зажиточные, способные компенсировать свою неполную занятость делами своего хозяйства[5] Большие семьи, как правило, были зажиточнее малых, а пожилые люди возглавляли эти семьи в качестве большаков, поэтому большие семьи главным образом и поставляли выборных. Таким образом, неравномерное распределение общественных обязанностей между различными социальными группами крестьянства приводило к тому, что власть ложилась бременем на высшую страту крестьянства. За престиж, уважение и власть зажиточные крестьяне платили своего рода налог, и поэтому более активное их участие в общественных делах устраивало остальных крестьян. Случалось, что крестьяне под разными предлогами уклонялись от общественной службы. По мнению Н.Ф.Беляевой, «Такое явление имело распространение и у мордвы»[6] При этом она ссылается на А.Можаровского, писавшего: «Посаженный в старосты нередко через год уже откупался у мира водкой...»[7]

На должность старосты мог претендовать далеко не каждый сельский обыватель, а лишь тот, кто являлся домохозяином: главой крестьянского семейства, в пользовании которого находился земельный надел. Хотя по закону избранными могли быть лица не моложе 25 лет, в действительности возрастная планка поднималась до 35 лет. Важной характеристикой кандидата в старосты была его приверженность кодексу моральных устоев: строгое поведение в быту, семье, уважение к старшим, добросовестное отношение к своим обязанностям. Он также должен был отличаться «добрым поведением» и не иметь судимости[8] Позже, во второй половине XIX в., учитывался и образовательный ценз.

В качестве помощников старосты на мирском сходе избирались десятские (выборные от каждых 10 дворов) сроком от 3 месяцев до 1 года. Они должны были наблюдать за чистотой и порядком в селе.

Староста, десятские получали жалование за счет средств рядовых общинников, и на время пребывания в должности они освобождались от всех видов натуральных повинностей. Кроме старост, сотников и десятских в помощь им избирались сборщики податей, матросы (объездчики), полесовщики, полевые сторожа и пожарные старосты.

Сельские общины действовали как самоуправляющиеся организации. Компетенция между общинами двух уровней была разделена; дела, которые они решали, различались номенклатурой и важностью (например, мелкие уголовные дела решались в деревенских общинах, крупные — волостным судом). Можно сказать, что волостным общинам принадлежали в основном административные и финансовые дела, касавшиеся всей волости, а также важные судебные, а в компетенцию деревенских общин входили все дела, включая административные, финансовые и судебные, касавшиеся отдельного селения. При таком положении большинство дел рассматривалось и решалось в деревенских общинах.

До XVIII в. почти каждая крестьянская община, население которой занималось главным образом сельским хозяйством, являлась в значительной мере самодостаточной: она могла существовать автономно от внешнего мира, так как большую часть своих материальных и духовных потребностей удовлетворяла самостоятельно. Отношения в общинах были неформальными. Внешние связи крестьян с государственными учреждениями, другими общинами, посторонними частными лицами осуществлялись, как правило, непосредственно через общину или ее руководителей, которые служили посредниками между населением и властями. Для этих целей выбирались поверенные лица от общины. Об этом свидетельствуют архивные материалы: «...уполномочиваем ходатайствовать от имени своего за наше общество по всем делам как ныне производящихся, так и впредь возникнуть могущими в судебных учреждениях и у должностных лиц, подавать прошения, объявления, заявлять спор о подлогах, получить справки, всякого рода документы...»[9] Они также являлись проводниками установок и норм, на

основе которых правительство стремилось утвердить общественный порядок в государстве. В их обязанности входило обнародование указов правительства и местной власти, назначение мирских сходов, организация своевременного сбора и сдачи податей, отправление по указам людей и подвод, объявление о беглых, пришлых, первоначальное рассмотрение крестьянских споров, расследование маловажных политических проступков, задержание виновных, допрос и отправка их в губную (приказную) избу для суда. Согласно обычаю, после избрания поверенный давал клятву выполнять свои обязанности по закону и совести, соблюдая заветы предков, а также заверял сход не чинить несправедливость, не обижать обездоленных и сирот, держать ответ перед Страшным Судом и Богом. Руководители общин информировали местную администрацию о требованиях и пожеланиях общинников, которые она принимала или не принимала во внимание при определении своей политики.

Подлинными неформальными лидерами мордовской общины являлись старики (мужчины в возрасте 60 лет) и старше, сохранившие трудоспособность, ясный ум и являвшиеся главами хозяйств. Старики, обладавшие большим опытом, пользовавшиеся репутацией честных, справедливых людей, объединялись в неформальное сообщество — «совет старейшин» и составляли наиболее влиятельную группу лиц в общине. В произведениях мордовского фольклора они называются сельскими старшинами (*«велень оцютне»* — мокш., *«велень покштне»* — эрз.), сельскими стариками, дедами (*«велень атятне»* — мокш., эрз.), сельскими судьями (*«велень судият»* — мокш., эрз.). Например, в одной из эрзя-мордовских песен сказано: *«Сур велень покштне, велень атятне, велень судият, велень дедатне»*[10] («Сельские старшины, старики села Сабаева, сельские судьи, сельские деды»). Любое важное дело рассматривалось прежде всего ими, их мнение на сходе было решающим, без их согласия староста не принимал ни одного важного решения. Старики играли роль арбитров в важнейших мирских делах, выполняли функции судей, руководствуясь традициями отцов и дедов. В народе «совет старейшин» считался хранилищем обычаев предков, традиций. Его значимость проявлялась в спорных случаях жи-

тейской практики. В крестьянском сознании единодушно признавалась эффективность этого органа. «В общественном быту здешних крестьян свято сохраняется порядок старинный... Всякая власть уважается, как данная от Бога. Главное основание общественного устройства есть уважение к старикам и их общему приговору ...Староста, сам собой, не решается ни на что важное, касающееся всего общества, без стариков. На мирских сходках редко крестьянин моложе сорока лет возвышает голос: взаимная доверенность к избираемому начальству и сонму стариков так велика, что молодежь считает предосудительным что-либо говорить на сходке», — засвидетельствовал помещик Нижегородской губернии[11].

Ю.Н.Мокшина считает, что компетенция «совета старейшин» не была четко очерчена. Рассмотрению подлежали наиболее важные дела, связанные с реализацией права или исполнением обязанности субъектами обычно-правовых отношений, а также обычно-правовые конфликты между членами общины, общиной и ее членами, общиной и государством. «Так, в правоотношениях между общиной и государством под этноюрисдикцию схода подпадали вопросы, возникавшие в связи с реализацией возложенных государством на общину обязанностей, например, исполнение рекрутской повинности»[12] «Совет старейшин» также осуществлял разбор обычно-правовых нарушений: совершение опасных деяний, несоблюдение условий договоров, причинение вреда, разделы имущества, споры, возникавшие по самым различным проблемам[13]

Для понимания характера власти и управления в общине большое значение имеет процедура принятия решений. Согласно обычному праву, единогласие старейшин на сходе — непременное условие принятия любого решения. Если хотя бы один человек был не согласен, решение не могло считаться окончательным и быть реализованным. Каким же образом достигалось единогласие? Несогласное меньшинство или убеждалось доводами большинства, или, не будучи убежденным, добровольно уступало, чтобы быть заодно со всеми и не вступать в конфликт с миром. Принуждение в психологическом, а тем более в физическом смысле не применялось, хотя случалось, что меньшинство оказывалось вынужденным согласиться с мнением большинства

вопреки своему желанию. С другой стороны, бывало и так, что целое крестьянское общество на многих сходах выбивалось из сил, чтобы уговорить одного из своих сочленов согласиться со всеми, и, не получив его согласия, откладывало дело. Требование единогласия давало каждому дворохозяину право вето, реализовать которое, однако, было нелегко. Право вето иногда использовали наиболее смелые крестьяне, чтобы противостоять помещикам или государственной администрации, вынуждая последних либо уступить, либо принять крайние меры в отношении несогласных, на что власти всегда шли неохотно. В основе правила единогласия лежало убеждение, что только согласие всех сделает решение прочным и справедливым, божеским.

Местная власть рассматривала волостные общины мордвы в качестве элемента низшей администрации, вступая в непосредственные отношения с ними, а не с отдельными лицами. Привлекая общины для выполнения государственных функций, официальная власть не пыталась, да и не имела сил и средств взять их под свой контроль. Правительство всегда признавало де-факто за общинами право самоуправления, например, местная администрация, располагавшая небольшим аппаратом управления, могла исполнять свои функции (судебную, податную, полицейскую и нотариальную) только опираясь на волостные общины, поэтому и поддержание общественного порядка, и суд, за исключением крупных уголовных преступлений, были де-факто также заботой самих общин. Что касается других жизненно необходимых для общин функций (поддержание благосостояния населения, организация хозяйственной, религиозной жизни и т.д.), то они также по необходимости входили в компетенцию главным образом деревенских общин и осуществлялись вне правительственного контроля, согласно стихийно выработанным обычаям и традициям, не закрепленным в законе. Члены деревенских общин были связаны круговой ответственностью. Постоянное управление делами общины принадлежало выборным ямским, сельским старостам, сотникам, десятникам и др.[14], которые регулярно переизбирались и за свою деятельность отчитывались на общих собраниях. Деревенские общины посылали своих представителей на волостные собрания, избиравшие волостных должностных лиц — губных и земских старост.

Сначала губные старосты избирались в отдельных волостях, но впоследствии представители всех разрядов населения на общеуездном съезде избирали только одного губного старосту с несколькими помощниками (целовальниками) на целый уезд. Вместе с делопроизводителем (дьяком) они составляли канцелярию (губную избу). В ее компетенцию входили уголовная юстиция и полиция по важнейшим уголовным преступлениям: убийства, разбои, поджоги, а также содержание тюрем. По одному земскому старосте с несколькими помощниками избиралось на волость и весь уезд. В компетенции земских старост находилось все управление — полицейское, финансовое, экономическое и суд по гражданским и уголовным делам, за исключением наиболее опасных. Губные старосты избирались непременно из дворян, их помощники, а также земские старосты с помощниками — из посадских и крестьян. Для того чтобы выборные могли исполнять свои функции успешно, они были поставлены под контроль не только государственной администрации, но и самого населения: выборные и население были связаны взаимной ответственностью — мирской выбор был коллективным поручительством общины за выбираемого человека.

К середине XVI в. волостные общины как институты обычного права были введены в систему оформленных и признанных законом государственных институтов. С этого времени можно говорить о том, что волостные общины стали юридическими лицами, т.е. корпорациями, по закону обладавшими самоуправлением, правом вступать в обязательства, иметь и распоряжаться собственностью. По словам М.М.Богословского, мир стал «самоуправляющимся публично-правовым общественным союзом, связанным интересами общего блага»[15] Общины первого уровня продолжали еще долгое время существовать без прав юридического лица, имели полуофициальный характер, осуществляли свою многообразную деятельность де-факто, а не де-юре.

В условиях существовавшей на территории мордовского края воеводской системы управления в компетенцию главы местной администрации, наряду с другими обязанностями, входил контроль над деятельностью общин и их выборных, но без вмешательства в их деятельность. Однако в течение первой половины XVII в. воеводa постепенно превратился

в начальника по отношению к выборным, так как к нему перешла административно-полицейская власть в уезде. На этом основании воевода стал вмешиваться в полицейские дела волостных общин, но другие их функции (финансовая, экономическая, религиозная и т.д.) остались в их компетенции де-юре. Что же касается деревенских общин, то они по-прежнему существовали и действовали де-факто. Воевода мало стеснял деятельность волостных общин из-за их отдаленности от города, где находилась его резиденция, и плохих коммуникаций, а деревенские общины вообще оставались вне сферы его влияния.

Общины имели право петиций на имя царя, правительства и широко этим пользовались. Монарх и центральная власть не оставались равнодушными к жалобам местного мордовского населения. Так, в 1664 г. царь повелел «В Кадом воеводе нашему Кириллу Евсеичу Арсеньеву. По нашему указу и по челобитью Темниковского уезду Краснослободского присуду села Дмитриева Усады, деревни Намбрюкижы мордвы Сускурка Килганова с товарищи, мещеряки, на кадомского ж помещика на Матвея, Лаврентьева сына, Жукова в их раззореньи и в бою и в грабежу велено взять к Москве. А детей их, которые в Кадоме сажены были в тюрьму по Матвееву челобитью Жукова ...не дожидаясь к себе о том нашего указу... трех человек из тюрьмы освободить и с порукою же выдать: они в тюрьму посажены не в татинном, не в разбойном и не в убийственном деле»[16] В 1681 г. «По челобитью мордвина Васьки Понаева велено в иску его на самарского пристава на Максимка Соколова дать суд»[17]

Таким образом, до конца XVII в. на территории мордовского края существовал общественный порядок, присущий Российскому государству в целом[18] В его основе лежала самоуправляющаяся община, решавшая, с одной стороны, насущные вопросы жизни своих членов, с другой — государственные задачи под общим руководством и контролем местной администрации[19] При этом общины являлись субъектами самоуправления лишь настолько, насколько местная администрация возлагала на них осуществление функций государственного управления. Делегирование им власти происходило, кроме всего прочего, потому, что только сами общины могли вести управление инициативно, сооб-

разовываясь с условиями места, времени и наличных средств. Избираемые населением руководители, связанные с ним множеством общих интересов и зависимые от него в своей деятельности и жизни, неизбежно подчинялись контролю общественного мнения, которое благодаря этому могло пресечь злоупотребления местных властей. Поскольку органы местного самоуправления осуществляли задачи государственного управления, местная администрация имела не только право, но и обязанность контролировать их деятельность и влиять на их состав. Самоуправление рассматривалось не только как привилегия, но и как натуральная повинность, возложенная государством на население в интересах обеих сторон[20]

Наряду с общиной организацией жизни мордовского населения ведали административные органы, созданные из числа выборных коренных жителей. В их основу был положен не территориальный принцип, а этническая принадлежность людей. Вместе с тем следует подчеркнуть, что должностные лица, представлявшие мордву, играли вспомогательную роль по отношению к уездной администрации и подчинялись ей. Деятельность мордовских воевод, голов, приказчиков, сотников, старост, пятидесятников, десятников и др. «лучших людей», представлявших местную знать, была лишена политической составляющей и сводилась в основном к фискальным функциям.

Существование общины, игравшей роль хранителя справедливости и традиций, следование общинниками нормам обычного права мордвы, и одновременное функционирование мордовских должностных лиц дает нам основание утверждать, что несмотря на значительное влияние воеводской администрации в повседневной жизни мордвы в этот период обеспечивалась реальная, внутренняя автономия коренного мордовского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Беляева Н.Ф.* Община // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004. С. 331.

[2] *Якушкин П.* Несколько слов о мирском сходе // Северная пчела. 1860. № 124. С. 1—2.

[3] Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 3. Ч. 1. Саранск, 1939. С. 240.

[4] *Александров В.А.* Сельская община в России: (XVII — начало XVIII в.). М., 1976. С. 178; *Прокофьева Л.С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Л., 1981. С. 136.

[5] См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 445.

[6] *Беляева Н.Ф.* Указ. соч. С. 334.

[7] *Можаровский А.* Руссо-мордвы на Нижегородской почве // Нижегородские губернские ведомости, часть неофициальная, 1933. № 8. С. 15.

[8] ПСЗ РИ, т. 36. № 36657. Ст. 114.

[9] ЦГА РМ, ф. 139, оп. 1, д. 13.

[10] См.: *Евсевьев М.Е.* Избр. тр.: В 5 т. Саранск, 1966. Т. 1. С. 129.

[11] См.: *Бабарыкин В.* Сельцо Васильевское, Нижегородской губернии Нижегородского уезда // Этнографический сборник, издаваемый РГО. СПб., 1853. Вып. 1. С. 20.

[12] *Мокшина Ю.Н.* Этноюстиция // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. С. 942.

[13] Там же.

[14] *Бабарыкин В.* Указ. соч. С. 54.

[15] *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере. М., 1909. Т. 1. С. 193.

[16] *Гераклитов А.А.* Материалы по истории мордвы. М.-Л., 1931. С. 43.

[17] Там же. С. 44.

[18] См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, СПб., 1900. С. 210—218; *Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. СПб., 1883. Т. 3. Ч. 1. С. 63—80.

[19] См.: *Швейковская Н.Т.* Общинная власть в системе феодального административного управления России XVII в. // Чтения памяти В.Б.Кобрина: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 198—200.

[20] См.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России... С. 429.

Поступила 20.01.2006.

М.С.УЛАНОВ

БУДДИЗМ В КАЛМЫКИИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI вв[1].

Среди регионов мира, где традиционно распространен буддизм, Калмыкия выделяется своим особым географическим положением и этнокультурной спецификой. Калмыки — единственный в Европе монголоязычный народ, исповедующий буддизм. В тоже время буддийская культура Калмыкии является важным компонентом региональной культуры Юга России. Следует также отметить, что современная религиозная ситуация в республике недостаточно изучена.

Калмыцкий буддизм имеет давнюю и богатую историю. Исторически на территории Калмыкии получила распространение тибетская традиция буддизма в форме «желтошапочной» школы Гелуг. В то же время предки калмыков ойраты были знакомы и с другими школами тибетского буддизма. К началу XX в. в калмыцкой степи и на Дону действовало более ста больших и малых хурулов (храмов), при которых находилось более 2 тыс. священнослужителей[2]

В 30-х гг. XX в. в результате сталинских репрессий храмы были разрушены, а буддийское духовенство подверглось репрессиям. К началу Великой Отечественной войны буддизм в Калмыкии был практически уничтожен. Выселение калмыков в 1943 г. довершило разгром буддизма. В ссылке продолжались гонения на бывших священнослужителей. Были утрачены многие сохранившиеся в семьях предметы культа.

После восстановления калмыцкой автономии верующие пытались добиться открытия хурула, однако власти не допустили регистрации ни одной общины. Вопреки жела-

---

УЛАНОВ Мерген Санджиевич, доцент кафедры регионоведения и истории Калмыкии Калмыцкого государственного университета, кандидат исторических наук.

нию властей в Калмыкии все же возник ряд неофициальных буддийских центров — в местах проживания бывших лам. Такие центры находились в п. Цаган Аман, совхозе «Заливной», с. Троицкое и в некоторых других местах[3].

Возрождение буддизма в республике началось лишь в конце 80-х гг. XX в. и связано с процессами перестройки в СССР, началом демократизации общественной жизни. В 1988 г. в Элисте появилась первая официально зарегистрированная община буддистов. В этом же году открыт первый молельный дом. Его настоятелем стал приехавший из Бурятии лама Туван Дорж. Вместе ним в республику приехали бурятские священнослужители.

Важным событием стало создание Объединения буддистов Калмыкии (ОБК). В 1991 г. прошла первая конференция ОБК, утвердившая устав и избравшая шаджин-ламой калмыцкого народа Туван Дорджа. В 1992 г. состоялась вторая чрезвычайная конференция. Ее итогом стало избрание Шаджин-ламой и президентом ОБК Тэло Тулку Ринпоче, гражданина США калмыцкого происхождения, который был признан очередным перевоплощением известного древнеиндийского йогина Тилопы[4]

Знаменательным событием в религиозной жизни Калмыкии стал первый визит Далай-ламы XIV, состоявшийся летом 1991 г. и придавший мощный импульс развитию буддизма в республике. В Элисте Далай-лама провел три массовых молебна, посетил хурул, освятил место строительства буддийского храмового комплекса, встретился с тогдашним руководством Калмыкии и общественностью столицы[5] Осенью 1992 г. Далай-лама вновь посетил республику, посвятив в монахи 13 чел. не только калмыков, но и представителей других национальностей. Эта церемония проходила во вновь воздвигнутом храме — сюмэ. За время своего визита Далай-лама побывал в Каспийском, Кетченеровском и Яшкульском районах Калмыкии. Им освящены хурулы в г. Лагань и п. Джалыково[6].

В 1992 г. в Элисте по инициативе Тело Ринпоче создан молодежный буддийский центр (МБЦ), который начал активную просветительскую деятельность, включавшую преподавание основ буддизма, тибетского языка и древнеиндийской логики. Позднее МБЦ переименован в Дхарма-центр. В 1994 г. в Элисте состоялся Международный буд-

дийский форум, организованный Дхарма-центром. В работе форума приняли участие около тысячи верующих из России, стран СНГ и ряда стран дальнего зарубежья. В рамках этого мероприятия проводились молебны, посвящения, благотворительный телемарафон и духовно-экологическая экспедиция «Драгоценное ожерелье Калмыкии»[7].

В дальнейшем в рамках Дхарма-центра стали формироваться религиозные общины мирян, ориентированных на ту или иную из четырех главных школ тибетского буддизма. Одной из первых таких общин стал центр «Карма-кагью». В 1995 г. в Элисте состоялось открытие филиала Международного института школы Карма-кагью (КИБИ), в программу которого входят буддийская философия и практика, тибетский язык[8].

«Красношапочный» буддизм представлен в Калмыкии еще двумя школами — Сакья и Ньингма, общины которых возникли после приезда в Калмыкию учителей этих традиций: патриарха традиции Сакья Его Святейшества Сакья Трицзина и ньингмапинских учителей досточтимых Палден Шераб Ринпоче и Цеванг Донгьял Ринпоче. В настоящее время в п. Ики-Бурул действует хурул школы Ньингма.

В Калмыкии есть и светские буддийские организации, их последователи придерживаются традиционного для калмыков «желтошапочного» буддизма (Гелуг) — это центры «Ченрези» и «Тилопа». Они созданы в результате просветительской деятельности Геше Джампа Тинлея, основавшего в России ряд буддийских центров. Геше Тинлей регулярно посещает Калмыкию, где на его лекции и посвящения собираются большие аудитории. Некоторое время он исполнял обязанности Шаджин-ламы республики.

Один из главных учителей-последователей школы Гелук — Его Святейшество Богдо-геген IX, уже несколько раз (в 1998, 1999, 2002 и 2003 гг.) побывавший в Калмыкии. Визиты духовного лидера монгольских народов способствовали возрождению буддизма у калмыков. Во время своих поездок Богдо-геген посещал районы, читал проповеди, давал благословения[9]. Значительным событием для буддистов Калмыкии стал приезд в 1997 г. Государственного Оракула Тибета Тубдена Мобуба. Летом 1999 г. он вновь посетил республику. Во время своих визитов Тубден Мобуб проводил массовые

молебны, освящал храмы, встречался с представителями буддийских центров и руководством Калмыкии[10]

В 2000, 2001 и 2003 гг. в Калмыкии побывал лама Еше Лодой Ринпоче. Ранее он работал в Индии в государственной библиотеке тибетских трудов и архивов в должности заведующего отделом восточных рукописей. В начале 90-х гг. XX в. по поручению Далай-ламы он приехал в Бурятию для преподавания буддийской философии. В Калмыкии Ринпоче даровал посвящения в тантры Ямантаки, Чакрасамвары и Гухьясамаджи[11]

В 2002—2004 гг. в Калмыкию приезжали тибетские монахи из монастыря Гьюдмед. Монастырь известен тем, что здесь обучаются тайным тантрическим учениям, его монахи славятся своим оригинальным горловым пением. В Элисте ими построены три песочные мандалы, символизирующие матрицу Вселенной и одновременно дворец божеств. Первой возведена мандала Зеленой Тары, второй — мандала Авалокитешвары, третьей — Ямантаки. По окончании строительства мандалы были разрушены, что должно напоминать людям о бренности бытия и необходимости подготовки к следующей жизни. В ходе визитов монахи Гьюдмеда также даровали благословения богини Тары, Манлы (Будды медицины) и Манджушри (Будды мудрости), проводили церемонии очищения Вселенной, читали лекции о буддизме[12]

С 3 по 15 августа 2003 г. в Калмыкии проходил всероссийский буддийский ритрит. Для участия в этом мероприятии в Калмыкию прибыло множество буддистов из разных городов (Ростова-на-Дону, Уфы, Улан-Удэ, Кызыла и т.д.), а также с Украины. Проводился ритрит под руководством досточтимого геше Джампа Тинлея. Ритрит в Калмыкии был посвящен Ламриму (учению о постепенном пути к просветлению).

В октябре 2003 г. в Элисте прошла церемония посвящения в Калачакру, которую провел Его Святейшество Богдогеген. В церемонии также принимали участие монахи из личного монастыря Далай-ламы XIV — Намгъяла. Калачакра — одна из важнейших тантр эзотерического буддизма, тесно связанная с астрологией и учением о мистической стране Шамбале. В церемонии посвящения приняло участие более 10 тыс. верующих[13]

И, наконец, в ноябре 2004 г. состоялся третий визит в Калмыкию Далай-ламы XIV. Этого события верующие республики ждали 12 лет. Во время своего пребывания в Элисте Далай-лама провел церемонию освящения главного храма и прочитал публичную лекцию об основах буддизма. Визит Далай-ламы, несомненно, стал важнейшим событием религиозной жизни Калмыкии.

Следует отметить, что возрождению буддизма в Калмыкии во многом способствовала политика руководства республики, выделявшего значительные средства на строительство буддийских храмов. За период 1993—2002 гг. произошел количественный рост буддийских общин. В настоящее время в республике действует 32 объединения буддистов и 29 хурулов. Силами верующих и органов местной власти возведены хурулы в г.Лагань, поселках Цаган-Аман, Яшкуль, Ики-Бурул, Аршань-Зельмень и т.д. Важное значение для развития буддизма имело открытие в Элисте в 1996 г. буддийского храма Сякюсн Сюме. В настоящее время в столице республики построен новый храм, ставший крупнейшим в Европе.

Однако имеются и проблемы. Во-первых, ощущается нехватка квалифицированных монахов. В связи с появлением значительного количества общин буддистов и храмов остро встал вопрос о подготовке квалифицированных лам. Сохраняется недостаточный уровень подготовки калмыцкого духовенства, что приводит к низкой конкурентоспособности калмыцких лам в сравнении с протестантскими проповедниками. Несмотря на то, что в начале 1990-х гг. на учебу в Индию, Монголию и Бурятию отправлена группа послушников, проблема нехватки подготовленных священнослужителей одна из наиболее актуальных для калмыцкого буддизма.

Во-вторых, имеет место незнание большинством населения республики основ буддийской философии и практики. Так, большинство калмыков имеют весьма общие представления о буддизме. Хурулы же в основном занимаются обрядовой деятельностью, что приводит к тому, что буддизм для верующих ассоциируется главным образом с выполнением ритуалов. Несмотря на то, что в Калмыкию время от времени приезжают буддийские учителя, читаю-

щие лекции по основам вероучения, большая часть населения остается пока в стороне от изучения буддизма. Для возрождения буддизма необходима комплексная программа по организации религиозного просвещения. В первую очередь следует наладить просветительскую, переводческую и издательскую деятельность.

В-третьих, в Калмыкии слаба организованность буддийской церкви. По существу, каждый хурул проводит автономную политику, что негативно сказывается на процессе возрождения и развития буддизма. Общины мирян также разобщены. Только во время приезда высоких гостей можно наблюдать некоторую согласованность в деятельности центров и общин.

В-четвертых, недостаточна коммерческая активность буддийских общин. Для налаживания просветительской деятельности (издания религиозной литературы, приглашения учителей и т.д.) общинам необходимо заниматься и коммерцией. В этом могут помочь как влиятельные спонсоры, так и государственные структуры.

В целом процесс возрождения буддизма можно условно разделить на два этапа. Первый приходится на конец 1980-х — начало 1990-х гг. и связан с появлением первых, официально зарегистрированных буддийских общин и первого молельного дома в Элисте. Интерес к буддизму в обществе только зарождается. В этот период происходит и оформление буддийской Сангхи. Этот этап отмечен визитами в республику Далай-ламы XIV. Второй этап начал в 1993—1994 гг. и длится до сегодняшнего времени. На данном этапе происходит количественный рост буддийских храмов и общин, появляются общины «красношапочных» традиций тибетского буддизма, приезжают тибетские учителя с лекциями и посвящениями. На наш взгляд, в ближайшее время в Калмыкии может начаться третий этап возрождения буддизма, связанный уже не с количественным, а качественным ростом. В ходе его в Калмыкии, вероятно, появится развитая система буддийского образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 04-03-00282 а.

[2] См.: *Дорджиева Г.Ш.* Буддийская церковь в Калмыкии в конце XIX — первой половине XX века. М., 2001. С. 33.

[3] См.: *Бакаева Э.П.* Буддизм в Калмыкии. Элиста, 1994. С. 20.

[4] См.: *Маштыков С.С.* Современное состояние буддизма в Калмыкии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информ.-аналит. бюл. № 3—4. М., 1998. С. 59.

[5] См.: *Куменова Н.* Три дня с Далай-ламой // Советская Калмыкия. 1991. 30 июля.

[6] См.: *Биткеев П.Ц.* Незримый след в душе: второй визит Его Святейшества Далай-ламы XIV в Калмыкию // Мандала. 1993. № 2. С. 3—4.

[7] См.: *Маштыков С.С.* Указ. соч. С. 59—60.

[8] Там же. С. 60.

[9] См.: Его Святейшество Богдо-геген Джебзун Дамба Хутухта IX // Дыхание лотоса. 2003. № 12. С. 1—2.

[10] См.: *Болдуринова Е.* Тубден Мобуб дал духовные наставления калмыцким верующим // Изв. Калмыкии. 1997. 17 окт.

[11] См.: *Она же.* Личный библиотекарь Далай-ламы // Изв. Калмыкии. 2000. 5 авг.

[12] См.: *Убушиева Б., Захарова Г.* 10 дней, которые потрясли Калмыкию // Калмыкия. 2002. 18 апр.

[13] Калачакра открыта для всех и для каждого // Изв. Калмыкии. 2003. 7 окт.

Поступила 22.02.2006.

Е.В.ПОЛУТИНА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ «ГНЕЗДА» ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Для научного понимания социокультурных особенностей жизни провинции конца XIX — начала XX в., и в частности провинциальных городов, расположенных на территории современной Мордовии, особый интерес представляет анализ категории «культурное гнездо».

Впервые понятие «культурное гнездо» введено Н.К.Пиксановым[1]. Разработкой подробного подхода к русской литературе он начал заниматься еще в 10-е гг. XX в., когда преподавал в Петербурге на Бестужевских курсах, в связи с появлением общего интереса к областному принципу в культуроведении. «Та централизация, — писал он — которая так заметна в политической русской истории, сказалась и на истории русского искусства и русской литературы, больше того, она обнаружилась и в русской исторической мысли. Подчиняясь централистским тенденциям, наша историческая мысль под новой русской культурой и литературой разумеет собственно культуру и литературу столичную, не учитывая, просто забывая, областную... В движениях и поворотах «русской», т.е. общерусской, столичной литературы мы многого не поймем, если не изучим областных культурных гнезд»[2].

Н.К.Пиксанов предложил рассматривать творчество писателей, учитывая культурную ситуацию места, где они сформировались: какие люди повлияли на их образование, складывание их взглядов, чем жил в то время город, как влияли на ситуацию общественные и государственные институты, кружки, местная периодика, театр и т.д. Произведения литераторов, в свою очередь, предлагалось ис-

---

ПОЛУТИНА Елена Владимировна, заведующая отделом редкой книги Национальной библиотеки им. А.С.Пушкина Республики Мордовия.

пользовать как источник сведений об этой культурной ситуации, как факт культурной жизни.

При работе с фактическим материалом неизбежно должны были возникнуть вопросы о роли среды в формировании личности, механизмах культурного взаимодействия человека и общества, об отношении между провинциальным городом и столицами, куда уезжали питомцы провинциального культурного гнезда и откуда, в свою очередь, приезжали люди, оказавшие влияние на местное культурное развитие. Одновременно город, особенно губернский, был связан с собственной сельской округой — деревнями и усадьбами. По концепции Н.К.Пиксанова, именно в областях есть свой пласт культуры, в частности «литературные гнезда», изучение которых необходимо включить в планы краеведческой работы для последующего использования в описании истории литературы в целом.

Под «культурным гнездом» Н.К.Пиксанов понимал не механическую совокупность культурных явлений и деятелей, а тесное их единение между собой, органическое слияние. В 1928 г. он издал программную работу, где определил основные направления разработки темы, поставил исследовательские задачи и очертил круг источников. По его мнению, «история местного городского театра, местной гимназии, местной публичной библиотеки, рисовальной школы — еще не история местного культурного гнезда. Только сочетание подобных элементов в единении живых деятелей создает культурное гнездо... Другой приметой гнезда являются уже не его строители, но его питомцы... Оно не мыслится и без коллективной деятельности, оставляющей прочные объективные результаты»[3]. Эта идея была поддержана историками, появились работы, посвященные провинциальным культурным центрам[4].

Выдвигая исследовательские задачи, Н.К.Пиксанов рекомендовал использовать разнообразный статистический материал, собранный в многочисленных изданиях, посвященных развитию русской культуры. Это касалось анализа состояния просвещения в провинциальных культурных гнездах и было тесно связано с историей местных учебных заведений, библиотек, местной печати, музеев, театров, а также изучением деятельности представителей провинциальной культуры.

Эта концепция нашла последователей не только среди краеведов. Ее поддержал, хотя и с определенными оговорками, идеолог синтетического построения истории русской литературы П.Н.Сакулин: «Вполне принимая идею литературных гнезд, я должен, однако, подчеркнуть, что по отношению к новому периоду областной принцип не может иметь того значения, какое принадлежит ему в древний период. Во-первых, по мере приближения к нашему времени... областной принцип идет на убыль и его значение обратно пропорционально росту культуры. Во-вторых, если областные культурные гнезда отражают на себе местные особенности и, следовательно, могут иметь более или менее самобытные черты, то нельзя забывать и того, что большею частию они представляют преломление общерусской культуры в местных условиях и, стало быть, значение областных гнезд становится уже производным»[5]

Однако данная точка зрения не учитывает, что литературный мир может быть сложен и по-другому: из областных, местных явлений, как из атомов в целое складывается общерусская литература, транслирующая себя вновь в местную культуру. Ориентация литературоведов только на литературные явления, больше того, только на общерусские литературные явления, не дала им по-настоящему увидеть всю плодотворность идеи Н.К.Пиксанова. Понимание возможностей местной культуры становится более ясным, когда литература оказывается в одном ряду с другими проявлениями духовной жизни провинции.

Именно поэтому идея Н.К.Пиксанова была воспринята и включена в 1926—1928 гг. в программу исторического краеведения известным историком-энциклопедистом И.М.Гревсом. В фундаментальной статье 1926 г. он сформулировал важность изучения культурных гнезд для исторического изучения явлений духовной культуры в целом в их естественной среде[6] Подчеркивая достоинства литературоведческого открытия Н.К.Пиксанова, И.М.Гревс писал: «Есть целый ряд местностей (городов), которые были в разные эпохи центром своеобразного литературного цветения. Близкое знакомство с такими фактами поможет обрисовать внутреннюю жизнь не одного края часто совсем новыми красками и глубже понять влияние культурных течений, проникавших в столицы из провинций». При этом

И.М.Гревс, расширяя понятие «культурного гнезда», переносит его и на другие сферы духовной культуры: «Следует захватывать в круг этого понятия не одни поэтические и беллетристические произведения, но и журналистику и школьное дело, историю образования на местах вообще и научные начинания... Внимательное и беспристрастное изучение переданного им (культурным гнездом) наследья даст понять, что многое оценивается неправильно, что в нем живут начала, подготовившие новое, и в следах его хранятся блага, еще не использованные...»[7]

Итак, с точки зрения И.М.Гревса, этот принцип должен быть распространен на исследование всей социально-культурной сферы жизнедеятельности областных гнезд. С этого момента обозначается поворот общественного сознания к местной, локальной культуре, генетической основе русских культурных традиций, ни в коей мере не отменявшей единства русской культуры как целого.

В 1928 г. появляется книга Н.К.Пиксанова, чаще всего и цитируемая в современных исследованиях[8], и очередная статья И.М.Гревса[9] В связи с постановлением 3-й Всероссийской конференции по краеведению «О необходимости изучения „культурных гнезд“» был составлен набор вопросов местным краеведческим организациям по литературной истории края[10] В 1928 г. опубликована статья А.Н.Свободова, в которой автор, подчеркивая свой интерес к деятелям литературы, печати и искусства как составляющим «особый подотдел» культурного гнезда, замечает, что «остальные подотделы... как, например, наука, общественность, просвещение, театр» требуют особого обсуждения «для уточнения их как в смысле построения, так и содержания»[11] Автор заявлял о необходимости создания в музеях отделов «культурных гнезд».

К 1928 г. наметилась тенденция изучения областных культур через изучение исторических «культурных гнезд» как первичных ячеек общерусской культуры. И хотя концепт «культурное гнездо» выходит за рамки чисто краеведческих задач, он был связан своим происхождением именно с краеведческой наукой.

В 20-е гг. XX в. исторические и историко-культурные методы в краеведении только еще начинали формироваться и апробироваться. Созданное в эти годы Центральное

бюро краеведения при Российской Академии наук печатает ряд статей и докладов, посвященных задачам и методам изучения областной истории. Среди них наиболее значимы работы М.М.Богословского, В.В.Богданова, Н.П.Анциферова и С.В.Бахрушина, способствующие становлению концепта «культурное гнездо» для описания истории культуры провинций[12]

Эти работы отражают две (в чем-то сближающиеся, но все-таки весьма разные) точки зрения на описание областной истории. Первая из них выражена в работе М.М.Богословского, для которого всякое исследование областной истории, во-первых, «подкрепляет те общие положения, те общие выводы, которые, может быть, уже доказаны, но которые в этих областных исследованиях получают новое и новое подтверждение»; во-вторых, «эти наблюдения над историей отдельных мест, над разного рода местными особенностями, хозяйственными, бытовыми, культурными и другими явлениями, затем ложатся в общее русло изучений исторического процесса в его целом»[13]. Однако М.М. Богословский обращает внимание только на те явления местной истории, которые вливаются в общерусский исторический процесс, по его собственному замечанию так, как «большая река образуется из соединения отдельных небольших потоков»[14].

Эта точка зрения акцентирует внимание на таком принципе изучения историко-культурного процесса в провинции, который фиксирует прежде всего ее связь с метрополией, а местные особенности характеризует как «нюансы», подтверждающие все те же общие закономерности. На наш взгляд, этот метод применим лишь когда трансляция историко-культурных процессов метрополии в провинции не вызывает сомнения, он продуктивен при описании некоторых общеисторических процессов.

Позднее к этой концепции, хотя и значительно откорректировав ее в пользу локальных методов, присоединился С.В.Бахрушин. Опираясь в своих выводах на те же положения, что и М.М.Богословский, он, однако, подчеркнул, что историю нельзя описать только «с птичьего полета»[15]

Иной акцент проблеме придан в работах В.В.Богданова и Н.П.Анциферова. Они предлагают сделать объектом изучения уровни культурно-исторического процесса, характе-

ризующиеся специфическими чертами, присущими именно провинции, заняться «поместным изучением своего прошлого». Все края, провинции России имеют свою локальную историю, не исключая Москвы и Петербурга. Эта история «прочитывается» в местной культуре, быте, населении, районе культурного и экономического тяготения к естественному областному центру. «В ней много страниц должно быть отведено неоднократным остановкам, замедлениям жизни, поворотам к оскудению и угнетению, — писал В.В.Богданов, — но «история не роман» и историк-областник должен обнаружить всю полноту внимания и интереса к этим серым страницам захудалого существования своего областного города»[16]

Метод локального описания русской истории выводит на такой уровень изучения культурно-исторического процесса, при котором ярко выявляются, во-первых, специфические черты, характерные для всех русских провинций; во-вторых, особые черты, характеризующие конкретную провинцию; в-третьих, черты, присущие изучаемой провинции как центру, к которому тяготеют собственные провинции.

Концепт «культурное гнездо», подкрепленный теоретическими работами, должен был получить более глубокое обоснование, ибо именно он вбирал в себя оба подхода к историко-культурному процессу. Однако этого не произошло. Парадоксально, но книга Н.К.Пиксанова о культурных гнездах оказалась несвоевременной. 1928 г. — год перестройки краеведческой работы. В это время сдвиг в сторону утилитарного краеведения прошел настолько, что даже памятники, оставленные культурой прошлого, требовалось превратить из «мертвого капитала» в одну из производительных сил современности, в культурный капитал строящегося социалистического общества. Все независимые краеведческие исследования были закрыты, а занимавшиеся ими люди отправлены в тюрьмы и ссылки. Возможно, именно поэтому идея культурных гнезд так и не была в полной мере реализована в исследовательской практике.

Академическое краеведение было вытеснено на периферию исследовательского поля. Если в дефинициях 1926 г. еще можно было найти место в краеведении историко-культурной школе, то 1928—1931 гг. зачеркивают все воз-

можные пути локальному методу в истории. Показательны в этом отношении понятия краеведения, сформулированные А.П.Пинкевичем в 1926 и 1930 гг. «Краеведение есть метод синтетического научного изучения какой-либо определенной, выделяемой по административным признакам, относительно небольшой территории; изучения, подчиненного жизненно-насущным хозяйственным и культурным нуждам этой территории и имеющего своей основой производительные силы края»[17]

Упоминание «культурных нужд территории» позволяло даже в тех условиях встраивать в систему краеведения программы культурно-исторических исследований. «Краеведение, — пишет А.П.Пинкевич, — является одним из путей содействия со стороны советской общественности делу социалистической реконструкции СССР на местах, путем всестороннего, синтетического, можно сказать, диалектического изучения относительно небольшого района; изучения, всецело подчиненного задачам диктатуры пролетариата вообще и задачам социалистического строительства в данном районе, в частности»[18] А.Большаков вносит поправку и в это определение. Слово «изучение» должно быть изгнано из повседневной деятельности краеведения, не «изучение», а «делание». «Каждый из нас должен подпирать социалистическую стройку собственным плечом»[19]

В 1931 г., когда в Москве взорвали храм Христа Спасителя, разобрали Казанский собор и были осуществлены другие акты вандализма по всей территории страны, варварски преобразовавших культурно-исторический ландшафт городов, ни о каком изучении «культурных гнезд» не могло быть и речи.

В последние годы сделано чрезвычайно много для изучения истории краев и областей, небольших населенных пунктов и плодотворность «поместного» изучения ни у кого уже не вызывает сомнений. Культурная жизнь провинции является объектом пристального внимания историков-краеведов и культурологов. Однако явления местной культуры рассматриваются преимущественно с позиций регионолистики, делающей акцент на историко-юридических и социально-экономических обобщениях.

Не отвергая культивируемого современными историками общеисторического подхода, нами предлагается для описания культурных процессов вернуться к разработанному в 20-х гг. XX в. концепту «культурное гнездо».

В основу концепта «культурное гнездо» следует поставить человека как его создателя, хранителя, питомца и т.д. Психологическое направление в краеведческой культурологии 20-х гг. XX в. придавало большое значение этому фактору изучения культуры провинции. «Исследование местной культуры и есть исследование деятельности местных людей, если не всецело, то в значительной степени, — писал А.А.Мансуров в статье, поднимающей вопрос о значении для русской культуры изучения «местных деятелей и уроженцев». — Они освещают местную культуру, сами светятся ее тонами. Они дополняют и венчают «ландшафт» края. Крепко сросшиеся с краем, хотя не всегда видимо, они наиболее удачные питомцы его, бесконечно ему дорогие.... Они не похожи на других, их никем нельзя подменить...»[20]

Следующий исследуемый компонент «культурного гнезда» — историко-культурный ландшафт и связанная с ним проблема «города» как высшего проявления культурной деятельности человека. Следует также, по мнению Н.К.Пиксанова и И.М.Гревса, изучить все культурные «явления и движения» в провинции: просвещение, печать, журналистику, театр, искусство, архитектуру, социально-экономические, государственно-правовые аспекты ее жизни и т.д. В своей основе эта программа представляется нам вполне приемлемой, но она учитывает далеко не все необходимые для исследования архитектоники культуры провинции направления и, конечно, требует усилий многих исследователей, которые учли бы, с одной стороны, все рациональные зерна, наработанные исторической наукой за прошедшие 70 с лишним лет, а с другой — новейшие достижения культурной антропологии, социологии провинции и т.д.

Выше отмечалось, что Н.К.Пиксанов, И.М.Гревс, поддерживавшие их краеведы и историки, не отрицали, что местная культура является частью общерусской. Однако они подчеркивали, что при взаимной связи провинции и центра общерусская и местная культуры слагаются из локальных

культурных явлений, становящихся общерусскими и влияющих на местные культурные процессы. Концепт «культурное гнездо» предлагает лишь иную точку отсчета культурных явлений, вплетающихся в архитектонику общерусской истории культуры.

Изучение культурных процессов через «культурные гнезда» учитывает: общерусский уровень (единые процессы в метрополии и провинции); уровни культурного процесса, характеризующие специфические для всех русских провинций черты; уровень специфический исключительно для культуры изучаемой провинции.

Одна из черт социального диалога малых и крупных городов заключается в делегировании в столицу незаурядных личностей, сформировавшихся в провинции и не способных в этой среде полностью реализоваться. К этой категории горожан из Мордовского края относятся: А.И.Полянский — дворянин, уроженец г.Саранска, в петровские годы — командующий Балтийским флотом; Ф.Мустафин — уроженец Саранска, в 40-е гг. XVIII в. приближенный императорского двора; П.И.Севастьянов — уроженец г.Краснослободска, известный коллекционер, собиратель христианских древностей, археолог, организатор археологических экспедиций на Ближний Восток и выставок в Москве, Санкт-Петербурге и Париже; И.К.Макаров — академик живописи, живший и работавший в Санкт-Петербурге; Г.Д.Начаркин — уроженец г.Саранска, из купеческий среды, сделавший карьеру чиновника в Казани и Москве; А.И.Орлов — уроженец г.Инсара, один из основателей русской сейсмологии; уроженцами Краснослободска также были исследователь древнерусской литературы М.А.Викторова и поэт-петрашевец А.И.Пальм.

На наш взгляд, исследование понятия «провинциальная культура», ее места и роли в общероссийских культурных процессах невозможно без учета социокультурной ситуации в провинциальных городах конца XIX — начала XX в. и изучения объективных характеристик субъекта провинциальной культуры. Население провинциального города выступало носителем особого типа культуры, сочетающего элементы столичной (в провинции поселялись выходцы из столиц сезонно или в определенные периоды) и самобыт-

ной народной культуры, обусловленной спецификой повседневного бытия провинциального социума.

Культура провинциального города была органически включена в повседневное бытие местного сообщества, ее носителями выступали представители различных слоев населения, отличающиеся подвижничеством и духовностью. В связи с этим для исследования конкретных явлений культурной жизни провинциальных городов продуктивным представляется использование понятия «социокультурные гнезда» — общественные межсословные объединения, деятельность которых была направлена на формирование культурного облика и образа жизни провинциальных городов в пореформенное время.

Развитию социокультурных гнезд способствовали реформы 60-х гг. XIX в., когда возросшие социокультурные потребности населения провинциальных городов в силу объективных причин могли быть удовлетворены только при объединении усилий губернских и уездных органов власти, земств, церкви, просвещенного купечества и отдельных граждан-подвижников, благотворителей и меценатов. Формой интеграции усилий общественности выступали социокультурные гнезда, деятельность которых носила преимущественно благотворительный, межсословный (рассчитанный на массовые слои населения) и постоянный (а не эпизодический) характер, осуществлялась людьми, постоянно проживавшими в провинции и опиравшимися на местные социокультурные традиции и установки.

По нашему мнению, одним из важных направлений изучения провинциальных социокультурных гнезд должна стать работа по аккумулированию разнообразных сведений о них.

Известно, что областные и республиканские библиотеки России, как правило, ведут библиографические указатели о своем крае. Это необходимая работа для всякого исследования явлений местной истории, литературы и культуры. Однако при всей важности и незаменимости краевой библиографии, совершенно очевидна недостаточность этой работы для воссоздания социокультурных процессов в русской провинции. Важно иметь представление о людях, личностях, которые были движителями этих социокультурных процессов в провинциальных городах; необходим все-

сторонний анализ их деятельности в социальной и культурной сферах.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Пиксанов Н.К.* Два века русской литературы. М., 1923.

[2] См.: *Он же.* Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. СПб., 1913.

[3] См.: *Он же.* Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар. М.; Л., 1928.

[4] См.: *Свободов А.Н.* В Нижнем Новгороде на заре XX века. К характеристике культурного и литературного гнезда // Нижегородский краеведческий сборник. Нижний Новгород. 1925. Т. 1; *Пиксанов Н.К.* Воронеж как культурный центр / БСЭ. Т. 13. 1929. С. 148.

[5] См.: *Сакулин П.Н.* Синтетическое построение литературы. М., 1925. С. 40.

[6] См.: *Гревс И.М.* История в краеведении // Краеведение. Т. III. 1926. № 4. С. 487—508.

[7] Там же. С. 502—503.

[8] *Пиксанов Н.К.* Областные культурные гнезда...

[9] *Гревс И.М.* Очередные задачи краевого культуроведения / Краеведение. Т. V. 1928. № 6. С. 368—376.

[10] Там же. С. 383—384.

[11] См.: *Свободов А.Н.* Литературный и мемориальный материал в областных музеях / Краеведение. Т. V. 1923. № 7. С. 392—396.

[12] См.: *Богословский М.М.* Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения: Сб. докладов. Н.Новгород, 1923. С. 118—124; *Богданов В.В.* Культурно-исторические очерки отдельных районов как результат накопления краеведных материалов // Там же, С. 125—132; *Анциферов Н.П.* Краеведный путь в исторической науке (Историко-культурные ландшафты) / Краеведение. Т. V. 1928. № 6. С. 321—328; *Бахрушин С.В.* Задачи исторического изучения края // Краеведение, 1928. № 3. С. 129—140.

[13] См.: *Богословский М.М.* Областная история России... С. 119.

[14] Там же.

[15] См.: *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 131.

[16] См.: *Богданов В.В.* Культурно-исторические очерки... С. 126.

[17] Цит. по: *Большаков А.* Об определении краеведения (в дискуссионном порядке) // Советское краеведение. 1931. № 1. С. 8.

[18] Там же. С. 9.

[19] Там же.

[20] См.: *Мансуров А.А.* Об изучении материалов о местных деятелях и уроженцах // Краеведение. Т. V. С. 17—18.

Поступила 07.03.2006.

И.В.БЕРОВА

ИСТОКИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО ХРОНОТОПА В КУЛЬТУРЕ ВЯТСКОГО РЕГИОНА

Человек поселился на Вятке VII тыс. лет до н. э. В период VII—III тыс. лет до н. э. небольшие охотничьи, рыболовные и бродячие сообщества осваивали среднее и нижнее течение рек Вятки и Чепцы. Бассейн р.Вятки до переселения сюда славян принадлежал финно-угорским племенам, предшественников коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов и марийцев. Прафеноменом жизни угорской этнолингвистической общности может быть призван феномен движения. Частые перемещения, обусловленные присваивающими формами хозяйства, спецификой ландшафта с относительной скудностью ресурсов региона, в формах структурирования пространства представлены стоянками и небольшими поселениями от 400 до 600 м^2 Наиболее древнее поселение мезолита — стоянка Баринка II на р.Вале существовало 8 тыс. лет назад, размер поселения этого времени — Степанцы 21х3 м. Мезолитическое жилище в виде полуземлянки столбовой или каркасной конструкции, отапливаемое открытыми кострищами, располагалось в небольших ямах на невысоких террасах или на коренных берегах. Долговременные поселения, функционирующие в холодное время года и сезонные охотничьи стоянки состояли из одного-двух жилищ в виде сооружений из жердей, покрытых шкурами типа чума или яранги (поселение в Чирках).[1]

Тектоническая организация культурной среды Камско-Вятского междуречья неолитического периода имеет некоторые нюансы. Поселения создавались на открытых речных или озерных ландшафтах, удобных для охотничества, ры-

---

БЕРОВА Ирина Валентиновна, заведующая кафедрой культурологии и рекламы Вятского государственного гуманитарного университета, кандидат искусствоведения, доцент (г.Киров).

боловства и собирательства. Удачно выбранные территории, образуя микрорегионы, были длительное время обитаемы. Примером может служить территория южнее Нургушского заповедника на правом берегу р.Вятки, жизнеспособная на протяжении 6 тыс. лет с эпохи мезолита до раннего железного века[2]

Представление о планировке неолитического поселка дает полностью раскопанное поселение Моторки II[3] Центрическая структура поселения представлена большой постройкой в центре, окруженной сооружениями значительно меньших размеров. Жилища столбовой конструкции под двускатной или шатровой кровлей усложнены своеобразным тамбуром, в стенах имеются ниши-выступы, в которых устраивали хозяйственные ямы. В таком жилище, площадью 13x13 м^2, жило до 25 чел. ближайших родственников по материнской линии, сообща ведущих большое хозяйство. Семьи поменьше жили в домах площадью 12x15 м^2 Преобладали небольшие стоянки с 1—2 жилищами (Ботыли IV), хотя в низовьях Вятки и ее притоков встречаются большие по площади — 0,5, 1 га (Буй II) и средние — до 1 500 м^2 (Моторка II). При обилии постоянных и сезонных поселений во всем регионе Приуралья не найдено ни одного могильника эпохи неолита, известны лишь отдельные захоронения[4]

Переходный от неолита к бронзовому веку этап (вторая половина III — начало II тыс. до н. э.), получивший название энеолита в археологической хронологии, характеризуется сходными элементами материальной культуры по всей полосе северных лесов Восточной Европы и Северной Евразии[5]

Достаточно подвижный образ жизни у западных и восточных групп финно-угорского населения, заселившего регион, сопровождался возведением жилищ двух типов: полуземлянки прямоугольные и квадратные по плановой конфигурации. Прямоугольные многокамерные жилища, представляющие жердевую каркасную конструкцию, состояли из 2—3 отдельных помещений, соединенных крытыми переходами, что является их характерной особенностью. Очаги-ямы, наряду с открытыми кострищами, служили для обогрева помещений. Квадратные дома-полуземлянки меньших размеров (от 20 до 80 м^2) представляли изолированные

помещения с одним входом. Хозяйственные ямы располагались не в жилищах, а на площади поселка, являясь, очевидно, общими. Количество жилищ в поселке по сравнению с предшествующим периодом увеличивалось, в нем может быть от четырех и более домов. Жилища энеолитических поселений, площадью от 30 до 150 м² могли вмещать до 20 чел. Сами поселения становились более долговременными, основные места их расположения — пойменные террасы.

На рубеже III-II тыс. до н. э. в лесную полосу Восточной Европы вторгалась миграционная волна из степных районов Причерноморья, получившая в археологии название «балановская» (фатьяновская). По мнению многих исследователей, это были племена индо-европейцев, еще не разделившихся на прибалто-словяно-германцев. Они занимали возвышенные участки Вятско-Ветлужского междуречья. Местное финно-угорское население обитало преимущественно в низменном полесье. К середине II тыс. до н. э. племена «шнуровой керамики» и «боевых топоров» из степных районов Причерноморья[6] внедрились в среду местного населения. Об этом свидетельствуют поселки, в материальной культуре которых просматриваются смешанные традиции. Пришлое население основало укрепленные поселки на возвышенных местах в бассейнах рек Большой и Малой Кокшаги, на правом берегу р.Пижмы. Поселения из нескольких изолированных наземных и слабо углубленных домов срубной конструкции со следами ям и кострищ занимали вершины холмов, удаленных от рек, и естественно укрепленные мысы берегов рек. Крупные жилища, соединенные крытыми переходами, воспроизводили местные приемы волосовских племен. Небольшие постройки с плоскими кровлями, как тип жилища, были привнесены балановцами. Погребения балановцев в виде насыпей и квадратной площадки сохранили следы горения, но без остатков кремации. Синцовский курган на р.Немда представляет насыпь высотой 1,2 м с площадью основания 15x9 м, вокруг которой вырыта круговая канавка глубиной 1 м. Укрепленные мысовые городища, места погребений и могильники балановской культуры соединили местные традиции и индо-иранские влияния.

Вторжение сейминско-турбинских племен из Алтая и Западной Сибири в начале II тыс. до н. э. исследователи

рассматривают как транскультурный феномен. Эти ираноязычные племена не оказали какого-либо влияния на специфику оформления местного пространства в строительной деятельности, возможно, в силу кратковременности их пребывания в регионе и «уединенного» характера культуры сейминско-турбинских племен. Свидетельствами их пребывания являются могильники, в которых отсутствуют человеческие останки, но находятся предметы бронзового вооружения (Коршуновский клад). Впитав сейминско-турбинское влияние, финно-угорские племена продолжили свое развитие.

Специфический массив из 25 курганов, датируемых XIV—XIII вв. до н. э., оставшийся в верховьях рек Малая Кокшага, Немда, Лаж и Уржумка, очерчивает очаг непродолжительного пребывания на юго-западе Вятского края абашевских племен. Эта европеоидная группа племен принадлежала скотоводческому культурному типу с характерным для него кочевым образом жизни и неизбежными при этом военными столкновениями с осевшими здесь балановцами. Курганы абашевцев содержат неглубокие могильные ямы, «кольцевые» оградки из столбов, берестяные подстилки, на которых располагали покойника с согнутыми руками и ногами, голова ориентирована на восток, юг и юго-запад. Отмечены случаи трупосожжения[7] Поселения абашевцев до сих пор не выявлены.

Начавшийся с VII в. до н. э. железный век, памятники которого расположены по берегам р.Вятки и ее притокам, определяется исследователями как вятский локальный вариант ананьинской культурной общности (монголо-европеоидный этнический тип), которая легла в основу формирования пьяноборской культуры в бассейне р.Вятки и Нижнего Прикамья (предки удмуртов)[8] и гляденовской культуры в Среднем Прикамье на Вычегде и Верхней Печоре (предки современных коми). Ананьинская культурно-историческая общность занимала огромную территорию от Урала до Волги и от Северной Двины и Печоры до Самарской Луки. «Военизация» жизни, усиление роли военного лидера-вождя привели к сооружению укрепленных поселений-городищ, защищенных земляным валом (2—6 м высотой) и внешним рвом (13 м глубиной). В настоящее время известно около 50 поселений ананьинского времени, из которых 17

городищ и 34 селища. По верху оборонительный вал дополнительно укреплялся частоколом или рядами плетня. Погребение лидера-военноначальника позднепьяноборского времени было открыто на Первомайском могильнике (II—III вв.) в Слободском районе, принадлежавшее, несомненно, местному военному предводителю, на что указывает вооружение из железа. Кроме того, в некрополь входили захоронения рядовых воинов и охотников[9]

Другой неукрепленный тип поселения этого времени — селища, которые располагались на низких террасах и не имели укреплений. Большинство местных селений рассматриваемого времени представлено этой композицией. Территория их распространения — бассейн Средней Вятки.

В пьяноборскую эпоху, культурные слои которой имеются на некоторых городищах ананьинского периода, начинает складываться патриархальный тип культуры с усилением роли мужчины в социальной организации общества, выделением патриархальной семьи и заменой семейной общины соседской. Однако большая семья еще продолжала играть роль социального каркаса коммуникативного единства общества, родовые и племенные группировки только начинали оформляться территориально, о чем свидетельствуют появившиеся нюансы плановой организации жилищ и поселений.

В формировании композиции деревянных изб с тамбуром можно увидеть влияние микенского мегарона. Крепостной характер эгейских поселений с площадью (агорой) в центре (III тыс. до н. э.) также мог оказать влияние на развитие крепостных сооружений ананьинского региона. Влияние южного степного искусства, преимущественно ираноязычного (скифы, сарматы), проникало в местный край через торговые связи со степными народами, о чем свидетельствует декор ананьинских изделий из бронзы, камня, глины и кости, которые несут следы своеобразного звериного стиля. Представление об укрепленном поселке VII—VI вв. до н. э. дает Аргыжское городище площадью в 2 500 м^2.

В большинстве случаев сакральная топология сегментировала территорию. Места для некрополей выбирали на берегу реки, погребения ориентировали по течению вниз или на север, чтобы умерший мог уплыть в мир иной, так как по представлениям древних племен, населявших эти

земли, мир мертвых находился на севере, и попасть туда можно было лишь спускаясь вниз по реке. Территория могильника центрировалась жертвенником из валунов и плиточника, где проводились обряды. Ручей или река воспринимались как преграда, граница между миром живых и мертвых, которых боялись и пытались задобрить.

В начале I тыс. до н. э. в районе Волго-Вятского региона протекали сложные этногенетические процессы, сопровождавшиеся освоением пространств, занятых лесами. На севере региона происходило разделение финно-пермских и финно-волжских язычников. На пермских языках стали говорить коми и удмурты, на финно-волжских — марийцы. Эпоха «великого переселения народов» (III—IV вв.) на нижней Вятке (Нолинский, Уржумский и Малмыжский районы) отмечена сложением Азелинской культуры (Азелинский могильник, Атамановы кости, Суворовский могильник), являющейся результатом ассимиляции городецких и местных племен, формирующей прамарийский этнос[10] Этнические процессы, связанные с развитием азелинских, еманаевских племен на Средней Вятке и поломских на Чепце, явились этноосновой формирования протоудмуртской этнической общности[11]. Этногенетические импульсы в районе Средней и Нижней Вятки II тыс. н. э. привели к становлению марийского и удмуртского этносов, а сформировавшаяся в результате синтеза гляденовской и местного варианта пьяноборской культурно-исторической общности ломоватовская культура стала базовой структурой этногенеза общекоми (Омутнинский и Афанасьевский районы).

В VI—IX вв. граница распространения пермского этнического массива сместилась с левобережных притоков Волги к верховьям рек Большой Кокшаги, Немды, Уржумки, что связано с проникновением на соседние территории древнемарийского населения. Граница контактной зоны древнеудмуртских и древнемарийских племен локализовалась на северо-западной границе распространения праудмуртской общности, где размещалось наибольшее количество городов-убежищ второй половины I тыс. н. э. Население на Средней Вятке не было затронуто древнемарийским влиянием. Нижнюю и Среднюю Вятку с ее притоками на р.Чепце, а также низовья и среднее течение р.Белой, Прикамье в V—IX вв. занимала древнеудмуртская общность. К

началу II тыс. н. э. удмуртское население было вытеснено на левобережье р.Вятки, а с XIII в. отток и с этой территории по направлению к р.Чепце был вызван русской колонизацией. Организация левобережной территории р.Вятки во второй половине I тыс., освоенное древнеудмуртским населением, представлено неукрепленными изолированными селищами, располагавшимися вне системы городищ или могильников, не образуя с ними территориально-компактных групп. Селища занимали низкие надпойменные террасы, невысокие берега небольших речек, надпойменные участки. Компактные группы подобных селищ на рубеже I—II тыс. располагались в среднем течении р.Вятки, в бассейнах р.Кильмезь, Вала, Лобань. Наземные прямоуголные жилые постройки, формирующие эти селища, не имели входов-тамбуров. Очаги с каменной обкладкой занимали центр или угол «интерьера». Хозяйственные ямы сооружались за пределами дома на территории поселка. Захоронения проводились по обряду ингумации или кремации. Сожжение производилось в стороне, останки ссыпались в заранее приготовленную яму. При трупоположении умерших укладывали на спину, иногда часть вещей складывали в погребении отдельно, что создавало своеобразный жертвенный комплекс. Дорогие импортные вещи редко встречаются в этих захоронениях, так как р.Вятка не играла роли постоянной торгово-транспортной магистрали Средневековья.

В районе р.Чепцы на рубеже III—IV вв. сформировался новый этнокультурный массив, просуществовавший до IX в., — поломская культура[12] Два потока групп переселенцев шло в двух направлениях: с юго-запада на северо-восток и с севера на юг. Жилища поломского населения второй половины I тыс. н. э. — это срубные наземные бревенчатые сооружения без фундамента и углубления-подполья площадью 20—45 м^2 и 55—85 м^2 Основание сруба закреплялось на земле песчано-гравийной смесью или сухой глиной. С VIII в. появились завалинки вокруг жилых сооружений. Один или два очага из камня на глинобитном основании обогревали помещение, возле которого размещали две-три хозяйственные ямы. Позднее стали сооружать одну крупную яму, выходившую за пределы селения.

Поломское население в начале IX в. расселилось на Вятку и Среднюю Волгу, входя составной частью в формирующуюся волжско-болгарскую этнокультурную общность, другая ее ветвь стала основой формирования так называемой чепецкой культуры, занявшей среднее течение р.Чепцы. Правобережные археологические памятники исследователи относят к поломскому пропермскому населению, левобережные городища — к одной из групп удмуртов Калмез[13] Другая этнографическая группа удмуртов — Ватка, локализирующаяся в бассейне Средней Вятки, к XIII в. также переместилась в бассейн р.Чепцы. Поселения правобережной Чепцы и ее притоков в начале II тыс. имели рядовую планировку с жилыми сооружениями в два ряда в центральной части и размещением хозяйственных и производственных построек — по краю обжитой территории селения.

Крупнейшим памятником чепецкой археологической культуры является городище Индакар (IX—XIV вв.), расположенное на стрелке мыса с напольной стороны, защищенное валом и рвом с входом у берега реки в пойме. Двухчастная композиция поселения представлена детинцем и посадом, где обнаружены жилые и производственные кварталы. Оборонительные сооружения чепецких городищ выполняли военную функцию. На валах Индакара обнаружены стрелы южного происхождения, явно монгольского облика[14] Местная топонимика, связанная с древнейшим временным пластом, указывает на мощные южные ассимиляционные импульсы в процессе формирования в Волго-Вятском регионе этнически сложных, органически переплетенных культур. Можно предположить, что Индакар — «городище индов, синдов», так как название Индии выводится из Синдху «страна р.Инда». Индийская эпическая традиция («Ригведа», «Махабхарата») называет страну Саувиру, которую можно отождествить с Синдой, располагавшейся между р.Индом и ее притоком Джеламом. Другое городище чепецкой археологической культуры в бассейне реки Вятки именуется Дондыкар, т.е. «городище Данды, дандариев», и тут же рядом населенный пункт Донда. Этническое имя дандарии происходит из данд (камыш) + арья («индийские (возможно и иранские) мужи»), т.е. «камышовые арии». Топонимичес-

Заказ № 2806

кие названия позволяют предположить о миграционных потоках с юга. Еще античные историки указывали на индийцев, населявших Крым.

Северную часть территории современной Кировской области в последней четверти I тыс. н. э. занимал формирующийся коми-пермяцкий этнос, оставивший значительные памятники наметившейся системы расселения племен в пространстве региона. Зюздинская группа племен древних коми осваивала этот район с V в. н. э. Слагающаяся на рубеже I—II тыс. н. э. система морфологии транзитных и внутрирегиональных коммуникаций, первоначальные структуры градостроительных типов, как зарождающихся основ будущих центров урбанизации, ясно прочитывается в более тщательно изученной северной части региона. Крупным городищем северного Афанасьевского района является Шудьякар, вокруг которого группируется несколько селищ. Такие «гнезда» располагались вдоль всей Верхней Камы, иногда располагаясь друг от друга на многие десятки километров[15]. Ярким примером может служить Аверинский комплекс, в который входит городище (Шудья-Кар, конец I — начало II тыс.), два могильника и более 1,5 десятка селищ, функционировавших с VI по XIV вв. Как везде, в Приуралье для укрепленния городищ использовали места с хорошей естественной защитой — высокие мысы, ограниченные с 2—3 сторон оврагами с малодоступными склонами. Городище «Шудья-Кар» расположено в 280 км к юго-востоку от бывшей д.Харино и в 200 метрах от р.Камы. Городище расположено на берегу небольшой речки, окружено глубокими оврагами, с севера насыпано искусственное возвышение высотой до 10 м. Площадь поселения опоясывает земляной вал, в настоящее время высотой 2—3 м. При внушительной высоте на абсолютных отметках более 330 м удачное расположение на береговом рельефе делает его незаметным со стороны р.Камы.

Другой тип поселений северного региона — селища, которые, как и у представителей более ранних культур, располагались в глухих участках леса, в низинах. Опасаясь славянских землепроходцев, местное население было вынуждено часто менять места стоянок. Это во многом определяет примитивность конструкций в организации жилищ. Местные дома строились из леса мелкого диаметра и имели

вид шалашей. Сверху покрывались тонкими прутьями и берестой. На зиму устраивались землянки или пещеры по берегам рек. Подобные жилища полов не имели, на землю стелили траву, хвою и сухие листья. Если первоначально огонь для тепла и приготовления пищи разводили прямо посреди пещеры, то в X—XIV вв. организация обжитого пространства усложнилась — стали строить жилища двух типов: срубно-столбовой и столбовой конструкции, наземные, прямоугольные в плане, а очаги получили каменную обкладку. Могильники размещали невдалеке от поселений на высоких террасах, выходящих к реке. Обряд кремации постепенно был вытеснен трупоположением, вещи иногда заворачивали в шкуру или бересту.

Найденные на этой территории клады, основная часть которых датируется IX—X вв., содержат высокохудожественные изделия сасанидских, византийских мастеров-торевтов, что свидетельствует о наличии торговых связей со странами Востока. Скорее всего, эта связь осуществлялась через посредничество с Волжской Болгарией, которая осуществляла экономическую гегемонию на пространствах европейского северо-востока[16] Отсутствие подобных изделий в погребениях позволяет сделать вывод, что они находились в собственности религиозной общины[17]

Анализ археологических данных позволяет сделать вывод, что в IX в. Вятско-Камский регион входил в слагающееся единое экономическое пространство, образовавшееся на территории Восточной Европы. Коммуникации с локальными культурами, формирующими этот культурный континуум, строились в основном в процессе осуществления экспортно-импортных операций, поставляя на евразийский рынок пушнину, мед, воск, получая взамен монетное и вещевое серебро. Для потока арабского серебра, хлынувшего в Восточную Европу в конце XIII в., Вятско-Камский регион был далекой окраиной, конечным пунктом распространения арабских дирхемов, западно-европейских динариев (X—X вв.), а с XI—XV вв. и новгородских серебряных платежных слитков[18]

Начавшееся в X в. проникновение в бассейн Ветлуги—Вятки—Камы славянских импортных вещей, затем отдельных поселенцев стало стержнем дальнейшей этнической истории края. Исследования археологии свидетельствуют,

что леса, где издревле обитали финно-угры, не были непроходимыми. Охотники и рыболовы использовали реки не только как источник рыбных богатств, но и как дороги, ведущие в отдаленные уголки, а, согласно мифам, на «тот свет», в преисподнюю. Древние пути сообщения, как водные, так и сухопутные, в которых хорошо ориентировалось местное население, связывали области и народы, относящиеся к разным языковым семьям и культурным традициям (хозяйственно-культурным типам). Охотники севера обменивали добываемые ими ценные меха на продукты скотоводства и земледелия, а начиная с бронзового века — металлургии у своих южных соседей, индоевропейцев (общих предков индийцев, иранцев, греков, германцев и славян). Переплетения этих транспортных коммуникаций еще до массовой славянской колонизации Вятских земель способствовали формированию этнически сложных, органически переплетенных культур, расселению этнических племен в пространстве, оформлению изначальных структур градостроительных типов, зарождению будущих центров урбанизации. Все разнообразие выработанных поселений сводится к двум типам: укрепленные городища и неукрепленные селища. В зависимости от местоположения они делятся на мысовые, расположенные на верхних береговых террасах, и равнинные — на низменных местах, имевшие различные плановые конфигурации.

Для финно-угорских народов характерна система гнездовых поселений, пространственно отражавшая приоритеты наметившихся моноцентрических начал. При этом характерно отсутствие визуальных и структурных связей между деревнями в гнездовых объединениях, что можно объяснить устойчивой тенденцией к оптимизации связи с природой. Тип мысового городища сочетался с городищами, имевшими круговую оборону. Основная масса городищ круговой обороны имела однорядную систему, в чем можно усмотреть отголоски скифских влияний[19] Возможно, иранские города, также имевшие круглую форму, могли иметь отношение к появлению типа равнинного центрично-округлого поселения с начала чепецкой культуры, оказав, таким образом, опосредованное влияние на структуру пространственной организации центров жизнедеятельности финно-угров.

Застройка поселений складывалась на основе рядового принципа расположения домов, кругового (вокруг хозяйственного или ритуального центра), кучевого (без видимой регулярности).

В систему фортификационных укреплений, которые появились в конце III тыс. до н. э. (балановская культура), входили земляной город, состоящий из рва, вала; деревянный город, окруженный деревянными стенами (частоколом) на валу; каменный город, укрепленный валом с каменной кладкой. Уникальным памятником каменного города является Чортово городище, расположенное недалеко от г.Елабуги. Исследователи связывают это городище с культурой Волжско-Болгарского царства[20]. Останки этого поселения были описаны в конце XIX в. Крепость располагалась на утесе горы, где до XIX в. на одном из выступах сохранялась каменная двухэтажная башня. Раскопки, произведенные в 1855 г., засвидетельствовали нахождение здесь «целой цитадели, фундамент которой заложен в глубине 5 четвертей. Крепость в виде четырехугольника, обнесенного по углам четырьмя башнями, из коих одна, южная, имела четырехугольную форму. Все башни имели один диаметр, т.е. 2 саж. ... по средине каждой из стен явно замечены ... полубашенки, вырезавшиеся из стен полуовалом. ... Со стороны юго-западного плато горы — три вала ... ров ... в сохранившейся башне внизу были устроены сквозные ворота». Такая крепость могла быть прекрасным сторожевым пунктом. Профессор Эрдман считает, что здесь располагалось капище языческих болгар, где находился оракул и проходили обряды жертвоприношений. Найденные здесь металлические предметы содержат изображение то змеиной, то бараньей головы, — олицетворяющих божество поклонения. Образ змея, возможно, символизировал огонь, что связано с представлениями о нем как о первооснове сотворения и существования мира.

Места свершения языческих обрядов — открытые святилища — мольбища, а также культовые урочища — скалы, рощи, источники. Культовые места формирующихся коми, марийского и удмуртского этносов, говоривших на разных диалектах прибалтийско-финского языка, определяемым местным летописным источником «Повестью о стране Вят-

ской» (конец XVII в.) «нудью отяцкой» имели черты сходства, что определялось мифологическими представлениями о мироустройстве»[21]. Пространственное выражение фактора временной неравномерности культурного развития предполагает существование центра культурной области. Таким культовым центром близкородственных племен, межплеменным языческим святилищем было с.Никулицыно, носившее древнее название Болванский городок. Название населенного пункта позволяет исследователям видеть в нем укрепленное городище с языческим «храмом» и священными реликвиями, подобное елабужскому[22]. Родовая или племенная молельня — «бызым куала», как свидетельствуют удмуртские легенды, находилась на месте древнего Хлынова. Другим центром усложнившейся пространственно оформленной территории был черемисский г.Кокшагов.

«Доосевое» время в местной истории связано с непрерывным процессом перераспределения территории между племенами, постоянные миграции не способствовали закреплению культур в ландшафтах. При этом вытесняемые племена частично ассимилировались или отодвигались на периферию региона, где осваивали новые территории. Анализ свидетельствует о преемственности типов поселений, городищ, жилищ; использовании пришлыми культурами архитектурно-градостроительных типов коренных культур; смещении прогрессивных и архаичных тенденций, результатом чего стала тенденция накапливания специфических черт по сравнению с предыдущими эпохами и соседями.

Привносимые архитектурно-градостроительные принципы адаптировались и трансформировались под влиянием природного фактора и местной специфики организации жизни. Некоторая эволюционная «беспорядочность» в организации пространства объяснима рациональным учетом природных факторов — рельефа, направления господствующих ветров, что определяло различную ориентацию поселений и формирующих их жилищ, свободу от какого бы то ни было ритма и «красных линий» при постановке домов. Принцип «беспорядочности» в архитектурной культуре дославянского периода объясним и воздействием этнических факторов: присущей финно-угорским племенам природосообразностью, стремлением в своей практической деятельности не выходить из круга действительных, интуитивно угаданных или

воображаемых природных закономерностей, с которыми согласовывали свои представления о комфорте среды обитания. Природосообразность — общая черта культуры финно-угорских народов, которые сформировались как этносы в условиях Севера, где природа требовала от человека учета своих особенностей как необходимого условия выживаемости. В этот период не было жизненной необходимости объединения в крупные коллективы, что могло стать основанием развития городских центров. Архитектурная организация пространства местного бытования культуры этого времени может быть определена как полицентричная.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Гусенцова Г.М.* Мезолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993. С. 220—221.

[2] См.: *Сенникова Л.А.* Историко-археологический обзор Камско-Вятского междуречья в древности // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1998. Т. 8. С. 19.

[3] См.: *Голдина Р.Д., Гусенцова Т.М.* Поселение Моторки II в нижнем течении реки Волги // Матер. археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979. С. 83.

[4] См.: Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996. С. 250.

[5] См.: *Мошинская В.И.* Древнейшая культура Урала и Западной Сибири. М., 1976. С. 31.

[6] См.: *Брюсов А.Я., Зимина М.Н.* Каменные сверленые топоры на территории Европейской части СССР // Свод археологических источников. Вып. 13. М., 1966. С. 16.

[7] См.: История и культура Вятского края / Под ред. И.Ю.Трушковой. М., 2005. С. 17.

[8] См.: *Ванчиков В.В.* Памятники ананьинского времени бассейна реки Вятки // Проблемы этногенеза финско-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 78.

[9] См.: *Макаров Л.Д.* Окрестности поселка Первомайского в древности. Киров, 1995. С. 34.

[10] См.: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И.Мелюкова. М., 1989. С. 316.

[11] См.: *Голдина Р.Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа по археологическим материалам // Проблема этногенеза удмуртов. Устинов, 1987; *Генинг В.Ф.* Азелинская культура III—V вв. н. э. Ижевск, 1963.

[12] См.: *Семенов В.А.* Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 23—26.

[13] См.: *Голдина Р.Д.* Краткий очерк этнической истории удмуртского народа в эпоху железа (по археологическим материалам) // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск, 1993. С. 8.

[14] См.: *Иванова М.Г.* Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 19—30.

[15] См.: *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники Верховьев Камы. Свердловск, 1889. С. 11—17.

[16] См.: *Казаков Е.П.* Волжская Болгария и Северо-Восток Европы в культурно-историческом процессе. Киров, 1999. С. 102.

[17] См.: *Хан Н.А.* Этническая история населения на территории бассейна реки Вятки // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1998. С. 61.

[18] См.: *Янин В.Л., Корзухина Г.Ф.* Русские клады // Советский археолог. 1956. С. 25.

[19] См.: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И.Мелюкова. М., 1989. С. 316.

[20] См.: Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края. Вятка, 1898. С. 68.

[21] См.: *Низов В.* Проблемы этнокультурной истории вятского народа в эпоху Средневековья // Энциклопедия земли Вятской: в XI т. Т. X. 2000. С. 73.

[22] Там же. С. 72.

Поступила 16.02.2006.

Постановлением Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы от 12 июля 1992 г. № 81 создан Научно-исследовательский институт регионологии (НИИ регионологии). Вниманию читателей предлагается анализ основных направлений деятельности института, который будет продолжен в следующих номерах журнала «Регионология».

В.А.НЕЖДАНОВ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕКТОРА ЭКОЛОГИИ И ДЕМОГРАФИИ

Сектор экологии и демографии имеет давние традиции и является приемником сектора регионального природопользования Проблемной лаборатории комплексного социально-экономического развития регионов Нечерноземной зоны России (Проблемной лаборатории регионологии), образованного еще в. 1983 г. Тесное сотрудничество с географическим факультетом и Лабораторией гидрогеологии, инженерной геологии и охраны окружающей среды (НИЛГЕО) определяло тематику исследований сектора под научным руководством профессора С.П.Евдокимова. Первым заведующим этого подразделения был профессор А.В.Каверин, который в настоящее время возглавляет Научно-исследовательский институт экологии и кафедру экологии географического факультета Мордовского государственного университета. Назначение А.А.Ямашкина заведующим в 1985 г. и существенное расширение состава сектора дали новый импульс исследовательской деятельности. Научное руководство осуществляли С.П.Евдокимов и В.П.Нарежный. Основная концепция исследований состояла в оптимизации водообеспеченности республики, в том числе в период чрезвычайных ситуаций, за разработку которой сектор был удостоен Огаревской премии.

После расформирования Лаборатории гидрогеологии, инженерной геологии и охраны окружающей среды (1988 г.),

---

НЕЖДАНОВ Владимир Анатольевич, заведующий сектором экологии и демографии, кандитат географических наук, доцент.

ее бывший заведующий В.Н.Сафонов перешел в Проблемную лабораторию регионологии, что еще более стимулировало совместные научные исследования с географическим факультетом. Создание Лаборатории экологического мониторинга окружающей среды (ЛЭМОС) в 1990 г. и подписание договора с Министерством экологии РМ расширили сферу научных интересов, привлекли дополнительные силы, студентов в комплексных полевых экспедициях по геохимии и геофизике, метеорологии и климатологии, геологии и гидрогеологии. Появилась возможность применения персональных компьютеров (IBM PC XT, AT) в обработке результатов исследований. В этой работе большую помощь оказали преподаватели математического факультета В.А.-Каменев и А.Г.Смольянов. Расширение тематики исследований и применение новых технических средств анализа результатов полевых работ стимулировали ряд синтетических ландшафтных исследований в области геоэкологии, заложили фундамент системного географического изучения территории Мордовии, в том числе средствами новейших геоинформационных систем (ГИС).

Дальнейшее преобразование ЛЭМОС в Научно-производственный центр экологических исследований географического факультета повлекло за собой разделение коллектива. На рубеже 1991—1992 гг. сформировалась структура Научно-исследовательского института регионологии, заведующим сектором социальной экологии назначен В.А.Нежданов. Основными приоритетами исследований, сложившихся в 1992 г., стали равновесие и стабильность социально-экологических систем. По этой теме была защищена кандидатская диссертация «Стабильность агросистем в условиях возрастающего антропогенного воздействия на окружающую среду», написан отчет по первому этапу работ «Устойчивость и стабильность антропоэкосистем. Региональная экистика с элементами демографической динамики». Многолетние архивные изыскания сектора по проблемам агроэкологии и демографии привели к тому, что в Центральном государственном архиве Республики Мордовия был зарегистрирован именной каталог по этой тематике. Институт регионологии вступил в Российскую ассоциацию социологов и демографов. В 1993 г. создана серия расселенческих

карт (по легенде В.Н.Преснякова) масштаба 1:500000 по территории Мордовии, где пропорциональными численности населения пуансонами были отражены сельские и городские населенные пункты на моменты основных переписей населения в XX в. Картографический анализ выявил конкретные направления деградации сети сельских населенных мест Республики Мордовия.

1994 г. ознаменован началом комплексной социологической экспедиции «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии», которая стала прообразом непрерывного социологического мониторинга общественного мнения в республике, функционирующего и сегодня. Сектор вплотную занимался анкетированием и включенным наблюдением в Темниковском районе РМ, одном из интереснейших мест Мордовии с социально-экономической и эколого-географической точек зрения. В процессе полевых работ и анализа результатов экспедиции сформировался первый опыт работ по социологии (исследование территориальных общностей РМ) и социальной географии (мелкомасштабное картографирование социологических явлений на основе массовых анкетных опросов). Этот опыт позволил оценить соотношение «субъективных» и «объективных» оценок жизнедеятельности людей через распределение эмоциональных, ценностных и деятельностных характеристик территориальных общностей.

Сектор экологии и демографии

1995 г. в деятельности сектора отмечен новым видом работ — использованием программно-целевых методов в предплановых экономических исследованиях. НИИ регионологии разработана Федеральная программа экономического и социального развития Республики Мордовия на 1996—2000 гг. Совместно со специалистами Министерства строительства и архитектуры, Министерства экологии и природопользования, Государственного комитета по геологии и

недрам, учеными и практическими работниками сотрудники сектора выполнили проекты «Углеводородное сырье», «Водоснабжение», «Инженерная защита территорий и объектов от опасных природных процессов и явлений», «Геоэкологическое картирование территории Мордовии (I этап — Саранско-Рузаевский промышленный узел)», «Заповедное хозяйство», «Рекреация».

Накопленный сектором опыт пригодился при создании в 1996 г. Схемы социально-экономического развития и размещения производительных сил на период до 2000 г. Сотрудниками сектора был написан раздел «Оценка природных условий и ресурсов. Охрана окружающей среды» в соавторстве с сотрудниками Научно-производственного центра экологических исследований, а также половина раздела, посвященного демографии, трудовым ресурсам и рекреационному комплексу Республики Мордовия. Также были выполнены части раздела «Обоснование основных направлений развития комплексов взаимосвязанных производств»: «Водное хозяйство», «Геология и разведка недр». В разделе «Совершенствование территориальной организации производительных сил и расселения. Возрождение и развитие малых сельских поселений» использован материал отчета 1993 г. по региональной экистике и исторической демографии. Сотрудниками сектора выполнены картографические работы по Схеме в целом. Схема социально-экономического развития и финансового состояния Республика Мордовия на период до 2005 г., разработанная в 1997—1998 гг., отличалась четкой финансовой направленностью и прогностическим характером. В процессе разработки новой Схемы была заложена стратегия территориального развития Мордовии и прогноз межрегиональных социально-экономических связей.

Следующий программно-целевой документ, разработанный в Институте регионологии, — Программа национального развития и межнационального сотрудничества народов Республики Мордовия (1997 г.). На наш взгляд, это был один из наиболее удачных опытов применения программно-целевых методов в предплановых разработках и по форме, и по содержанию. Программа сочетала в себе элементы аналитических исследований, конкретных бизнес-проектов и нормативных документов. Масштаб программы включал

как отдельные разработки по конкретным селам в районах Мордовии, так и аналитические обзоры по местам компактного проживания мордвы в других регионах России, а также нормативные документы, регламентирующие взаимоотношения с народами и государственными образованиями финно-угорской группы. Сектором региональной экологии в этой программе создан раздел «Экологическая безопасность, устойчивость и стабильность городских и сельских поселений в системе социально-этнодемографического воспроизводства», куда вошли проекты по государственному национальному парку «Смольный», питьевым водам Мордовии, системе социальной помощи населению и др. Также была выполнена серия исторических и этнодемографических карт и картосхем по территории Мордовии и России в целом.

Следующая стадия исследований сектора экологии связана с разработкой программ муниципального уровня. В Программе оптимизации государственного и муниципального регулирования экономического и социального развития Республики Мордовия на период до 2000 г. предложена «Модель управления социально-экономическим развитием Камаевского сельсовета Ичалковского района», написан проект Устава сельской администрации с. Камаево и проект структуры органов местного самоуправления. В дальнейшем сектор участвовал в разработке Программ комплексного социально-экономического развития муниципальных районов на период до 2010 г. Проекты были посвящены воспроизводству населения и человеческого капитала, развитию системы расселения и рынка труда в Рузаевском (2001 г.), Атюрьевском (2003—2004 гг.) и Ромодановском (2005 г.) муниципальных районах. В качестве основы документов для градостроительного планирования представлены схемы расселения этих районов с точностью до 1 чел. по каждому селу, рассчитаны балансы трудовых ресурсов совместно с Министерством труда и занятости населения РМ.

Совместная работа (1995—1998 гг.) с Министерством труда и занятости населения РМ по созданию программно-целевых документов дала свои положительные результаты. В процессе экспертирования документов этого ведомства (рекомендаций конференции «Рынок труда. Школа выживания для слабозащищенных категорий населения», проекта Кон-

цепции и плана действий по развитию системы социального партнерства в Республике Мордовия до 2000 г., проекта Программы улучшения демографической ситуации в Республике Мордовия на 1998—2000 гг.) руководство министерства пришло к выводу о необходимости разработки обновленной программы в области демографии. Опыт разработки схем социально-экономического развития, НИР «Оптимизация воспроизводства трудовых ресурсов» позволил в короткий срок разработать и согласовать новую Программу улучшения демографической ситуации в Республике Мордовия на 2000—2005 гг., а также участвовать в проведении Всероссийской научно-практической конференции «Демографическая ситуация: региональный аспект». Результаты этих работ использованы в создании монографии «Геоэкология населенных пунктов Республики Мордовия» под общей редакцией А.А.Ямашкина с участием сотрудников института. Программа улучшения демографической ситуации в Республике Мордовия на 2000—2005 гг., опубликованная двумя тиражами, отмечена дипломом Министерства труда РФ второй степени.

После принятия этой программы сектор обрел название «экологии и демографии». Параллельно с разработкой программы сектором осуществлялись исследования по теме НИР Миннауки России «Оптимизация воспроизводства трудовых ресурсов», по итогам которой подготовлен проект монографии «Регулирование процесса воспроизводства трудовых ресурсов Республики Мордовия в условиях демографического кризиса». В 2001 г. сектор выиграл грант РГНФ 01-03-23002 а/В «Создание социально-экономических условий для естественного воспроизводства населения на период до 2010 года». В процессе выполнения гранта проведены экспертный («Воспроизводство населения и трудовых ресурсов») и массовый опросы (анкета для незанятых «Эффективность работы государственной службы занятости населения»). Сектор принимал активное участие в полевой экспедиции Центра стратегических исследований ПФО и представлял аналитические отчеты в Комиссию ПФО по пространственному развитию.

Значительное место в исследованиях сектора занимает образовательная тематика. В процессе создания программы

«Развитие государственно-общественного территориального управления системой образования на принципах федерализма» (1998 г.) сектором разработаны проекты «Управление формированием заказа на подготовку рабочих и специалистов в системе образования» и «Союз ректоров». Сотрудники сектора принимали участие в экспертном опросе по определению потребности в кадрах на рынке труда. Впоследствии сектор принимал участие в разработке большого числа образовательных программ: «Механизмы федерально-региональной политики совершенствования государственно-общественного управления системой образования» (2000 г.); «Обоснование принципов совершенствования механизмов управления средним профессиональным образованием в условиях реализации федерально-региональной политики в области образования»; «Разработка научно-методического обеспечения программ развития образовательных систем муниципального и регионального уровней» (2001 г.); «Учет демографического фактора в развитии образования» (2002 г.).

Результаты работ по теме «Баланс рынков труда и образовательных услуг в системе начального профессионального образования» (2002 г.) были учтены при разработке Постановления № 23 Министерства труда и занятости населения Республики Мордовия «О практике совместной работы органов образования и государственной службы занятости населения республики по содействию занятости выпускников начального профессионального образования». Отчет по этой теме задепонирован в ВНТИЦ, предложены статистические формы балансов и направления их реализации.

В 2002 г. сектор участвовал в разработке Программы развития агропромышленного комплекса Республики Мордовия на период до 2010 г., где были заложены проекты «Региональная система сельского расселения» и «Воспроизводство населения в сельской местности», в которых обосновывалась необходимость создания нового поколения расселенческой и градостроительной документации. Были поданы заявки на участие в разработке Концепции консолидированной схемы градостроительного планирования Мордовии, прогноза социально-экономического развития РМ до

2025 г. и схемы расселения республики, но изменения в законодательстве (в первую очередь принятие нового Градостроительного кодекса) приостановили эту работу.

Результаты многолетних исследований частично опубликованы в бюллетенях Центра социально-экономического мониторинга РМ, образованного на базе ФГНУ «НИИ регионологии» в 2002 г.: «Миграция населения в Республике Мордовия»; «Современные изменения в расселении Республики Мордовия»; «Социальное партнерство в социально-трудовой сфере»; «Природные ресурсы Республики Мордовия»; «Биологические ресурсы Республики Мордовия», «Управление природопользованием и охраной окружающей среды в Республике Мордовия»; «Демографический потенциал рынка труда»; «Тенденции развития рынка труда Республики Мордовия»; «Профессиональная ориентированность выпускников учреждений общего, начального, среднего специального и высшего профессионального образования в Республике Мордовия»; «Подготовка кадров рабочих для села».

Таким образом, в настоящее время сложилось несколько основных направлений работы сектора экологии и демографии: социальная экология — изучение рационального использования природных ресурсов и экологического состояния окружающей среды, исследование механизмов государственно-общественного управления природопользованием и охраной природной среды на основе принципов социального партнерства; региональная экистика и демографическая динамика — исследование процессов сельского расселения и механизмов управления системами поселений, разработка схем территориального планирования сети населенных мест, социальное проектирование систем расселения; миграциология — изучение миграции населения, рычагов государственного и общественного регулирования миграционных процессов, трудовой и учебной миграции, территориальной мобильности рабочей силы и механизмов сельскохозяйственного переселения; социология социальных процессов — социологические исследования вертикальной и горизонтальной мобильности в социально-профессиональном разрезе, сбалансированности рынка труда и рынка образовательных услуг.

В.П.МИНИЧКИНА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Реформирование российского общества и государства привело к необходимости комплексного прогнозирования, программирования экономического и социального развития страны в целом и ее регионов — субъектов Российской Федерации в частности. Поэтому, разрабатывая Федеральную программу экономического и социального развития Республики Мордовия на 1996—2000 гг. (далее — Программа), сотрудники НИИ регионологии исходили из того, что подобные программы объективно необходимы. Эта позиция получила поддержку со стороны руководства Министерства экономики Российской Федерации. Главная задача состояла в том, чтобы выработать убедительную методологию формирования федеральной программы развития региона. В ее основу были положены принципы российского федерализма, закрепленные в Федеративном договоре и Конституции РФ.

Методологической находкой предложенного варианта федеральной Программы явился принцип конечной продукции, необходимой для удовлетворения потребностей страны. В паспорте Программы определены ее цели, задачи и структура, приоритетные направления развития республики; проекты развития объектов производственной и социальной сферы, для реализации которых требуется привлечение средств федерального бюджета.

Приоритетные направления и проекты развития Мордовии связаны с решением на ее территории социально-экономических проблем, относящихся к предметам ведения РФ или предметам совместного ведения. В Программе обоснован федеральный статус, выражена органическая взаимосвязь федерального и регионального социально-экономического развития.

МИНИЧКИНА Валентина Павловна, заведующая сектором региональной экономики, кандидат экономических наук.

Сектор региональной экономики

В федеральную Программу включались проекты, имеющие межрегиональное и общероссийское значение, ориентированные на удовлетворение первоочередных государственных нужд и учет объективных тенденций формирующейся системы рыночных отношений.

Основные приоритетные направления и проекты объективно определяют место республики в решении общефедеральных задач, учитывают особенности сложившейся структуры регионального народно-хозяйственного комплекса и тенденции ее изменения в новых условиях хозяйствования, наиболее полно выражают возможности региона с учетом наличных и потенциальных природно-сырьевых ресурсов и выгодного транспортно-географического положения.

Ведущее место занимают проекты, связанные со структурной перестройкой АПК на производство экологически чистых продуктов питания, в том числе детского, реализация которых позволит во многом удовлетворить потребности в них российского рынка. Интересны проекты, связанные с созданием в республике производственной и социальной инфраструктуры по обслуживанию пассажирского движения и грузовых перевозок на автомагистралях, железнодорожном транспорте и авиалиниях федерального значения.

Имеют место предложения по превращению комплекса промышленных предприятий по производству источников света и силовой электронной техники, расположенных на территории РМ, в головные центры федерального значения.

Предложения Программы составлены с учетом имеющихся природных ресурсов и производственного потенциала, предложений предприятий и ведомств по расширению выпуска конкурентоспособной продукции; предварительных договоренностей о сотрудничестве с иностранными инвесторами по производству изделий, пользующихся спросом на мировом рынке.

В Программе четко разделены федеральные и региональные приоритеты. Ряд проектов реализуется за счет собственных средств предприятий, иностранных инвестиций и средств местного бюджета при организационной поддержке федеральных ведомств. Например, в продвижении продукции на мировой рынок и минимальном привлечении средств из федерального бюджета. В то же время часть проектов осуществляется при широкой государственной поддержке, например, развитие высокотехнологичных производств.

В Программе нашла отражение внешнеэкономическая деятельность, проработаны направления развития, связанные с определением места республики в рыночном пространстве, созданием и развитием рыночной инфраструктуры в регионе.

В состав Программы включен расчет капиталовложений, требуемых для ее реализации, с указанием конкретных источников финансирования с разбивкой по годам. Программа содержит механизм решения проблем с конкретными сроками, затратами и, самое главное, результатами.

В федеральной Программе записано: «Программа в целом и практически все проекты будут поддержаны системой научного сопровождения, а по НИОКР, связанным с финансированием из федерального бюджета, будут представлены в Миннауки России в установленном порядке соответствующие документы». В связи с этим Правительство Республики Мордовия поручило НИИ регионологии совместно с другими научными организациями (исполнителями НИОКР) разработать Программу научно-технического прогресса Республики Мордовия на 1997—2000 гг. (далее — Программа НТП), которая призвана стать системой научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), нацеленных на реализацию основных направлений федеральной Программы, ее проектов. Лигитимной базой Программы НТП стала федеральная Программа, поэтому в содержание Программы НТП включены только те НИОКР, которые соответствуют интересам России в целом или совместным интересам Российской Федерации и Республики Мордовия.

Важной целью Программы является освоение механизма многоканального финансирования (в основном республикан-

ский и федеральный бюджеты) НИОКР, выполняемых учеными и специалистами Мордовии.

Формирование содержания и структуры Программы НТП опиралось на систему критериев, отражающих современную научно-техническую политику Российской Федерации, требования закона «О науке и государственной научно-технической политике», Доктрины развития российской науки, приоритетных направлений развития науки и техники, критических технологий федерального уровня.

В Программу НТП в соответствии с условиями, определенными Миннауки России, не включались инновационные проекты, связанные с освоением в производстве уже имеющихся научных разработок. К рассмотрению на предмет возможного включения в Программу НТП с частичным финансированием из федерального и республиканского бюджетов принимались только научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

В связи с этим методология отбора и структурирования предложенных разработчиками проектов НИОКР базировалась на принципе дифференциации приоритетов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Эта дифференциация соответствует концепции федеративного разделения предметов ведения на федеральные, совместные федерально-субъектные и субъектные (местные). Применительно к НИОКР это означает их дифференциацию на федеральный, республиканско-федеральный и республиканский уровни. В техническом задании на разработку Программы НТП поставлено условие обязательного привлечения средств федерального бюджета на частичное финансирование каждого включаемого в Программу проекта НИОКР. Это возможно только в том случае, если предлагаемые разработки в полном объеме или частично решают проблемы федерального уровня, и разработчики Программы НТП были вынуждены ограничить ее содержание только НИОКР федерального и республиканско-федерального уровней.

Необходимо было учитывать требования Миннауки России и Минобразования России о том, что к рассмотрению о частичном финансировании из федерального бюджета НИОКР региональных программ республиканско-федераль-

ного уровня принимаются только те проекты, которые финансируются из местных источников, включая республиканский бюджет. При этом Миннауки России и Минобразования России рассматривали проекты НИОКР, сблокированные в самостоятельные региональные программы, претендующие на долевое финансирование из федерального бюджета по статье «Наука».

Учитывая изложенное, Программа НТП обрела следующую структуру: I раздел (подпрограмма) «Критические технологии федерального уровня в электротехнике»; II раздел (подпрограмма) «Новые технологии на базе ресурсов Мордовии»; III раздел (подпрограмма) «Устойчивое развитие Мордовии на основе экологической безопасности».

Большинство проектов Программы ориентировано на проведение НИОКР повышения экологической безопасности как основы устойчивого экономического и социального развития территории. Методология и новые технологические решения проблем экологической безопасности имеют не только региональное, но и федеральное значение. Таким образом, все проекты НИОКР, включенные в Программу НТП, структурно организованы по изложенным выше принципам, отвечают требованиям, предъявляемым федеральными органами управления научно-технической деятельностью.

Среди других разработок особое место занимает Схема развития и размещения производительных сил Республики Мордовия на период до 2000 г. Она разрабатывалась на основе Временных методических рекомендаций по разработке схем развития и размещения производительных сил республик в составе России в условиях перехода на рыночную экономику (ЦЭНИИ при Минэкономики России, Москва, 1993 г.), Организационно-методических рекомендаций по разработке схем развития и размещения отраслей народного хозяйства и промышленности в условиях рыночной экономики и формирования товарных рынков (СОПС и ЭС при Минэкономики России, Москва, 1994 г.), Федерального закона от 20 июня 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации».

Схема стала результатом анализа исторически сложившегося развития и размещения производительных сил рес-

публики, учета реально складывающейся общественно-политической и экономической обстановки в стране, хода и перспектив реализации экономической реформы. Основным результатом исследований стал вывод о наступившем глубоком кризисе производительных сил с явными признаками их распада как основном следствии несоответствия исторически сложившейся структуры народного хозяйства, механизма хозяйствования условиям и требованиям рынка. В связи с этим перед разработчиками схемы наряду с общими задачами, определяемыми традиционным содержанием показателей документа, встали такие, которые потребовали новых, нетрадиционных подходов и идей.

Во-первых, остановить распад производительных сил, прежде всего трудовых коллективов и технологического аппарата. Во-вторых, начать подготовительные работы по формированию основ нового народно-хозяйственного комплекса, способного к воспроизводственной деятельности, преимущественно исходя из собственных природных и трудовых (интеллектуальных и физических) ресурсов и в то же время опираясь на восстановление системы общероссийского и международного разделения труда, на ту роль, которую когда-то уже играла и может в дальнейшем играть и усиливать республика. В-третьих, уделить приоритетное внимание самообеспечению республиканского и территориальных рынков (городов, сельских районов) товарами местного производства (продовольственными и непродовольственными). В-четвертых, исходить из того, что конверсия (перепрофилирование) сферы материального производства на продукцию платежеспособного спроса в республике и особенно за ее пределами является основным средством вывода экономики из кризиса.

Реализация предложенных подходов и идей осуществлялась поэтапно. Первый этап (1996—1997 гг.) связан с решением задач остановки, замораживания кризисных процессов. Второй (1998—2000 гг.) посвящен становлению и развитию нового республиканского народно-хозяйственного комплекса, способного в условиях преобладания рыночных товарно-денежных отношений к простому и расширенному воспроизводству на собственной основе, а также вхождения в новое экономическое пространство России как полноправ-

ного экономического партнера, имеющего к тому же собственные каналы выхода на международный рынок товаров и капиталов. Разумеется, Схема является лишь базовым документом для разработки отраслевых и территориальных прогнозов, а затем и бизнес-планов по развитию конкретных производств и решению задач социально-экономического развития республики, ее городов, районов, сельских поселений.

В органической связи со Схемой 2000 г. выступает Схема экономического и социального развития и финансового состояния Республики Мордовия на 1996—2005 гг. (далее — Схема). Общей методологической основой Схемы являются Методические рекомендации по разработке схем экономического и социального развития и финансового состояния регионов, подготовленные специалистами Совета по размещению производительных сил и экономическому сотрудничеству (СОПС и ЕС, Москва, 1996 г.), одобренные Министерством экономики Российской Федерации и Министерством Российской Федерации по сотрудничеству с государствами — участниками СНГ.

Стратегическим ориентиром, идеологией концепции Схемы послужили проекты концепции и прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2005 г., разработанные Министерством экономики Российской Федерации.

Схема отличается от имеющихся программных документов развития Республики Мордовия рядом существенных признаков. Во-первых, она относится к категории долгосрочных прогнозов, так как в отличие от среднесрочных (3—5 лет) охватывает период в 10 лет. Это делает возможным сосредоточить основное внимание на стратегических направлениях макроэкономического и макросоциального развития. Во-вторых, важной особенностью новой Схемы является «возвышение динамики финансового состояния» до уровня фундаментальных основ экономического и социального развития страны в целом и каждого субъекта Российской Федерации, в том числе Республики Мордовия. В-третьих, в Схеме предпринимается попытка прогнозировать динамику государственного регулирования процессов экономического и социального развития Республики Мордо-

вия в современных условиях. Этот принцип построения Схемы исходит из признания Мордовии, ее народного хозяйства составной частью народно-хозяйственного комплекса Российской Федерации, полноправным субъектом которой она является.

Долгосрочное, до 2005 г., прогнозирование социально-экономического развития и финансового состояния Республики Мордовия с ориентацией на преодоление ее отставания от среднероссийских показателей диктует поиск опережающих путей, форм и методов экономического и социального развития территории, ускоренного преодоления депрессии и выхода на модель устойчивого развития. Фундаментальной основой, главным источником и двигателем достижения этой цели является интенсивное производство, динамичное и устойчивое воспроизводство, приоритетно опирающееся на доступные природные, трудовые, технологические и инвестиционные ресурсы, внутренние и внешние рынки товаров, труда и капитала.

Это означает, что критерием того или иного уровня комплексности регионального хозяйства является степень возможностей, наличия собственных ресурсов для полного обеспечения системы воспроизводства продукции, товаров, услуг, пользующихся платежеспособным спросом на внутреннем и внешнем рынках. С позиций этого методологического принципа дифференциации уровней комплексности современное хозяйство Мордовии складывается из подсистем минимум трех уровней.

Во-первых, это отрасли хозяйства, почти полностью обеспеченные для воспроизводства природными и трудовыми ресурсами, значительной частью традиционных орудий труда и технологических приспособлений, высокой востребованностью на внутреннем рынке товаров производимой продукции и услуг. К числу подобных отраслей относятся сельское и лесное хозяйства, базирующиеся на переработке продуктов растениеводства, животноводства и воспроизводстве живой природы региона.

Во-вторых, следует выделить отрасли, хозяйства, предприятия, воспроизводство в которых в основном базируется на ресурсах республики (трудовые ресурсы, большая часть перерабатываемого сырья, основных фондов), т.е. с преобладающей, но невысокой территориальной воспроизводствен-

ной комплексностью. Это означает, что данные производства находятся не в полной, но существенной зависимости от внешних поставок сырья, комплектующих, оборудования, межрегионального, а подчас и международного разделения труда. В современных условиях эти предприятия, как правило, испытывают значительные трудности, связанные в основном с неустойчивостью внешних поставок, неплатежами и другими сбоями «кооперационных связей». Длительная неразрешенность этих проблем деформировала воспроизводственные возможности, обусловила спад объемов и сужение номенклатуры производимой продукции, привела к финансовому кризису многие предприятия этой категории. Возрождение этих производств небесспорно, видимо, оно должно определяться индивидуально для каждого предприятия с учетом возможностей реализации рыночных механизмов. Это прежде всего относится к некоторым структурам стройиндустрии, непродовольственным перерабатывающим предприятиям.

В-третьих, ведущая роль в производственно-промышленном потенциале Республики Мордовия принадлежит предприятиям электротехнической, электронной, машиностроительной, приборостроительной, химической и биотехнологической отраслей, воспроизводство на которых осуществляется преимущественно на завозимых из других регионов и стран сырье, комплектующих, оборудовании. Естественно, что для «возрождения» предприятий «федерального уровня» ресурсов Мордовии, самих этих предприятий недостаточно. Кроме того, федеральные органы государственной власти и управления еще не до конца определили свое отношение к некоторым из них, и коллективы, руководители оказались неодинаково готовыми к новым условиям хозяйствования.

Таким образом, хозяйство Республики Мордовия по уровням территориальной воспроизводственной комплексности подразделяется на три блока предприятий и организаций: высокой региональной комплексности; преобладающей региональной комплексности; низкой региональной комплексности.

Особыми проблемами для всех групп предприятий, прежде всего для второй и третьей, являются повышение уровня региональной комплексности, создание развитой системы региональных кооперационных связей.

Сложность в осуществлении реформ, преодолении кризисных явлений представляет формирование благоприятных финансовых условий развития предприятий и организаций различных секторов экономики. Преодоление нерациональной затратности должно быть сопряжено с синхронным повышением качества потребительских свойств выпускаемой продукции, что, как показывает отечественный и зарубежный опыт, возможно лишь на основе повышения технологического уровня производства, а это, в свою очередь, может быть обеспечено только на основе жесткой политики наращивания накоплений для инвестиций в догоняющие и опережающие технологии.

Стратегическая цель долгосрочного развития хозяйства Мордовии в сфере финансов состоит в том, чтобы неуклонно повышать потенциал самофинансирования, в конечном счете перейти из категории дотационных регионов в разряд регионов-доноров.

В стратегическом долгосрочном прогнозе реформирования и развития социальной сферы республики есть специфическая проблема, характерная для депрессивных регионов, — это преодоление существенного отставания уровня доходов и качества жизни населения от среднероссийских показателей. В Схеме заложена идея опережающего развития тех сфер социальной жизни, которые ориентированы на социальное воспроизводство новых поколений, а именно образования, здравоохранения, культуры.

Важной задачей, необходимым средством радикального реформирования хозяйства Республики Мордовия является формирование развитой рыночной инфраструктуры, адекватной содержанию проводимых и намечаемых перемен в экономической и социальной жизни.

Таким образом, сущность концепции Схемы долгосрочного экономического и социального развития и финансового состояния Республики Мордовия на период до 2005 г. базируется на фундаментальных идеях создания устойчивого территориального воспроизводственного социально ориентированного народно-хозяйственного комплекса, регулируемого механизмами государственно-общественного, преимущественно экономического управления на основе «правового порядка» и цивилизованных рыночных механизмов.

С учетом основных идей концепции и упомянутых методических подходов сложилось содержание Схемы экономического и социального развития, финансового состояния Республики Мордовия на 1996—2005 гг. По всем намеченным и означенным в Схеме проблемам разработчиком осуществлен сбор необходимой информации по базовым предприятиям, отраслям, городам и районам, республике в целом, на основе которой определены прогнозы и методические подходы к их реализации.

Реформирование управления народным хозяйством, экономическим и социальным развитием Мордовии осуществляется в русле общероссийских реформ. В контексте общероссийских процессов и законодательства укрепляется правовая основа изменения характера взаимодействия между отраслевым и территориальным управлением со сменой исторически сложившегося приоритета отраслевого управления на приоритет территориального. Однако республика, как и другие субъекты Российской Федерации, ведет поиск вариантов повышения уровня управляемости народно-хозяйственного комплекса, демократизации общественной жизни, утверждения правового государства.

Необходимость повышения управляемости народно-хозяйственного комплекса в условиях формирования рыночных отношений вызвала принятие Правительством РМ решения о создании Программы развития кооперационных связей в хозяйственном комплексе Республики Мордовия на период до 2005 г. Перед разработчиком стояла непростая задача — подготовить программный документ, практическая реализация которого позволит обеспечить повышение эффективности функционирования хозяйственного комплекса республики за счет сохранения, расширения и углубления регионального, межрегионального, международного разделения труда; обеспечения оптимальной отраслевой и территориальной кооперации в системе целостных воспроизводственных циклов по изготовлению продукции при максимально эффективном использовании материальных ресурсов.

Анализ практики формирования кооперационных связей в промышленном комплексе республики предопределил блок задач, решение которых является первоочередным для

обеспечения социально-экономического развития республики. Это прежде всего обоснование приоритетных и наиболее эффективных направлений развития кооперационных связей; повышение уровня территориальной воспроизводственной комплексности хозяйства Мордовии; максимально эффективное использование природно-ресурсного, научного, кадрового, производственно-технического потенциала; разработка проектов, практическая реализация которых позволит оптимизировать кооперационные связи в производстве конкурентоспособной продукции, с высокой долей добавленной стоимости.

Различия в уровне социально-экономического развития районов республики сложились исторически по объективным и субъективным причинам. Основная из них — недооценка в прошлом и в настоящем формирования экономически и социально оправданного уровня комплексности хозяйства городов и районов, соответствующего размещения и развития производительных сил. Дифференциация административно-территориальных формирований республики по структуре хозяйства дает основание выделить четыре группы городов и районов: индустриальные, индустриально-аграрные, аграрно-индустриальные, аграрные. Структурная перестройка хозяйства городов и районов наряду с общими требованиями осуществляемых реформ должна включать поэтапное создание условий для укрепления во всех районах собственной экономической базы повышения благосостояния населения.

Преодоление различий в показателях уровня и качества жизни городского и сельского населения коснулось таких территорий России, которые традиционно относились к российской глубинке. При прогнозировании и планировании обозначилась необходимость сохранить весь комплекс методического и методологического обеспечения, традиционно применяемый при решении задач устойчивого развития крупных территориальных хозяйств. При этом удается не только учесть, но и выгодно использовать специфические особенности конкретных муниципальных хозяйств, их ресурсный потенциал, сильные и слабые стороны. Приоритетное значение при этом имеет повышение роли государственных и местных властей в системном регулировании

комплексного экономического и социального развития республики, ее городов, районов, поселков, сел и деревень.

В разработанной Программе социально-экономического развития МО Рузаевка на 2001—2003 гг. и на период до 2010 г. сделано все необходимое, чтобы реализовать в ней комплексный подход. Проведенный анализ социально-экономического потенциала МО Рузаевка позволил сформулировать ряд задач: создать условия для формирования саморазвивающейся и по возможности самодостаточной экономической и социокультурной системы город — село в пределах муниципального образования; обеспечить согласованное и комплексное развитие основных сфер жизнедеятельности населения муниципального образования (материального производства и социальной сферы); мобилизовать внутренние материально-вещественные и гуманитарные ресурсы для всестороннего развития муниципального образования; выработать механизм привлечения внешних финансовых, материальных и гуманитарных ресурсов для развития муниципального образования посредством создания в нем благоприятного инвестиционного климата и формирования привлекательного имиджа Рузаевки как крупного индустриально-транспортного центра Республики Мордовия и Российской Федерации; повысить реальные доходы населения муниципального образования с сохранением тенденции их опережения на селе; способствовать укреплению роли местного самоуправления и наиболее полному использованию административных ресурсов крупного муниципального образования как выразителя интересов городского и сельского населения на основе интеграции потенциала города и села в единой системе.

На этапе разработки стратегического плана были выявлены приоритеты и основные направления развития муниципального образования, сделаны выводы о целях социально-экономического развития с учетом новых тенденций, местной специфики и особенностей современного этапа развития российской экономики.

Муниципальное образование в ближайшее время может стать финансово самодостаточным, т.е. будет способно покрывать минимально необходимые расходы на содержание бюджетной сферы и муниципальной собственности за счет

доходов местного бюджета. При этом будут нарастать необходимые предпосылки для самофинансирования (с учетом привлечения кредитных и других ресурсов) наиболее значимых проектов по стратегическим направлениям развития на период до 2010 г.

Социально-экономическая эффективность реализации Программы выразится в оживлении экономического оборота в регионе, подъеме его экономики в целом, восстановлении и увеличении рабочих мест, значительном росте жизненного уровня населения.

Были разработаны также программы развития для Ромодановского, Атюрьевского районов республики, в стадии разработки — программа для Торбеевского муниципального района Республики Мордовия.

Успех программного подхода изначально определяется полнотой реализации комплексного, расширенного подхода к анализу достигнутых социально-экономических показателей регионального развития. Поэтому сотрудники сектора региональной экономики приняли самое деятельное участие в работе образованного на базе ФГНУ «НИИ регионологии» в 2002 г. Центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия. Имея большую практику программирования социально-экономического развития территорий и регионов, сектор региональной экономики получил возможность применить накопленный опыт и в сфере мониторинга. Результаты многолетних исследований сектора и новые аналитические материалы нашли свое отражение в бюллетенях: «Динамика народного хозяйства РМ», «Инновационная продукция в промышленном производстве РМ», «Формирование „новой экономики“ в РМ», «Динамика валового регионального продукта РМ», «Кооперационные связи в РМ», «Заработная плата в РМ». На протяжении нескольких лет сотрудниками сектора проводится мониторинг социально-экономических процессов и социально-психологического климата в малом предпринимательстве Республики Мордовия, по итогам которого выпускаются бюллетени «Мордовский предприниматель».

Есть основание надеяться, что накопленный опыт работы может пригодиться и другим субъектам Российской Федерации.

Т.Н.МАКАРОВА,
Л.Ю.МАКСИМОВА,
В.А.ИНШАКОВ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО АПК

Сельское хозяйство является одной из ведущих отраслей экономики и важнейшим звеном агропромышленного комплекса страны. За годы реформ произошли большие изменения в этой сфере — не только положительные, но и негативные, что повлекло падение объемов производства. В условиях рынка сельское хозяйство оказалось среди отраслей, находящихся в самых неблагоприятных экономических условиях. Этому способствовали диспаритет цен, резкое удорожание средств производства, незащищенность сельхозтоваропроизводителей от внешней торговой экспансии, неплатежи, снижение покупательной способности населения, острая нехватка оборотных средств.

Кризис в экономике страны разрушил многие сферы АПК, что способствовало развитию значительного диспаритета между сельским хозяйством и отраслями промышленности, разрушению социальной сферы села, научного обеспечения сельскохозяйственного производства.

Республика Мордовия относится к числу тех регионов, где ведется постоянный поиск форм и методов преодоления сложившегося в АПК трудного положения. Особо следует выделить проблему дальнейшего совершенствования организационно-экономической структуры АПК. Более эффективные формы хозяйствования возможно будет создавать на основе развития различных видов кооперации.

Проблемы аграрной сферы были и остаются одними из наиболее сложных в народно-хозяйственном комплексе. Разработка теоретических и методологических основ формирования и развития системы АПК, ее сфер в условиях рыночной экономики имеет важное научное и практическое

МАКАРОВА Татьяна Николаевна, заведующая сектором региональных АПК, кандидат экономических наук, доцент.

МАКСИМОВА Лариса Юрьевна, научный сотрудник сектора региональных АПК.

ИНШАКОВ Виталий Александрович, научный сотрудник сектора региональных АПК.

значение. НИИ регионологии разработана Программа развития агропромышленного комплекса Республики Мордовия на период до 2010 г.

Система государственного регулирования и поддержки сельских товаропроизводителей должна, на наш взгляд, базироваться на целевом программном подходе, чтобы учитывать особенности и условия районов республики, стимулировать более приоритетные направления развития производства. В этом отношении в последние годы происходит формирование механизма экономического стимулирования административных районов, органов местной администрации республики.

Сектор региональных АПК

В современных условиях актуальной задачей стала разработка научных основ оптимальной структуры агропромышленного комплекса, состава и взаимоотношений отраслей комплекса, пропорций их развития, системы управления и стимулирования, а также государственного регулирования социально-экономической деятельности АПК.

Экономические преобразования в агропромышленном производстве могут осуществляться наиболее эффективно при совершенствовании структуры регионального АПК, для чего необходимо стимулировать развитие его сфер. Во-первых, отрасли промышленности, производящие средства производства для сельского хозяйства и других сфер агропромышленного производства. Во-вторых, сельское хозяйство, охрану природной среды и формирование экологичности сельскохозяйственного производства. В-третьих, отрасли переработки, заготовки и хранения сельскохозяйственной продукции. В-четвертых, отрасли производственной инфраструктуры, обслуживающие сельское хозяйство (материально-техническое снабжение, строительство, ремонтно-техническая служба, транспорт, связь, дорожное строительство). В-пятых, отрасли социальной инфраструктуры

(здравоохранение, образование, культура, торговля, физкультура и спорт, строительство и обслуживание жилья на селе). В-шестых, внешнеэкономические связи. В-седьмых, управление АПК на основе развития информационно-вычислительной службы.

Назрела необходимость в разработке и реализации оптимального механизма взаимоотношений сельского хозяйства с другими сферами. Для этого необходимо создание эффективно действующих механизмов государственной поддержки сельских товаропроизводителей через развитие лизинга, дотирование производства продукции сельского хозяйства, элитного семеноводства, племенного животноводства, реструктуризацию кредиторской задолженности, повышение платежеспособного спроса на продовольствие.

В целях динамичного, пропорционального развития АПК, особенно сельского хозяйства, структуру регионального АПК следует рассматривать с позиций воспроизводственного процесса, невозможного без соответствующего уровня развития социальной инфраструктуры.

Актуально определение приоритетных направлений развития аграрной науки: фундаментальных исследований в области генетики, селекции, физиологии растений и животных; прикладных исследований по подготовке прогнозов, программ, моделей экономического развития, созданию высокопродуктивных сортов растений и пород животных, эффективных технологий производства, переработки и хранения сельскохозяйственной продукции. На этой основе может осуществляться инновационный процесс в АПК, представляющий собой трансформацию идей в новые организационно-экономические и технологические решения, получение более качественной и дешевой продукции. Это актуализирует необходимость научного обеспечения аграрного производства.

Дальнейшее совершенствование деятельности регионального АПК, его пропорционального развития должно, на наш взгляд, предполагать решение ряда задач. Прежде всего выработку стратегии реформирования АПК с учетом региональных особенностей, предполагающую проведение институциональных преобразований, формирование многоукладной экономики и эффективно работающего хозяина зем-

Заказ № 2806

ли (собственника); создание эффективно действующих механизмов государственной поддержки сельских товаропроизводителей через развитие лизинга, повышение платежеспособного спроса на продовольствие, дотирование производства продукции сельского хозяйства, элитного семеноводства, племенного животноводства, реструктуризацию кредиторской задолженности; формирование национальной кредитно-финансовой системы обслуживания товаропроизводителей АПК, включающей льготное кредитование; проведение структурной перестройки АПК, направленной на оптимизацию отраслевой структуры; развитие инфраструктуры земельного рынка (создание земельных банков, оптимизация земельного налога, проведение массовой оценки земель и автоматизация ведения государственного кадастра и др.); развитие системы страхования сельскохозяйственной деятельности, обеспечивающей доступ товаропроизводителей к внебюджетным источникам финансирования; развитие рыночной инфраструктуры (системы закупок, оптовой и розничной торговли, транспортного обслуживания и т.д.), развитие оптовых рынков.

Агропромышленный комплекс республики и страны находится на переломном этапе своего развития. Его перспективы зависят от обеспечения ускоренного развития высокотехнологичного и наукоемкого производства в АПК. Возможности по выходу из сложившейся ситуации предоставляет выдвинутый Президентом страны В.В.Путиным приоритетный национальный проект «Развитие АПК» на 2006—2007 гг.

Н.В.ШУМКОВА

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НИИ РЕГИОНОЛОГИИ

В 90-е гг. XX вв. с распадом СССР и становлением новой российской государственности резко возросла актуальность проблем межэтнической напряженности, конфликтности, этнического сепаратизма и этнократии, оказались востребованными исследования, направленные на поиск оптимальных механизмов разрешения межэтнических противоречий и гармонизации межэтнических отношений. В связи с этим в период с 1992 по 2000 гг. коллектив сектора межнациональных отношений занимался по заданию Министерства образования РФ разработкой ряда научных тем этнической проблематики: «Национальное возрождение народов республик европейской части Российской федерации» (1992—1995 гг.), «Сохранение, возрождение и развитие культурного многообразия и духовного потенциала народов Поволжья» (1992—1995 гг.), «Региональные особенности формирования и развития национальных отношений в Республике Мордовия» (1992—1995 гг.), «Диалектика соотношения национальных и общечеловеческих ценностей в цивилизованном развитии наций» (1992—2000 гг.) и «Цивилизованное развитие наций и межнациональных отношений в современном российском обществе» (1992—2000 гг.). Эмпирической базой исследований послужили данные массового этносоциологического опроса «Традиции и новации в культуре этноса», проведенного в 1991—1992 гг. на базе НИИ регионологии совместно с Мордовским государственным университетом в 19 районах Мордовии и городах Саранске, Рузаевке, пгт. Комсомольский, а также в ряде районов компактного проживания мордовской диаспоры в Оренбургской, Пензенской и Самарской областях, а также массовых социологических опросов по проекту «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии» (1994, 1995, 1999, 2002, 2005 гг.). По результатам опроса «Традиции и новации в культуре этноса» в 1993—1994 гг. издано шесть научных сборников «Межнациональные отношения в Мордовской ССР» (1993—1994 гг.)

ШУМКОВА Наталья Викторовна, научный сотрудник сектора межнациональных отношений НИИ регионологии.

с краткими аналитическими комментариями. Их авторы сделали общий вывод о состоянии межэтнических отношений в Мордовии в начале 1990-х гг., отметив, что они отличаются стабильностью и добрососедством. Основываясь на итогах этносоциологических исследований, НИИ регионологии выступил инициатором проведения всероссийских научно-практических конференций «Традиционное и новое в культуре народов России» (май 1992 г.) и «Гармонизация межнациональных отношений в России» (октябрь 1995 г.), состоявшихся на базе Мордовского государственного университета.

Итогом исследований научных тем 1990-х гг. стали выводы о том, что, во-первых, представляя собой межгрупповые отношения в полиэтническом социуме межэтнические отношения эксплицируются как разновидность статусных отношений индивидов и малых групп на основе осознанных этнических статусов, т.е. осознанной самоидентификации с определенными этническими общностями, а также по поводу их этнической принадлежности. Во-вторых, межэтнические отношения в полиэтническом социуме проявляются главным образом в качестве аспектов других социальных отношений (между социальными стратами, территориальными общностями и т.д.). В-третьих, характер межэтнических отношений в обществе во многом определяет социально-этническая стратификация, являющаяся одним из главных факторов, провоцирующих межэтническую напряженность, наряду с этнокультурными (процессы этнической консолидации, идентификационной и структурной ассимиляции) и этнополитическими (деятельность национальных движений и этнических элит, основанная на

Сектор межнациональных отношений

принципах этнического национализма). В-четвертых, к основным типам межэтнических отношений можно отнести этническое доминирование (при условии, что каждая из этнических общностей занимает примерно одинаковые социальные позиции по основным шкалам стратификации), межэтническую конкуренцию (в случае разделения социоструктурных областей и различия статуса этнических общностей по разным шкалам стратификации), межэтнические конфликты, а также межэтническое сотрудничество (социальное партнерство в межэтнических отношениях). В-пятых, понятие межэтнического сотрудничества (партнерства) представляет собой сознательную стратегию социального поведения отдельных людей, групп и социальных институтов, включая политические институты и этнические элиты, которая предполагает не только сокращение социокультурной этнической дистанции, но и, главным образом, такое структурирование социальных отношений и социального пространства, которое выражается в создании сфер совместных действий, общих интересов и целей. В-шестых, в условиях системной социоструктурной трансформации современного российского общества, сопровождаемого децентрализацией государственной власти, ослаблением государственного контроля над различными сферами социальной жизни и формированием гражданского общества в качестве наиболее приоритетной области формирования и поддержания партнерских межэтнических отношений, могут рассматриваться социально-территориальные общности поселенческого и регионального масштабов.

Результаты этносоциологических исследований в Мордовии послужили базой для разработки в 1996 г. в соответствии с Постановлением Правительства РМ «Программы национального развития и межнационального сотрудничества народов Республики Мордовия», разработанной НИИ регионологии. Выступая заказчиком программы, Госкомитет РМ по национальной политике стремился зарезервировать в бюджете республики финансирование расходов на этнокультурную политику отдельной строкой.

Программа включала комплекс мер, предусматривающих создание условий синхронного и взаимосвязанного социально-экономического развития этносов, выравнивания уровней

социально-экономического развития районов, оздоровления экологической среды, проекты по развитию национального образования, духовной и материальной культуры, первоочередных мероприятий в области языковой политики. При этом Программа исходила из того, что все этнические группы, проживающие на территории республики, составляют единую социально-территориальную общность — народ Мордовии. В качестве основной цели Программы было заявлено создание благоприятных условий всем народам республики для гармоничного национального развития и межнационального сотрудничества. В соответствии с этой целью в Программе предполагалось решение задач преодоления социально-экономического кризиса; стабилизации и повышения качества жизни населения Мордовии до среднероссийских показателей на основе реализации Федеральной программы экономического и социального развития Республики Мордовия на 1996—2000 гг., выравнивания условий социально-экономического развития городов и районов республики с учетом национальных традиций в организации производства, включая народные промыслы, быта и человеческого общения в поселениях; создания условий для стабилизации численного состава населения, особенно в сельской местности, оптимизации социально-демографического развития территориальных общностей с учетом этнических факторов; повышения уровня экологической безопасности на основе мероприятий по стабилизации и улучшению экологического комфорта населения; создания национальных природных заповедников, парков, формирования современной экологической культуры жителей города и села; создания условий для расширения сфер активного применения мордовских (мокша, эрзя) и татарского языков, развития национального образования, возрождения и развития мордовских и татарских школ, усиления национальных начал в русских школах; подготовки национальных кадров педагогических работников, издания учебно-методической, художественной и справочной литературы для национальных школ, развития народной и профессиональной национальной культуры и искусства. Особое внимание уделялось развитию всех видов и жанров национальной профессиональной культуры и искусств, созданию специализированных музеев, созданию

инфраструктуры формирования среды и механизмов межнационального общения и сотрудничества.

Целью языковой политики Республики Мордовия объявлялось «создание благоприятных условий для равноправного развития языков народов, проживающих в республике, повышения национального самосознания, сохранения достижений культуры и письменности, а также удовлетворения языковых и культурных запросов этнических диаспор на ее территории, формирования полноценного двуязычия (многоязычия), воспитания уважительного отношения к языкам всех народов, проживающих на территории Мордовии, развитие культуры языкового общения.

В рамках государственной политики были предусмотрены меры по созданию условий для расширения функционирования государственных языков в СМИ, науке и культуре. Особое внимание уделялось в Программе возрождению национальной школы в республике и регионах компактного проживания мордовской диаспоры, содействию создания там структур национально-культурной автономии.

В области развития инфраструктуры традиционной и профессиональной этнической культуры программа предусматривала создание центров национальной культуры (мокшанской, эрзянской, русской, татарской) на базе имеющихся клубов и сельских домов культуры, драматургии народного театра, основанной на традиционных формах календарно-обрядовой поэзии, календарных обрядах и праздниках, проведение фестивалей народного искусства Республики Мордовия, общероссийских и международных фестивалей финно-угров в Мордовии, участие мордовских коллективов в подобных фестивалях, устраиваемых финно-угорскими республиками России и зарубежья.

Комплекс мер был призван обеспечить сохранение и развитие клубного, библиотечного и музейного дела в республике, сохранение сети кинопроката. В ней также содержался ряд мер, призванных обеспечить дальнейшее развитие традиционных народных промыслов и ремесел. Мероприятия Программы были рассчитаны на период до 2000 г. и более отдаленную перспективу. Проект программы прошел экспертизу в Министерстве Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям, Ми-

нистерстве финансов, Министерстве экономики и Министерстве культуры Республики Мордовия, обсуждался Общественным советом Комитета по национальной политике при Правительстве РМ. Правительство Постановлением от 16 апреля 1997 г. № 166 одобрило Программу национального развития и межнационального сотрудничества народов Республики Мордовия и вынесло ее на утверждение в Государственное Собрание Республики Мордовия.

Проблематика дальнейших исследований сектора межнациональных отношений связана с изучением механизмов гармонизации этнических отношений на региональном уровне в субъектах современной России. В 2003 — 2004 гг. сектор межнациональных отношений работал над исследовательским проектом «Механизмы гармонизации межэтнических отношений в региональном социуме (на примере Республики Мордовия)», выполненным при поддержке РГНФ (коллективный грант РГНФ 03—03—00492 а/в). Эмпирическую базу исследования составили данные массового опроса, проведенного в 2003 г. в Мордовии сотрудниками НИИ регионологии по квотно-территориальной выборке с учетом возраста, пола, этнической принадлежности респондентов и места проживания в г. Саранске, г. Рузаевке и 11 районах Мордовии. По результатам исследования опубликован сборник статей[1].

Работа над исследовательским проектом позволила сделать ряд выводов относительно механизмов и условий гармонизации межэтнических отношений в современном российском региональном социуме. Исследование показало, что гармонизация межэтнических отношений представляет собой динамическую характеристику состояния межэтнических отношений и процесс, нацеленный на достижение гармонии в отношениях этнических групп, а также совокупность социально-политических технологий, рассматриваемых в качестве средств достижения этой цели. Она представляет собой единство процессов воспроизводства этничности и этнических различий, с одной стороны, а также интеграции этнических групп в полиэтническое сообщество — с другой.

Исследования, проведенные в Мордовии, позволяют выделить основные характеристики модели взаимодействий

этнических групп, которая может быть названа моделью гармонизации межэтнических отношений, а также «равной интеграции», или «интегрированного многообразия». В настоящее время для межэтнических отношений в Мордовии характерны основные черты модели «гармонизации»: баланс между этническими практиками, локализуемыми в сфере семейного общения, этнокультурного образования, профессиональной и самодеятельной этнической культуры, этнической прессы и неэтническими практиками. Межэтническая интеграция выражается в форме полиэтнической идентичности, национально-русского бикультурализма и билингвизма, положение этнических групп характеризуется равенством в правовом и политическом отношениях. Взаимодействие между ними характеризуется толерантностью, размытостью этнических границ, преобладанием установок на сотрудничество, на уровне государственной национальной политики институционализированного в форме партнерства властей с общественными и религиозными организациями. Имеется идеологический консенсус в отношении форм национально-государственного устройства и национальной политики, моральная солидарность межэтнического сообщества находит выражение в близости стандартов поведения в отношении этнических групп.

Сохранение этнокультурных различий в полиэтническом регионе обусловливает необходимость постоянных усилий по интеграции регионального сообщества. Интегрирующими культурными факторами в таких регионах выступают русский язык, позволяющий, как показывает опыт Мордовии, преодолевать не только этнические, но и внутриэтнические противоречия, а также культурообразующая религия, формирующая общую систему ценностей. В силу своих интегрирующих функций, способности создавать надэтнические образы региональной идентичности «религия большинства» — православное христианство, как это видно на примере Мордовии, сознательно поддерживается региональными властями при нейтральном отношении к другим конфессиям.

Этнические отношения в региональном сообществе, соответствующем гармоничной модели, строятся на основе преобладания этноконтактных установок, ориентирующих на

сотрудничество, а не конкуренцию, а также взаимной толерантности. Совокупность позитивных этноконтактных установок и общих ценностей составляют основу культуры межэтнических отношений, являющейся одним из основных социальных факторов сохранения стабильных, добрососедских межэтнических отношений в таком регионе. Другой социоструктурной предпосылкой «интегрированного многообразия» является этносоциальная структура, характеризующаяся примерно равным статусом наиболее многочисленных этнических групп по основным типам стратификации и складывающаяся на основе индивидуальной мобильности, а не институционально поддерживаемого «социального плюрализма», т.е. без учета принадлежности индивидов к тем или иным этническим группам в процессе «социального тестирования». Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что различия в социальном статусе этнических групп в Мордовии зависят исторически сложившихся особенностей расселения и уровня урбанизации, а не политических или культурных причин.

Основной характер межэтнического общения в регионе со стабильными и гармоничными отношениями, как показывает опыт Мордовии, определяют отношения межэтнического сотрудничества, основное содержание которых эксперты видят в сотрудничестве представителей различных этносов на уровне социально-политических институтов в решении проблем, стоящих перед обществом, наряду с непосредственным общением представителей различных национальностей и ростом взаимного влияния этнических культур. Однако в целом толерантный характер межэтнических отношений не исключает латентной межэтнической напряженности, проявлений неприязни к культурно выделенным меньшинствам.

Результаты опросов свидетельствуют, что сугубо этнические проблемы возникают в определенной степени независимо от других социальных проблем, связанных с распределением экономических ресурсов, власти и социальных благ между национальными группами, а также, что даже в таком стабильном регионе существуют предпосылки для возникновения межэтнической напряженности. Этнические проблемы, характерные для Мордовии, связаны с культур-

ными отличиями, возможностями сохранения этнокультурной специфики различных этнических групп при одновременной их интеграции в полиэтническом социуме, выбором оптимальных способов государственной поддержки языка и культуры этих групп. В самом гармоничном полиэтническом сообществе всегда остаются требующие решения этнические проблемы, бросающие вызов межэтнической стабильности и заставляющие постоянно искать пути и способы разрешения возникающих противоречий с целью дальнейшей интеграции динамично развивающегося регионального социума.

В настоящее время сфера научных интересов сектора межнациональных отношений включает ряд направлений исследований: анализ этносоциальной структуры и межэтнических отношений в региональных социумах, изучение народной и профессиональной культуры, в том числе ее этнических аспектов, региональных аспектов национальной политики и деятельности этноориентированных движений, национально-культурных автономий, этнических аспектов демографических процессов в Мордовии, а также деятельность религиозных организаций и этноконфессиональных проблем в Мордовии.

Наряду с изучением проблематики межэтнических отношений коллектив сектора межнациональных отношений принимает участие в разработке федеральных, региональных и муниципальных социальных программ, а также в деятельности Центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, участвует в массовых социологических опросах по теме «Резервы гармонизации социальных отношений» (2002 и 2005 г.), в том числе разрабатывая для анкеты блоки вопросов по этносоциологической тематике. Результаты научно-исследовательских разработок сектора опубликованы в 2004—2005 гг. в ряде научных бюллетеней Центра: «Межэтнические отношения в Мордовии» (2003 г.); «Динамика межэтнических отношений в Республике Мордовия» (2004 г.); «Религиозные организации и межконфессиональные отношения в Республике Мордовия» (2004 г.); «Деятельность некоммерческих организаций в социальной сфере Республики Мордовия» (2004 г.); «Молодежные субкультуры в Республике Мордовия» (2004 г.); «Социальная

защита населения в Республике Мордовия» (2004 г.); «Социальная защита семьи, материнства и детства» (2004 г.); «Национальное образование в Республике Мордовия: состояние, проблемы и перспективы» (2005 г.); «Динамика этносоциальной структуры населения РМ» (2005 г.); «Профессиональная культура и искусство Республики Мордовия» (2005 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Межнациональные отношения в Мордовской ССР: Итоги этносоциологического исследования. Саранск, 1992. С. 151.

[2] Там же.

Н.В.ИВАШКИНА
Л.П.КАНАЕВА
Н.П.КАСАТКИНА

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Становится общепризнанной необходимость приоритетного и опережающего развития образования для выхода страны на режим устойчивого гармоничного развития. В Федеральной целевой программе развития образования на 2006—2010 гг. образование рассматривается как ключ к обеспечению устойчивого экономического роста страны в средней и долгосрочной перспективе. Таким образом, от состояния образовательной системы, ее способности удовлетворять потребности личности и общества в высококачественных образовательных услугах, принципиально зависят перспективы общественного развития, поэтому исследование проблем развития образования продолжает быть актуальным.

ИВАШКИНА Наталия Владимировна, старший научный сотрудник сектора региональных систем образования НИИ регионологии.

КАНАЕВА Лидия Петровна, заведующая сектором региональных систем образования НИИ регионологии, кандидат филологических наук.

КАСАТКИНА Наталья Петровна, научный сотрудник сектора региональных систем образования НИИ регионологии.

Современная система образования России находится в стадии модернизации, ее направления отражены в Национальной доктрине образования, Федеральной целевой программе развития образования на 2006—2010 гг., Концепции модернизации российского образования до 2010 гг. Качественно новым этапом этого процесса стала реализация с 2006 г. приоритетного национального проекта «Образование», главная идея которого — выявление возможных «точек роста», способных дать импульс развитию всей системы. Эти документы в сочетании с Федеральным законом «Об образовании», другими законами, указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации служат основой государственной политики модернизации образования. В условиях федеративного государства ее основные направления реализуются в рамках региональной образовательной политики.

Разработка механизмов реализации федерально-региональной политики совершенствования государственно-общественного управления системой образования — приоритетное направление исследований НИИ регионологии при Мордовском государственном университете. В рамках этого направления разработаны программы, концепции, методики, проведены социологические исследования.

В 1998 г. сектор региональных систем образования разработал концептуальные основы развития государственно-общественного управления системой образования на принципах федерализма. Исследование включало обоснование стратегических направлений дальнейшего совершенствования государственно-общественного управления системой образования на четырех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном и уровне образовательного учреждения.

Основные идеи и выводы, полученные в ходе исследования, сохраняют актуальность и в настоящее время. Это признание важнейшей функцией управления образованием определение приоритетов его развития как системы, призванной обеспечить потребности личности, общества и государства в соответствующем цивилизации уровне образования, общей и профессиональной культуры; признание доступности всех уровней и видов образования и их высо-

кое качество критериями эффективности процессов модернизации в образовании. Была обоснована идея необходимости перевода управления образованием с многоотраслевого управления на модель территориально-отраслевого.

В 2000 г. работа продолжена в рамках исследовательской программы «Механизмы реализации федерально-региональной политики совершенствования государственно-общественного управления системой образования» по заказу Министерства образования РФ. Были разработаны механизмы комплексного управления системой образования всех уровней, разграничения предметов ведения и полномочий федеральных, региональных государственных органов исполнительской власти, местного самоуправления в сфере образования на принципах федерализма, взаимодействия государственных и общественных структур в управлении системой образования как единым учебно-научно-культурным комплексом, совершенствования законодательной, правовой базы государственно-общественного управления системой образования на принципах федерализма, модели государственно-общественного управления системами образования в условиях федерального округа.

Сектор региональных систем образования

В основу программы легли данные экспертного опроса «Эффективность механизмов государственно-общественного управления образованием», в котором участвовали 300 экспертов из республик Мордовия, Чувашия и Пензенской области. Опрос показал, что главными механизмами модернизации образования, на тот момент, являлись активизация финансового обеспечения и кадрового потенциала отрасли. Проблема финансирования — главная составляющая практически всех «болевых» зон российской системы образования и от ее решения зависело качество управления отраслью. Качество кадров всегда в приорите: эффективная

модернизация образования в первую очередь связывалась с повышением заработной платы преподавателям до уровня, привлекающего в отрасль высококвалифицированные кадры. Главное направление подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров — создание стимулов для закрепления в системе образования профессиональных кадров. Существенным резервом повышения эффективности управления отраслью стали региональные и муниципальные программы развития образования. По мнению экспертов, для повышения их эффективности необходимо гарантированное финансовое обеспечение и совершенствование методологии разработки. Роль общественных структур в управлении образованием определялась экспертами прежде всего как участие в финансовом обеспечении образовательных учреждений. Именно поэтому эксперты активно выступали за введение системы попечительских советов как в образовательных организациях, так и на уровне муниципалитетов. Работая над этой темой, НИИ регионологии получил статус федеральной экспериментальной площадки.

Организационной основой реализации федерально-региональной политики государственно-общественного управления системой образования являются региональные и муниципальные программы развития образования. В 2001 г. логическим продолжением предыдущих исследований была работа по проекту Минобразования России: «Разработка научно-методического обеспечения программ развития образовательных систем муниципального и регионального уровней». В ходе исследования разработана Концепция «Научно-методические основы программ развития региональных и муниципальных образовательных систем», которая включила анализ региональных и муниципальных программ развития образования субъектов Российской Федерации и концептуальные основы формирования программ развития региональных и муниципальных образовательных систем. Объектом анализа стали тексты 25 региональных программ развития образования субъектов Российской Федерации, из них 3 республики, 19 краев и областей, 1 автономный округ и 2 города. Была дана общая оценка региональных и муниципальных программ развития систе-

мы образования и осуществлен анализ содержания программ по основным направлениям: регион как единое образовательное пространство, формирование основ реализации национально-регионального компонента государственных образовательных стандартов, реализация возможностей многоканального финансирования системы образования, инновационная направленность развития региональных систем образования, управление системой образования. На основе анализа разработана Методика формирования программ региональных и муниципальных образовательных систем, признанная лучшим проектом на Всероссийской научно-методической конференции «Научные основы федерально-региональной политики в области образования» (г. Владимир, 5—8 февраля 2002 г.).

Необходимо отметить, что мониторинг процесса программирования образовательных систем на федеральном, региональном и муниципальном уровнях является важным направлением деятельности сектора и ведется с момента его основания. В 1998 г. по заказу Минобразования РФ проведен анализ текстов 36 региональных программ развития образования. На 2006 г. запланирован анализ 20 региональных и 15 муниципальных программ. Цель мониторинга — выявление основных тенденций развития образовательных систем и их отражение в управленческих решениях. Методика формирования региональных и муниципальных программ образовательных систем легла в основу разработок проектов развития муниципальных образовательных систем Рузаевского, Атюрьевского, Ромодановского районов Республики Мордовия.

Основные результаты научно-исследовательских проектов 2000—2001 гг. использованы в работе третьей и четвертой Всероссийских научно-практических конференций «Интеграция региональных систем образования», проходивших в 2001 г. и 2002 гг. в г. Саранске на базе Мордовского государственного университета, а также в работе республиканского совещания по вопросу совершенствования системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для нужд хозяйственного комплекса Республики Мордовия (18 октября 2001 г.). Научно-методический потенциал разработок активно использовался органами

исполнительной власти субъектов Российской Федерации, министерствами, ведомствами, администрациями местного (муниципального) самоуправления.

Предметом дальнейшей научно-исследовательской работы сектора стало выявление факторов, оказывающих влияние на принятие управленческих решений. В связи с этим в 2003 г. анализировалось влияние демографического фактора на систему образования в рамках проекта «Разработка методологии учета демографического фактора и прогнозов его изменения в реализации образовательной политики». В процессе исследования выявлена структура демографических факторов, учитываемых в управленческих решениях, корректировке образовательной политики, а также разработаны модели и механизмы учета демографического фактора, которые могут быть использованы в совершенствовании концептуальных основ модернизации образования. Основанием разработки моделей стал проведенный НИИ регионологии анализ современной демографической ситуации и состояния образовательных систем России, Приволжского федерального округа, Республики Мордовия. Предпринята попытка определения вектора дальнейшего развития образования в новых демографических условиях.

Следующее приоритетное направление исследований сектора региональных систем образования — проблема развития высшей школы. Результатом этой работы стало обоснование концепции университетизации, понимающейся как способ построения высшего образования по территориально-многоотраслевому принципу в целях комплексного, системного интеллектуального развития страны. В 2001—2002 гг. в проекте «Разработка моделей и механизмов создания и развития университетских комплексов как академических и социокультурных центров» (в рамках исследовательских программ Министерства образования и науки РФ «Научное, научно-методическое, материально-техническое и информационное обеспечение системы образования», «Федерально-региональная политика в науке и образовании») эта тема получила дальнейшее развитие. Цель исследования — обобщение опыта формирования и развития университетских комплексов России, анализ моделей университетских комплексов, их дифференциации в зависимо-

сти от статуса и степени интегрированности в региональный социум, механизмов их создания и развития как академических и социокультурных центров. Результатом этой работы стала Концепция «Механизмы создания и развития университетских комплексов как академических и социокультурных центров», разработанная на основании результатов социологического исследования, проведенного в «пилотных» регионах: республиках Мордовия, Чувашия, Пензенской области.

Университетскому комплексу в Концепции отводилась роль ведущего центра развития социума региона, выступающего основной сферой осуществления образовательной политики, направленной на формирование эффективной региональной образовательной системы, реализующей инновационный, кадровый, научный, творческий потенциалы, и определяющей динамику регионального развития. Университетский комплекс, синтезирующий классическую и неклассическую модели образования, призван поддерживать высокие стандарты фундаментальности, выступать государственным гарантом соответствия общероссийским и международным стандартам. Результаты этой работы использованы рабочей группой, формирующей основные положения Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Типового положения об университетских комплексах».

Многолетняя исследовательская деятельность стала основанием участия НИИ регионологии в разработке программы развития Мордовского государственного университета им. Н.П.Огарева и определения его роли как локомотива формирования информационного общества в регионе, интеллектуальной основы социально-экономического потенциала республики, источника передовых идей и кадров высокой квалификации, ведущего центра формирования единой информационной образовательной среды регионального социума.

Значительное место в работе сектора занимает проблема реструктуризации сети общеобразовательных сельских школ, являющаяся актуальной для многих регионов России. В мониторинге реструктуризации на основе программных документов, анализа сложившейся ситуации в сфере обра-

зования, результатов социологических исследований отслеживается реализация приоритетных направления реструктуризации сельских школ. Предлагается ряд моделей оптимизации их сети: обязательное сохранение в селах начальных школ, создание комплексов «детский сад — школа»; создание оснащенных базовых (кустовых) школ с компьютерными классами и лабораториями; доставка к ним детей из соседних сел, начиная с 5-го класса, на специальных автобусах. Если качество дорог не позволяет использовать школьный автобус, предусматривается дистанционное обучение детей; создание интернатов.

Проблемам сбалансированности образовательных услуг и потребностей рынка труда посвящены исследования «Эффективность профессионального образования в Республике Мордовия» и «Профессиональная ориентированность выпускников учреждений общего, начального, среднего специального и высшего профессионального образования Республики Мордовии». Эти разработки, основанные на анализе данных социологического исследования «Эффективность профессионального образования в оценке работающих выпускников учебных заведений», показали необходимость принятия ряда решений в этой сфере. В качестве первоочередных определены ориентиры на создание условий динамичного развития системы непрерывного профессионального образования как основного фактора его модернизации в республике. Этому процессу способствует эффективная система профессиональной ориентации выпускников учреждений общего и профессионального образования Мордовии. Предложенные мероприятия по улучшению ситуации в области профориентационной работы направлены на разработку Межведомственной Программы содействия трудоустройству и адаптации к условиям рынка труда выпускников учреждений профессионального образования Республики Мордовия. Обоснована необходимость организации с участием работодателей разработки прогнозов потребностей региональных, муниципальных рынков труда в рабочих кадрах, в том числе в разрезе профессий и специальностей. Условием успешной профессиональной ориентированности обозначено формирование единого баланса рынков труда и образовательных услуг с участием союзов работодателей,

профсоюзов, советов ректоров вузов, советов директоров учреждений общего и профессионального образования, профессиональных ассоциаций, общественных организаций, студенческих союзов и т.д.

Для руководства республики, университета всегда были актуальны вопросы организации системы поддержки и стимулирования интеллектуальной творческой активности детей и молодежи. Еще более значимой эта проблема стала в связи с инициированным Президентом РФ масштабного национального проекта в сфере образования, реализация которого дает новый положительный импульс достижению качественных результатов по основным направлениям развития образования и прежде всего через поддержку инициативной, талантливой молодежи. Для дальнейшего стимулирования и повышения эффективности системы поддержки талантливых детей и молодежи в тематическом мониторинговом исследовании предложены мероприятия по созданию организационных и экономических условий сохранения и восполнения интеллектуального потенциала республики, развития новых форм инновационной деятельности, способствующих социально-экономическому и технологическому развитию РМ.

Учитывая многонациональный состав населения Российской Федерации и ее регионов, необходимость существования в рамках ее образовательной системы целого комплекса национально-региональных компонентов образования, подготовлен бюллетень, посвященный анализу приоритетных направлений развития национального образования. Основной целью государственной политики Мордовии в области национального образования определено создание оптимальных условий для образования граждан в соответствии с их способностями, интересами, интеграция в национальную и мировую культуру, а также повышение интеллектуального потенциала народа и воспитание национальных кадров.

Накопленный опыт, осмысление задач развития современного российского общества, радикальная трансформация государственного устройства страны обусловили объективную потребность в разработке методологии реализации региональной и этнокультурной политики в образо-

вании. Важность этого направления существенно актуализируется в связи с проводимой административной реформой, обновлением формата разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов федерации и муниципалитетами. Это направление нашло отражение в проекте «Исследование механизмов реализации региональной и этнокультурной политики в условиях модернизации современного российского общества», разрабатываемом по заказу Министерства образования и науки РФ.

Создаваемая научно-методологическая база и накопленный опыт могут стать основанием создания на базе НИИ регионологии центра по разработке механизмов реализации региональной и этнокультурной образовательной политики Российской Федерации.

КИЖЕВАТОВА В.А., КРИВЕНКОВА В.В. Российский средний класс: проблемы становления и изучения: Учебное пособие / Под общ. ред. В.А.Кижеватовой. Ульяновск: УлГУ, 2005. 178 с.

Переход к рыночной экономике в России вызвал изменения социальной структуры, выразившиеся в значительной поляризации общества по уровню жизни и другим признакам жизнеобеспеченности. Сегодня социальная структура российского общества продолжает изменяться и характеризуется крайней неустойчивостью, идет процесс «размывания» социальных групп, сложившихся к моменту начала реформ, и одновременно происходит становление ряда новых общественных страт.

Новое явление для российского общества (средний класс) вызывает интерес в научной среде. Авторы рецензируемого учебного пособия обобщают несколько подходов к изучению и выделению среднего класса. Останавливаясь на трудностях выделения российского среднего класса, авторы подчеркивают, что именно теневой характер российской экономики не позволяет в полной мере полагаться на один из важнейших критериев, выделяемых западными исследователями, — уровень среднедушевого дохода. Они обращают внимание на разброс оценок исследователей (экономистов и социологов), показывающих, что принадлежат к среднему классу от 7 до 70 % российского населения.

Исторический анализ подходов к определению среднего класса и его функций в обществе, осмысление существующих в современной российской социологии попыток выделения школ, описание критериев и оценок, даваемых среднему классу различными исследователями, — это далеко неполный перечень вопросов, освещающихся в книге.

Структура работы вполне логична: от исторического экскурса по социальной стратификации до анализа российских научных школ по выделению российского среднего класса. При подготовке пособия был использован отечественный и зарубежный материал по социальной структуре и становлению среднего класса в современном обществе.

В первой главе «Социальная стратификация и средний класс в исторической ретроспективе» очерчиваются теоретико-методологические подходы к исследованию социальной структуры общества. Представлены три основных направления стратификационной теории, берущие начало в классическом социологическом наследии: марксизм, веберианство и функционализм.

Во второй главе «Средний класс в современных западных странах: виды, функции, место в социальной структуре» раскрыты понятие среднего класса, его состав и характеристики; показаны место среднего класса в социальной структуре, функции среднего класса, его роль в вертикальной мобильности; уделено внимание генезису среднего класса за рубежом.

Третья глава «Средний класс в России в условиях трансформирующегося общества» посвящен проблемам становления среднего класса в России в условиях переходного периода, а именно: правовым и экономическим трудностям выделения среднего класса. Представлены различные взгляды российских исследователей на становление новой социальной структуры.

В четвертой главе «Научные школы изучения российского среднего класса» представлены многочисленные исследования ученых по изучению расслоения российского общества. Авторы, не претендуя на заверешенность проработки современных взглядов по выделению российского среднего класса, представляют свое видение «научных школ» по изучению российского среднего класса, т.е. сложившиеся подходы различных российских исследователей к проблеме выделения среднего класса в обществе в России.

Пятая глава «Становление среднего класса в провинции» посвящена изучениию среднего класса в г.Ульяновске. Представлены результаты исследования уровня и качества жизни домохозяйств; их самооценка, своего материального положения; объективное и субъективное определение уровня бедности и богатства; представления респондентов о среднем классе.

Рецензируемое пособие сопровождает богатый хрестоматийный материал, помогающий глубже раскрыть отдельные темы.

Авторы, обобщая зарубежный и российский опыт исследователей среднего класса, показывают, что для становления и развития среднего класса в России требуется ряд реформ, способствующих адекватности статистического учета доходов, легализации теневого бизнеса, социальной ориентированности экономической политики, становлению эффективно работающей правовой системы и политической стабильности.

В качестве недостатков рецензируемой работы следует отметить два момента. Авторы не обращаются к характеристике факторов формирования среднего класса в современной России и в мире. Например, становление информационного общества, изменяющее стратификационную картину решительным образом. Остается без внимания и концепция устойчивого развития как важнейший стратегический вектор, неразрывно связанный с идеей развития среднего класса во всех обществах. Отмеченные недостатки могут служить для контекстуального развития темы среднего класса и высказываются в качестве пожеланий для авторов в их дальнейшей работе.

Учебное пособие может быть полезным не только студентам, обучающимся на гуманитарных специальностях, в системе переподготовки и повышения квалификации, но и всем, интересующимся становлением средних классов в российском обществе.

В.В.ПИСАЧКИН,
старший преподаватель
кафедры гражданского права
и процесса Мордовского
государственного университета,
кандидат социологических наук

СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ В ФИННО-УГОРСКИХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

24—26 мая 2006 г. в г. Саранске состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Состояние национально-русского двуязычия в финно-угорских регионах Российской Федерации», приуроченная к Дню славянской письменности и культуры. Организаторами конференции выступили Министерство образования Республики Мордовия, Государственный комитет Республики Мордовия по национальной политике, Мордовский государственный университет. В работе конференции приняли участие представители и специалисты Государственного комитета РМ по национальной политике, аппарата Администрации Главы Республики Мордовия, министерства образования РМ, ученые из Москвы, Пензы, Йошкар-Олы, Саранска и других регионов России.

В приветственном слове к участникам конференции председатель Государственного комитета РМ по национальной политике А.С.Лузгин отметил важное политическое и государственное звучание Закона Республики Мордовия от 6 мая 1998 г. № 19-З «О государственных языках в Республике Мордовия» и выразил озабоченность сокращением численности финно-угорских народов из-за сложной демографической ситуации в стране.

На пленарном заседании в докладе М.В.Мосина была затронута проблема преподавания финно-угорских языков в условиях двуязычия в финно-угорских регионах РФ на современном этапе. Докладчик отметил, что уменьшается численность учащихся, изучающих финно-угорские языки в местах их компактного проживания. Проблема русско-национального двуязычия становится все более актуальной, следовательно, государственная политика должна быть направлена на сохранение малочисленных народов РФ.

Вопросы сохранения языка как ценности, как средства общения не только межнационального, но и межкультурного, сохранения культуры русского, мордовского, марийского и других народов были рассмотрены в докладах Н.А.Ипполитовой (Москва), Н.Д.Десяевой (Саранск). Ими подчеркивалась мысль о том, что двуязычие — это проблема умения общаться в социуме с помощью межкультурных коммуникаций. Межкультурное взаимодействие является синхронным взаимодействием языка и культуры. Исторический аспект развития региональных вариантов мордовско-русского двуязычия был затронут в докладе В.П.Киржаевой (Саранск). О том, какое влияние на состояние и формирование национально-русского двуязычия оказывает пресса Мордовии, отмечалось в выступлении Ю.А.Мишанина (Саранск).

В выступлении заместителя министра образования РМ И.И.Карпова акцентировалось внимание на вопросах внедрения билингвизма в образование детей, выступающего как условие их успешной адаптации к жизни. Выходом из языко-

вых барьеров в поликультурном образовании становится построение системы образования, опирающейся на идеи диалога культур, полилингвизма, современные ценностные ориентации личности и общества, позволяющие развивать свою культуру представителям всех региональных этносов. Эта идея легла в основу системы развития национального образования Республики Мордовия. В республике с учетом региональной специфики и этнической структуры сложились разные уровни работы с родным языком: в школах с однородным по национальному признаку контингентом детей мордовской или татарской национальностей обучение в начальном звене ведется на родном языке, русский язык изучается как предмет. Со второй ступени обучение переводится на русский язык, родной изучается как предмет; в школах со смешанным по национальному признаку контингентом детей, где дети мордовской, татарской национальностей составляют большинство, родной язык изучается как предмет на всех ступенях обучения, которое ведется на русском языке; в школах с преобладающим контингентом детей русской национальности вводится изучение мордовских языков на уровне разговорной речи; кружковая, факультативная работа, где дети знакомятся с мордовской литературой, историей и культурой родного края. Создание краеведческих музеев, оформление выставок, проведение конкурсов также способствует развитию устойчивого интереса к изучению родного языка.

Статус мордовских языков как государственных требует в современной системе образования формирования активного двухстороннего мордовско-русского и русско-мордовского двуязычия. В связи с этим, согласно приказу министерства образования РМ от 8 октября 2004 г. «О введении эксперимента по изучению мокшанского, эрзянского языков в учреждениях общего образования с русскоязычным и смешанным по национальному составу контингентом обучающихся», начался новый этап изучения мордовских языков.

Работа конференции была продолжена на секционных заседаниях, где рассматривались языковые процессы в финно-угорских регионах РФ, актуальные проблемы стилистики, культуры речи и риторики в аспекте их изучения в вузе и национальной школе, проблемы профессиональной коммуникации в условиях билингвизма, вопросы освещения проблем национально-русского двуязычия и этнокультуры в СМИ. По итогам межрегиональной научно-практической конференции готовится издание материалов.

Т.И.ГОЛУБЧИК,
Л.П.КАНАЕВА
(г.Саранск)

ANNOTATIONS

Message of President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation of May 10, 2006.

V.V.Tcheblanova. Global Threats: Regional Practices of Opposition.

Practices, emerging on the regional level as response to the globalisation of the terrorism threat, are analysed in the article. New social institutes, professional groups, public organisation of initiative groups of inhabitants self-defence, prophylactic measures for minimisation of terrorist acts are in the focus of attention.

T.A.Kireeva. Influence of Non-Governmental Organisations on the Development of International Relations.

An attempt to analyse influence of non-governmental organisations on the development of international relations is made in the article. Typology of international relations on different bases is presented.

S.A.Tchankin. National Projects in the Context of Economic Development in Russian Regions.

An attempt to analyse implementation of priority national projects in the Republic of Mordovia through the prism of its economic development is made in the article.

T.A.Korneeva. Methodology of Corporative Management: Regional Aspect.

Financial strategy of corporation, financial functions of its divisions, investment strategy and its structure (institutional as well as economic) are analysed in the article. Methods for evaluation of regional aspects of corporative investment strategy and algorithm for its investment portfolio are offered.

A.I.Merkushev. Methods for Preliminary Estimation of Credit Risk of Small Business Enterprises for Regional Commercial Bank.

Integrated methods for determination of solvency of small business clients, in particular, non-juridical and juridical organisations, applying special taxation procedures are presented in the article. The methods are elaborated on the basis of one of regional commercial banks of the Kirov Region.

T.M.Polushkina. Problems and Role of Agricultural Credit in Financial Regulation of the Development of Russian Village.

Credit co-operation as component of financial regulation of the development of Russian agrarian sector is analysed in the article. Place and importance of credit co-operation in the process of protection of economic interests of small agrarian business in the solution of problems of food safety of the country are highlighted.

M.V.Malakhovskaya, E.G.Matyugina, Yu.V.Kosova. Formation of Regional Development Policy in the Context of Nature Management as the Way to Provide Integrity of National Economy.

The article treats peculiarities of formation of regional development policy in the context of nature management as the way to provide integrity of national economy. Availability of differentiation of regions' development is stressed as well as instruments for provision and support of their sustainable development are considered.

N.V.Nikitenko. Stratagems in the Market of Educational Services.

The analysis of present-day state of experimental activity in the framework of domestic educational system is presented in the article. Innovation strategy of local, module and systematic changes as well as problems, arising in the process of its implementation, are treated.

O.I.Klyuchko. Gender and Tolerant Characteristics of Regional Education Entities.

The results of the research of gender stereotypes and identity of educational process participants (school-children, teachers, parents and students), carried out in schools, colleges and universities of Mordovia, are presented in the article. High level of disputed cases, conditioned by lack of coincidence within gender roles, is revealed. Methods for the development of gender tolerance in the educational process are offered. Gender component for professional pedagogical education is elaborated.

S.N.Fyodorova. Ethno-Psychological Peculiarities of the Mari Ethnology in Professional Activities of a Teacher.

Basic ethno-psychological peculiarities of the Mari ethnology as well as their influence on personality development and importance of their accounting in the professional activities of a teacher are analysed in the article.

O.B.Kevbrina. Higher Co-Operative Education in Mordovia on the Border of Centuries.

The analyses of the development of higher co-operative education in Mordovia in the end of the XX – the beginning of the XXI centuries is analysed in the article. The activities of the Saransk Co-Operative Institute, oriented to the creation and development of multi-level system of specialists training, is in detail highlighted. This system promotes modernisation of regional consumer's co-operation.

A.N.Teslenko. Sociolisational Potential of Kazakhstan Youth: Experience of Social Partnership.

On the basis of sociological research sociolisational potential of Kazakhstan youth: evaluation of the political situation, relation to actual problems of modern Kazakhstan, including political ones, motives for participation of youth in the politics are analysed in the article. Indifference towards politics from the part of modern youth of Kazakhstan is highlighted.

I.N.Krakovskaya. Human Capital of the Region: Problems of Preservation and Development.

Demographic factors for reduction of human capital in the Republic of Mordovia, its state on the labour market as well as main trends in the social policy of the region are analysed in the article.

I.I.Osipova. Re-Sociolisation of the Under-Age with Deviant and Delinquent Behaviour.

On the basis of the results of sociologic research, carried out in the colonies for the under-age in the Bryansk, Kirov, Leningrad and Kostroma Regions and specialised vocational school in Maikop (Adygei Republic), the points of re-sociolisation as provision of the under-age belonging to groups of risk with the necessary conditions for integration into the society: reestablishment of relative links, life support, education, job placement, invigoration, involving into socially important activities as well as organisation of individual social accompaniment and control are analysed in the article.

V.V.Ruzhenkov. Geo-Ecology of Landscapes in the Territory of Mordovian Hydroelectric Power Station.

On the basis of fund and literary data and materials of complex engineering research the analysis of the state of landscape capsule in the territory of the assumed Mordovian hydroelectric power station is carried out. The analysis of the landscape components allows concluding that in general the condition of the territory under research is quite favourable for the planned construction.

E.V.Dzyakovich. Peculiarities of Mass Media Informational Space of the Region.

In the article, devoted to the analysis of mass media in the Saratov Region, the role of mass media in the public life of the region, structure of regional mass media are considered. Tendencies and perspectives for their development are outlined. Regional mass media informational space is represented by integrated mass media, covering all the region and wide spectrum of differentiating mass media, functioning on the local level.

N.G.Tarakanova. Historical Experience of Justice of the Peace Institute in the Russian Province.

The history of establishing in the Penza Province universal legal procedure and its structure are analysed in the article. Peculiarities of such legal procedure and its features, similar to the one, existing nowadays in Russia, are noted.

S.M.Bukin. Communal Self-Government of Mordva in the Second Half of the XVI – XVII Centuries.

Mordovian peasants' community, its structure, functioning mechanism are analysed in the article. Significant attention is paid to the community

from the point of view of the guardian of national state system and community-legal norms traditions.

M.S.Ulanov. Buddhism in Kalmykia on the Border of the XX – XXI Centuries.

The process of the revival of Buddhism in the Republic of Kalmykia is analysed in the article. The most important events in this process are highlighted and its stages are distinguished.

E.V.Polutina. Socio-Cultural «Nests» in the Province: Historiographic Analysis.

Historiographic analysis of the development of one of the trends in the research of socio-cultural evolution of the Russian province is presented in the article. The analysis is based on the concept of «socio-cultural nest»; its definition and structure are represented.

I.V.Berova. Sources for Visualisation of Architectural Chronotop in the Culture of the Vyatka Region.

Mechanisms for the formation of regional cultural space are analysed in the article. Its autochtonity and determinants of regional spatial cultural genesis are distinguished. The author explains the history of culture and architecture of the region, using methods of geographical determinism and diffusionism, describes imperatives, influencing the formation of cultural space, and the role of the separate regions in the processes of cultural convergence.

V.A.Nezhdanov. Formation and Development of Scientific Researches in the Sector of Ecology and Demography.

The development of scientific researches in the sector of ecology and demography of Scientific and Research Institute of Regionology under the Mordovian State University is analysed in the article.

V.P.Minichkina. Regional Programmes of Social and Economic Development: Problems of Methods.

The analysis of the experience in elaboration of federal and regional programmes for the development of the territory, carried out by Scientific and Research Institute of Regionology for the last 15 years, is made in the article.

N.V.Shumkova. Ethno-Sociological Researches of Scientific and Research Institute of Regionology.

The analysis of the researches of the sector of international relations of Scientific and Research Institute of Regionology under the Mordovian State University is represented in the article.

L.P.Kanaeva, N.V.Ivashkina, N.P.Kasatkina. Problems of State Regional Educational Policy.

Scientific and research activities of the sector of regional educational systems of Scientific and Research Institute of Regionology under the Mordovian State University are analysed in the article.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ РЕГИОНОЛОГИИ»

ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

СОЦИОПАРК «РЕГИОНОЛОГИЯ»

осуществляет маркетинговую экспертизу деятельности предприятий и организаций по следующим направлениям:

- ❖ тенденции и динамика развития рынка товаров или услуг;
- ❖ товарная и фирменная структура рынка;
- ❖ аудитория потребителей и ее ценовые ожидания;
- ❖ рынки сбыта и эффективность рекламы;
- ❖ система управления персоналом и социально-психологический климат в трудовом коллективе.

А также предлагает:

- ➢ организационно-методическое и информационно-аналитическое содействие предприятиям в осуществлении маркетинговой деятельности;
- ➢ разработку, организацию и проведение социологических и маркетинговых исследований полного цикла, а также их отдельных этапов;
- ➢ экспертное, методическое и техническое обеспечение маркетинговых и социологических исследований;
- ➢ содействие в укреплении и развитии межрегиональных связей между маркетинговыми и социологическими центрами страны;
- ➢ консультирование и обучение специалистов предприятия, в т.ч. в форме повышения квалификации.

Контактная информация:
430000, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Б.Хмельницкого, д. 39а
Тел.: (834-2) 47-44-51; 48-07-00; 48-12-40
Факс: (834-2) 47-39-95
E-mail: rri@moris.ru

Уважаемые читатели!

Редакция научно-публицистического журнала «Регионология» совместно с Федеральным государственным научным учреждением «Научно-исследовательский институт регионологии» проводит почтовый опрос своих читателей. В связи с этим многие из Вас получили по почте анкеты читателя.

Убедительно просим Вас заполнить анкету и выслать ее на адрес редакции журнала.

Отвечая на вопросы анкеты, Вы можете дать оценку научно-публицистическому журналу «Регионология», выразить свое мнение по поводу возможных путей его модернизации и развития, его места среди других печатных изданий.

Кроме Вас на вопросы данной анкеты отвечают еще 500 человек на территории Российской Федерации. Мы дорожим мнением каждого из участников опроса. Из Ваших ответов складывается реальная оценка эффективности деятельности редакции журнала.

Результаты исследования будут опубликованы в журнале.

Заранее Вам благодарны!

Главный редактор
А.И.СУХАРЕВ

Журнал распространяется по подписке, часть тиража — бесплатно.

Технические редакторы *Т.Т.Алыкова, Е.Н.Маскаева,*
Корректор *Л.В.Калачина*
Макет *И.А.Пакшиной, В.И.Пивкиной*
Перевод аннотаций *С.И.Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Сдано в набор 03.05.2006. Подписано в печать 30.06.2006. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Jurnal. Усл. печ. л. 18,61. Уч.-изд. л. 17,95. Тираж 1000 экз. Заказ № 2806.

Адрес редакции: 430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а. ФГНУ «НИИ регионологии». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@yandex.ru, rri@moris.ru

---

Набрано в Федеральном государственном научном учреждении «НИИ регионологии».
430000 г. Саранск, ул. Б.Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ Республиканская типография «Красный Октябрь».
430000 г. Саранск, ул. Советская, 55а.